№ 41 (6388)
17–23 октября 2012 г.

Читающая Москва на Frankfurter Buchmesse

Завершила свою работу крупнейшая в мире 64-я Франкфуртская книжная ярмарка. Департамент средств массовой информации и рекламы города Москвы представил медиаэкспозицию издательских программ Правительства Москвы «Москва книжная».

СТР. 7

Миражи и маяки

России нужна идеологии развития, созидательная логика. А её заедает демократическое шоу. Государство, не желающее умирать, создаст благоприятные условия для трудяг, затрудняя путь к успеху пенкоснимателям и авантюристам.

СТР. 3

Запах попкорна

Книга Сергея Минаева «Duxless» экранизирована! Зачем это сделали? Стала ли богаче история отечественного кинематографа?

СТР. 8

Лики российской провинции

С начала девяностых годов численность населения малых и средних городов России снизилась в среднем на 10–15 %, и не только из-за высокой смертности. В поисках лучшей доли трудоспособные сограждане бегут в крупные населённые пункты, областные центры и мегаполисы. Как же остановить обезлюдение провинции? Как сделать жизнь в любом уголке нашей страны комфортной и культурно насыщенной?

СТР. 13

* Издание книг и их реализация.
* Набор, вёрстка, корректура и редактура книг.
* Публикация прозы и поэзии в журналах «Российская литература» и «Литературный альманах «Спутник».

Всё это предлагает вам издательство «Спутник+».

**109428, г. Москва, Рязанский проспект, д. 8А.
www.sputnikplus.ru
E-mail: sputnikplus2000@mail.ru
Тел.: (495) 730-47-74, 778-45-60, 730-48-71**

На этой неделе наш сайт www.lgz.ru посетили 18 974 человека. Заходите!

9 770233 430004 12041

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Газета основана в 1830 году при участии А.С. ПУШКИНА
Издание возобновлено в 1929 году при поддержке М. ГОРЬКОГО

www.lgz.ru

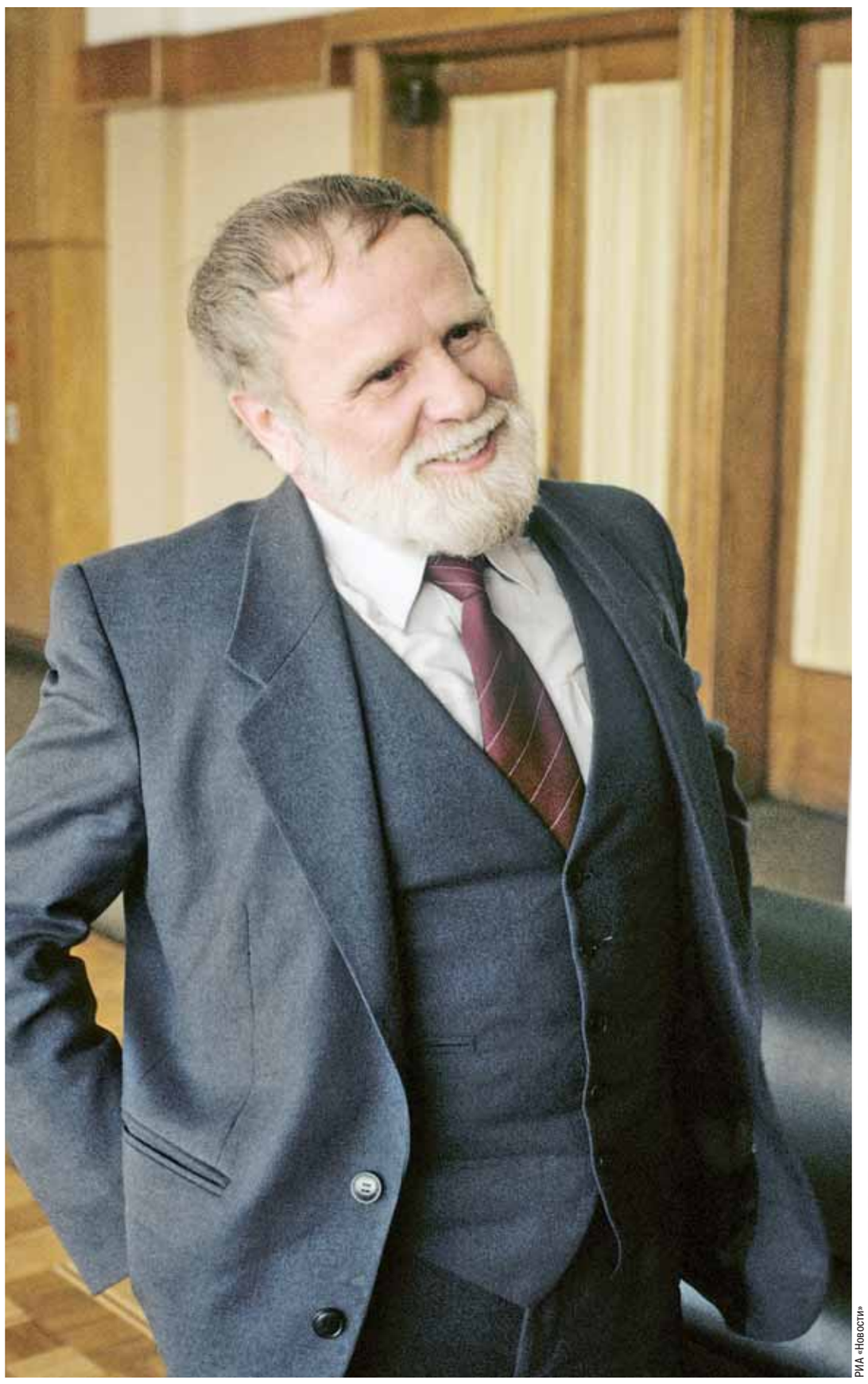
Literaturnaya Gazeta

EUROPE: D – 2,20€; A - 2,30€; B - 2,30€; PL – 12,90 PLN; L – 2,30€; CZ – 75,00 CZK; H – 720 HUF; SP – 2,50€; I – 2,50€; GR – 2,5€; CYP – 1,35 CYP; TR – 5 M. TRL; CH – 3,50 CHF; GB – 1,80 GBP; DK – 20,00 DKK; S – 25,00 SEK; NOR – 25,00 NOK; E – 15 EGP; USA – 2,50 $; C – 2,5 CAD

Международное издание

Выходит по средам

«Человек счастлив, пока у него есть родина»



РИА «Новости»

Выдающийся русский писатель Василий Иванович Белов отметит 23 октября восьмидесятилетний юбилей! Сегодня уже невозможно представить себе русскую литературу без «Привычного дела» или «Плотницких рассказов». Эти произведения словно бы всегда существовали в нашей словесности – настолько органично они соседствуют с другой классикой.

Белов – это целая эпоха. Он один из первых советских авторов начал поднимать вопрос об исчезающей деревне и разрушении жизненного уклада крестьян. Впоследствии к нему присоединились другие писатели-деревенщики, и вместе они составили золотой фонд русской прозы второй половины XX века.

Убеждённый славянофил, патриот и государственник, Белов неоднократно становился мишенью для прозападно ориентированных критиков и публицистов, однако всякий раз выходил из этих баталий победителем. Читательская любовь и авторитет среди собратьев по перу – вот лучшая оценка его творчества и гражданской позиции.

Отрадно, что в наше время – бездумной ломки устоев и постмодернистского сбрасывания кумиров с парохода – о Белове не забыло государство. Региональные власти профинансировали выпуск в редакционно-издательском центре «Классика» семитомного собрания сочинений писателя, которое 24 октября будет презентовано в Москве в доме Пашкова.

В Вологде также состоятся торжественные мероприятия. Со всей России съедутся туда писатели, которые будут выступать в библиотеках, учебных заведениях, обязательно посетят малую родину Василия Ивановича – деревню Тимониха.

«Литературная газета» обязательно присоединится к многочисленным поздравлениям, которыми через неделю будет засыпан прославленный вологжанин, всей свой нелёгкой жизнью, всем творчеством заслуживший право говорить от имени России. Низкий поклон Вам, Василий Иванович!

Продолжение темы на стр. 5

«ЛГ»-РЕЙТИНГ

● Василий Белов. **Лад**: Очерки о народной эстетике. – М.: Прогресс-Плеяда, 2012. – 408 с.: ил. – Тираж не указан.

«Книга не случайно называется «Лад» и рассказывает о ладе, а не о разладе крестьянской жизни. Она была задумана как сборник зарисовок о северном быте и народной эстетике. При этом я старался рассказывать лишь о том, что знаю, пережил или видел сам либо знали и пережили близкие мне люди», – отмечает автор. Главное в книге не только лирические, наполненные неповторимыми подробностями истории о быте и укладе крестьянской жизни, преимущественно Русского Севера, обычаи и поверья, но и народные идеалы красоты, добра и справедливости, веры в которые сегодня так не хватает.

Большое внимание в «Ладе» уделено искусству народного слова. Даже по одному оглавлению можно сказать, насколько разнообразна и самобытна народная речь: предание, бывальщина, сказка, бухтина, пословица, песня, причитание, частушка, раёк, заговор, загадка, прозвища.

● Михайлова Н.И. **Василий Львович Пушкин.** – М.: Молодая гвардия, 2012. – 406 с. – Серия «Жизнь замечательных людей». – 5000 экз.

Родной дядя и первый наставник в поэзии Александра Сергеевича Пушкина, «сосватавший» его «с музами», – вот место, которое в нашем сознании занимает герой этой книги. Но Василий Львович Пушкин (1766–1830) и сам был весьма примечательной личностью. Участник литературных битв, определивших будущее русской словесности, в начале XIX столетия, автор первых поэтических манифестов, приверженец «карамзинской» школы, староста знаменитого «Арзамаса», он получил широкую известность благодаря своей поэме «Опасный сосед» – едва ли не самому знаменитому литературному произведению «допушкинской» поры, которое по цензурным соображениям не имело шансов быть напечатанным, зато ходило в многочисленных списках и заучивалось наизусть. О В.Л. Пушкине и о многих событиях, связанных с его жизнью, рассказывает автор «ЛГ», доктор филологических наук, академик Российской академии образования, заместитель директора Государственного музея А.С. Пушкина по научной работе Наталья Ивановна Михайлова.

● Васильев-Макаренко А.С. **Милая Мария, дорогой Иван: Повесть, рассказы.** – М.: Русскій Міръ, 2012. – 544 с. – 1000 экз.

Антон Васильев-Макаренко – сын поэта Сергея Васильева, а по матери – внук писателя Антона Макаренко, доцент ВГИКа, режиссёр-документалист. Первая книга стихов «Слова» вышла в 1999 г. В. Кожинов писал о нём: «Антон Васильев, по сути дела, упорно и страстно стремится утвердить в своей книге непрерывную живую связь русских людей, городов и сёл России, её прошлого и настоящего». «Милая Мария, дорогой Иван» – яркая и самобытная проза кинорежиссёра. В книгу вошли повесть, рассказы и сказки, запечатлевшие духовные искания русского человека, тяготы, выпавшие на долю России в конце XX века и вплоть до современности. Нежно хранящий память об отце, Антон Сергеевич посвятил ему многие прозаические и стихотворные строки.

ПРЕМИЯ

Золотой Дельвиг

Автономная некоммерческая организация «Редакция «Литературной газеты» объявляет о внесении изменений в положение о премии и информирует об увеличении премиального фонда премии «За верность Слову и Отечеству» имени Антона Дельвига, первого редактора «ЛГ»

С 1 октября 2012 года премия имени А. Дельвига учреждается как ежегодная российская общенациональная премия.

Цель премии – профессиональное признание и поддержка литераторов, чьи книги и публикации продолжают и приумножают лучшие традиции и ценности классической русской, многонациональной советской и российской литературы, являют высокий уровень мастерства, сохраняют и развивают национальный литературный язык, полно и самобытно отражают процессы, происходящие в обществе, способствуют укреплению и процветанию Отечества.

Премия присуждается по номинациям:

1. Современная проза
2. Историческая проза
3. Поэзия (малые формы)
4. Поэзия (большие формы)
5. Публицистика
6. Критика и литературоведение
7. Художественный перевод
8. Сатира
9. Детская и юношеская литература
10. Литературный дебют.

Премиальный фонд – семь миллионов рублей.

Учреждаются:

– **Три первых премии** по одному миллиону рублей каждая (с вручением «Золотой медали Дельвига»).

– **Шесть вторых премий** по пятьсот тысяч рублей каждая (с вручением «Серебряной медали Дельвига»).

– **Четыре премии «Дебют»** по двести пятьдесят тысяч рублей каждая (с вручением дипломов лауреатов).

Премия присуждается решением жюри на основании заключений экспертов и личного ознакомления с номинированными произведениями. Жюри и корпус экспертов формируются и обновляются ежегодно редколлегией «ЛГ». Члены жюри и эксперты не имеют права на соискание премии.

В том случае, если премия не присуждается по какой-либо номинации ввиду отсутствия достойных сочинений, освободившиеся средства по решению жюри передаются для премирования авторов произведений в других номинациях.

На премию представляются книги на русском языке, изданные не позднее чем за два года до объявления о начале выдвижения номинантов.

Номинировать книги на премию имени Дельвига могут творческие союзы, включая отделения в субъектах Российской Федерации, фонды, чья деятельность связана с культурой, кафедры литературы высших учебных заведений, литературно-художественные периодические издания, а также издательства. Произведения, написанные на языках народов России, представляются в художественном переводе на русский язык. В случае присуждения премии литератору, пишущему на национальном языке, её денежный эквивалент делится между автором и переводчиком в равных долях.

Письмо-выдвижение носит произвольный, свободный характер. В нём приводится краткая характеристика выдвигаемой книги, **изданной не позднее 1 октября этого года и не ранее 1 октября 2010 года, то есть в течение последних двух лет.**

Кроме того, сообщаются данные о выдвигающей организации с указанием адреса и контактных телефонов.

Основные данные о соискателе: место и время рождения, писательский стаж, главные изданные книги, а также домашний адрес и телефоны.

Письмо-выдвижение направляется в редакцию «ЛГ» с приложением двух экземпляров выдвигаемой книги.

Конкурсное жюри не входит в переписку с выдвигающими организациями и с авторами-соискателями.

***

В 2012 году приём книг (произведений), выдвигаемых на соискание премии, осуществляется по ускоренной программе **до 1 декабря** по адресу: 109028, Москва, Хохловский переулок, дом 10, строение 6. Редакция «Литературной газеты», тел. для справок 8 499 788 00 56.

Более подробную информацию вы найдёте на сайте **www.lgz.ru.**

Имена лауреатов премии объявляются в первом номере «ЛГ» наступившего года. Вручение премии происходит в Москве в атриуме Музея А.С. Пушкина в торжественной обстановке на специальном мероприятии, приуроченном к дню выхода в свет первого номера «ЛГ» (январь).

ЧТОБЫ ПОМНИЛИ

Торжественное открытие памятника автору романа «Строговы» Георгию Маркову состоялось на его родине в селе Ново-Кусково Томской области. Автор бронзового бюста – скульптор Всеволод Майоров.

С 1977 по 1989 год – Георгий Мокеевич был председателем правления Союза писателей СССР.

ОЧЕВИДЕЦ

Фейковина

Недавно известный петербургский писатель переслал мне тревожную статью «Русский язык больше не язык», появившуюся в электронных СМИ. «Обрати внимание, – написал мой коллега в конце, – даже тот чудак, который написал эту, в общем, справедливую статейку, не знает, что в контексте «Так ведь фигня получиться!» слово «получиться» нужно писать БЕЗ мягкого знака!»

Статья начиналась так: «Институт лингвистики в Тарту (бывшая Академия языковедения СССР) объявил, что русский язык в течение ближайшего года может быть исключён из списка языков мира. Мониторинг, ежегодно проводимый сотрудниками института, показал, что русский язык перестал соответствовать минимальным требованиям о самоидентичности, богатстве словарного запаса и сфере применения. Если в течение 2013 года картина не изменится, то русский язык будет объявлен мёртвым языком, со всеми вытекающими из этого последствиями: закрытие курсов русского языка в Европе, исключение его из официальных языков организаций мира (ООН, ЮНЕСКО) и запрет на его употребление в посольствах для общения с россиянами».

Дальше приводились признаки, по которым учёные сделали выводы о скорой потере международного статуса русского языка и его дальнейшей гибели. Например, нежелание общества производить адекватную замену иностранным словам. Говорилось о падении общего уровня грамотности, связанного в первую очередь с сокращением часов преподавания родного языка в школе, снижением культуры речи в СМИ и рекламе. О да! Отсутствие знаков препинания в наружной рекламе (самой, наверное, читаемой сейчас печатной продукции) можно объяснить разве что принципом: «Кто платит, тот и выбирает орфографию».

В целом я согласился с автором статьи – русский язык в который раз переживает тяжёлые времена.

Тема мне близка, я сам когда-то написал фельетон о ста пятидесяти чужеродных названиях ресторанов и кафе, прижившихся в моём родном Петербурге. Всех этих чуждых русскому уху Малибу, Навруз, Марот, Мейхуа, Мерв, Мерхаба, Морани, Тортуга, Суэлл, Триап, Гриц, Гурме, Густерин, Инвэко-Пит, Нуржан и прочих Джин Го и Тан Жёнах... От них деревенеет язык и наступает ступор в мозгах: где я нахожусь?

Но меня не устраивали возможные сценарии языкового давления и унижения России, заявленные в статье. Вроде того, что русских дальше прихожей не пускать, делать вид, что мы их не понимаем. Пусть учатся другим международным языкам, если свой язык испоганили!

Интересно, а кто в масштабах земного шара ведает языковыми статусами? Полез в Интернет, где статью обсуждали живо и горячо. Высмеивали инвалидные конструкции «как бы умер», «как бы родила», негодовали по поводу мерчендайзеров, кастингов, фьючерсов, а некоторые предлагали считать коверкающих родной язык откровенными вредителями и судить таковых по законам военного времени. Я чуть было сам не ввязался в полемику, но обнаружил любопытное разъяснение знающего человека.

Оказывается, эту статью, со ссылкой на учёных Тартусского университета, опубликовало Агентство фейковых новостей FogNews. В последнее время, дескать, фейк-новости (поддельные новости, «как бы новости», сплетни) стали вызывать больше шума и откликов у читателей, чем новости настоящие. А правду от вранья не всегда отличают даже серьёзные СМИ и перепечатывают эти сообщения. Агентства же, поставляющие такие новости, считают, что их проект – сатирический и безвредный.

В общем, никто не собирается лишать русский язык статуса официального языка ООН, среди коих числятся ещё китайский, арабский, английский, французский и испанский.

И тут вспоминается древнее: «Если это и неправда, то хорошо придумано».

Может, действительно и надо иной раз переполошить всех – от обывателей до руководства страны, чтобы общество, наконец, обратило внимание на острую проблему? Может, и нужны фейк-новости, своего рода провокации, некая альтернативная социологическая фантастика?

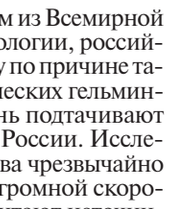
Например, такая.

«Как удалось установить учёным из Всемирной академии гельминтологии и социологии, российский мир может рухнуть к 2015 году по причине таинственных спойлерно-энергетических гельминтов, которые на сегодняшний день подтачивают здоровье семи из десяти граждан России. Исследования показали, что эти существа чрезвычайно неприхотливы, размножаются с огромной скоростью и завезены в Россию, как считают источники в спецслужбах, разведками недружественных государств.

Симптомы заболевания на первой стадии весьма безобидны и могут не вызывать тревогу у заболевших: слабость, апатия, повышенный или пониженный аппетит, зависть к чужим успехам, плохой сон, необъяснимая тяга к спиртному, нежелание ходить на работу при существующей зарплате, раздражительность при просмотре телевизионных новостей.

У некоторых людей критическое количество спойлерно-энергетических существ в организме вызывает повышенную обидчивость, крикливость, плаксивость, нетерпимость к чужому мнению, желание застрелить оппонента или засадить его в тюрьму. По мнению специалистов, размножение их лучше всего протекает при подпитке алкоголем и никотином, и ситуация, если не объявить тревогу, в ближайшие год-два может привести к полной депрессии большей части населения России. Возможно, именно поэтому Законодательное собрание Петербурга одним из первых в стране готовится рассмотреть пилотные проекты законов об обязательном освидетельствовании депутатов на психическую стабильность, а Госдума рассматривает возможность поднятия в разы акцизных сборов на алкоголь и табачные изделия.

Лекарство от заражения пока не найдено, но опыты на добровольцах показали, что таинственная зараза довольно быстро покидает человеческий организм при здоровом образе жизни, активной физической деятельности, отказе от просмотра новостных программ телевидения и погружения в блогосферу».



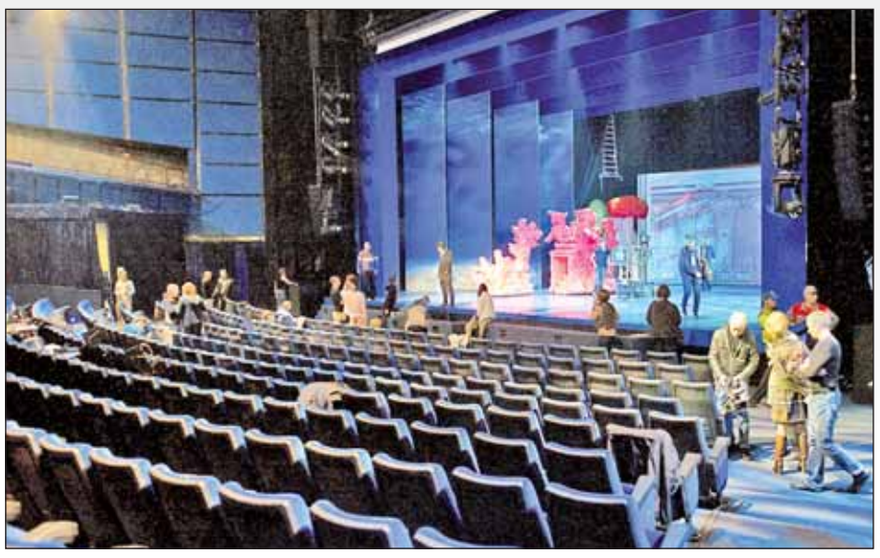
Как вам такая фейковина?

Дмитрий КАРАЛИС

Точка зрения авторов колонки может не совпадать с позицией редакции

МОСКОВСКИЙ ВЕСТНИК

Два года для перемен



РИА «Новости»

Как бы москвичи и гости столицы России ни сетовали порой на её невероятный ритм и всё, что с этим связано, в глубине души каждый всё-таки понимает: Москва – один из красивейших городов мира. Но ещё много надо предпринять, чтобы жизнь в ней стала более удобной и комфортной. Для этого делается немало. Фотографии представляют несколько приятных моментов из жизни сегодняшней Москвы.

Мэр столицы Сергей Собянин осматривает недавно сданную в эксплуатацию магистраль от Звенигородского шоссе до делового центра «Москва-Сити».

А эти новые, очень удобные трамваи французской фирмы «Альстом» пополнили недавно парк трамвайного депо имени Н. Баумана.

Сколько реконструкций пережил некогда первый кинотеатр страны – «Россия» – на Пушкинской площади. Сейчас это театральная сцена. Идёт репетиция мюзикла «Русалочка».

Два года на посту мэра Москвы – и много, и мало. И как в чём-то спорят между собой соцопросы, проведённые «Левада-Центром» и Центром мониторинга общественного мнения (ЦМОМ), так спорят и сами москвичи: с новым мэром стало лучше или хуже?

ЦМОМ выяснил: работу Сергея Собянина и его команды одобряют 66 процентов опрошенных, «Левада-Центр», опросивший, правда, всего 500 человек, возражает: случись выборы завтра, 49 процентов горожан проголосовали бы за другого. Лишь один вывод безошибочен: растёт требовательность граждан к действиям всех властей.

Горожане не хотят, чтобы руководители много говорили о пробках на дорогах и мало что делали. Чтобы клялись в любви к городу и бездумно громоздили скопища торговых центров... А ещё есть внутренние механизмы функционирования власти, её взаимодействия с людьми, обществом.

Сейчас острейшая проблема Москвы – дороги, качество асфальта, развязки – стала решаться, хотя неудобств пока предостаточно. Иным становится подход к использованию московской земли. Не дают ломать старинные здания. Меняется работа полиции, стараются облегчить быт инвалидов...

Наверняка есть серьёзные проблемы, не заметные со стороны, «невидимые миру слёзы». Но очевидно, что меняется стиль работы, меньше самопиара, болтологии, освобождают от должностей руководителей управ, городских служб, которые не справляются или заелись (пример «федералам»). Подчас даже дорожных халтурщиков штрафуют! Будто бы по-другому закрутились шестерёнки внутренних механизмов властной машины, что уже влияет на развитие мегаполиса и наше настроение. Возможно, окрепнут и механизмы гражданского самоуправления, пока ещё слабого.

Если всё срастётся, глядишь, сможем сказать: а что, ребята, город стал пригоднее для жизни. Кажется, мэр Собянин закладывает здоровые основы. Без лишних слов и ярких эмоций. Шаг за шагом. Его основной тезис скуп, но симпатичен: «Москва для жизни, для людей».

Без показухи и скандалов

Николай ШМЕЛЁВ,
директор Института Европы РАН, академик РАН:

– Тут поневоле напрашивается сравнение с недавним прошлым. В том числе – каков стиль и вкус? Всякие «Москва-Сити» в двести этажей – это, конечно, отдельный вкус. А теперь просто не очень заметная, но ощутимая заботливость о том, чтобы людям как-то поудобнее было жить. И эти накопившиеся десятилетиями транспортные проблемы. То, что делается, впечатляет. Можно только пожелать, чтобы так шло и дальше. Нелегко тут всё разрулить. Четыре миллиона автомобилей в Москве, а площадь дорог в относительном смысле в три раза меньше, чем в похожих европейских столицах.

Не знаю, насколько удачна затея по расширению Москвы за счёт Подмосковья... Но жизнь покажет. Там кое-что есть разумное, но кое-что и сильно настораживает. Не берусь пока судить, какие будут найдены решения.

Сам мэр. Что я вижу? Очень разумные высказывания. Гораздо меньше показухи, всяких понтов. Нет никаких ощутимых скандалов под одеялом, которые раньше случались. Вы прекрасно понимаете, о чём речь.

Важно и то, что идёт ротация кадров, руководство обновилось. Я не вправе об этом всерьёз судить, не в теме, ничего не могу сказать о конкретных персонах, но если они лидера устраивают, то, как говорится, дай Бог...

Спасибо за Аланское подворье

Валерий КАБОЛОВ,
председатель совета Московской осетинской общины:

– Кто не знает, как актуальны сегодня вопросы национальной политики, межнациональных и межконфессиональных отношений?! А Москва – то место, где национальных проблем – клубок. Но и опыт их регулирования немалый. Хотя времена уже другие: наша столица сегодня почти как Ноев ковчег.

Новый мэр при формировании команды поставил на этот участок профессиональных людей. Мы в национально-культурных объединениях столицы это почувствовали. Взаимоотношения стали скорее партнёрские, дистанция сократилась, ушли случавшиеся прежде высокомерие и начальственный тон. К нашему мнению стали больше прислушиваться. Это радует.

Наша Московская осетинская община имеет свой законный добрый повод поблагодарить Сергея Семёновича Собянина.

Много лет назад Патриарх Московский и всея Руси Алексий II передал нашей общине под Аланское подворье храм Пресвятой Богородицы на Кулишках. Приступили к его воссозданию. С миру по нитке собирали пожертвования, вели строительные работы. Однако ветхое состояние конструкций требовало куда больших затрат. Силами общины невозможно было справиться. Многочисленные обращения к руководству города терялись где-то в коридорах власти, пока не вручили письмо лично в руки мэра во время его посещения нашего храма в день памяти жертв бесланской трагедии.

Решение было принято незамедлительно, и необходимые средства на восстановление храма выделены. Надеюсь, в скором времени начнутся масштабные работы, и Аланское подворье примет достойный и нарядный вид.

На своём месте

Игорь РУДЕНСКИЙ,
депутат Госдумы РФ, председатель Комитета по экономической политике, инновационному развитию и предпринимательству:

– Я с Собяниным по работе не пересекаюсь нигде. А как жителя Москвы меня в принципе всё устраивает. Ну, конечно, раздражают пробки на дорогах, о чём вам скажет любой. Но они не родились при Собянине, возникли задолго до него. Нужно было гораздо раньше всё это предвидеть и начинать заниматься инфраструктурой. Сейчас необходимо строить больше дорог, больше точно рассчитанных, «правильных» развязок. И это, судя по всему, происходит.

А в целом у меня очень позитивное отношение к тому, что меняется в Москве и в какую сторону. Да и жители высказываются положительно. Очень часто слышу и сам знаю, как обустроились в последнее время парки, как они облагородились. Самое главное – люди пошли туда гулять с детьми, никто на аркане не тянет. Просто нравится. И летом, и зимой проводится множество интересных мероприятий. Москва получила какой-то новый импульс, чтобы люди могли ощущать комфорт.

О стиле работы мэра мне трудно судить, но импонирует, что он всегда высказывается по делу, вносит достаточно конструктивные предложения, открыто разговаривает с людьми. Пока я вижу, что человек действительно на своём месте. Очень много работает и много чего хочет сделать. Нужно посмотреть ещё год-два, какие будут дальше результаты, хотя и так видно, что уже много сделано и много делается. Думаю, всё будет хорошо.

ФАКТЫ

ЗДОРОВЬЕ. В знаменитом Склифе после капремонта заработал корпус № 2 отделения трансплантации почки и поджелудочной железы на 36 коек (шесть – реанимационных). Всё по высшему разряду, персонал обучился за рубежом. Уже проведено 58 операций по пересадке почек, четыре – поджелудочной железы, пять – лёгких. В городской клинической больнице № 12 заработали после капремонта отделения урологии, хирургии, терапии, ЛОР, эндокринологии и другие. Проведена модульная реконструкция операционного блока. Во всех амбулаторно-поликлинических учреждениях города установлены 798 информационных киосков, 22 тысячи единиц новой компьютерной техники. Примеры можно множить.

ОБРАЗОВАНИЕ. Средняя зарплата педработников московских общеобразовательных учреждений на август этого года выросла до 55,6 тысячи рублей. Проведена 41 предметная олимпиада. В школьном этапе Всероссийской олимпиады участвовали ученики всех столичных школ. В 2010 году было 79%, в 2011-м – 94%. В финалах Всероссийской олимпиады школьников участвовали 657 москвичей, 74 стали победителями и 257 – призёрами.

ТРАНСПОРТ. Метроучасток Калининской линии от «Новогиреево» до «Новокосино» (3,5 км) открыт 20 августа этого года. «Новокосино» стала 186-й станцией столичной подземки. Её почти 20 лет ждали не имевшие доступа к метро 104 тысячи москвичей и 88 тысяч жителей подмосковного Реутова. Участок Люблинской линии от «Марьино» до «Зябликово» – подарок почти для полумиллиона жителей. Вводятся новые объекты дорожно-мостового строительства. Вот несколько: второй автодорожный выезд из жилого района Куркино на МКАД; транспортное пересечение МКАД с магистралью Вешняки–Люберцы; транспортная развязка на Волоколамском шоссе; реконструкция моста на Ленинградском шоссе через канал имени Москвы и другие.

ДВОРЫ И ДОМА. Многое меняется, особенно в лифтовом хозяйстве. Благоустраиваются дворы, заметно больше площадок под автомобили.

ИНВАЛИДЫ. В 2011–2012 годах полностью или частично приспособлены для инвалидов более 9,8 тысячи социально значимых общественных зданий. Быстро происходит замена городского пассажирского транспорта на низкопольный. Создан ГБУ «Реабилитационный центр для инвалидов «Ремёсла» (Зеленоград).

ГОРОД ОСВОБОЖДАЮТ ОТ НАВЯЗЧИВОЙ РЕКЛАМЫ. Ну, правда ведь, глаза мозолила! Сейчас её ощутимо меньше. И дальше бы так!

Владимир СУХОМЛИНОВ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

1971 1979

УЧРЕДИТЕЛЬ
ОАО «Издательский дом «Литературная газета»

ИЗДАТЕЛЬ
АНО «Редакция «Литературной газеты»

Главный редактор
Юрий ПОЛЯКОВ

Первый заместитель главного редактора
Леонид Колпаков

Заместитель главного редактора
Валерий Павлов
(представитель в Санкт-Петербурге и Северо-Западном регионе)

ОТДЕЛЫ:

«Политика, экономика»
тел. 8-499-788-01-06
шеф-редактор Игорь Серков,
обозреватель Владимир Сухомлинов

«Литература и библиография»
тел. 8-499-788-02-05
ведущий редактор
Марина Кудимова;
Игорь Панин

«Искусство»,
тел. 8-499-788-02-12,
Евгений Маликов,
Анна Кузнецова,
Арина Абросимова

«ТелевЕдение»
тел. 8-499-788-00-53
ведущий редактор
Александр Кондрашов;
Олег Пухнавцев

«Общество»
тел. 8-499-788-02-08
ведущий редактор Людмила Мазурова;
Наталья Гамаюнова

«Клуб 12 стульев»
тел. 8-499-788-00-53
администратор Александр Хорт

Обозреватели
Сергей Мнацаканян, Лев Пирогов,
Дмитрий Каралис *(Санкт-Петербург)*,
Алесь Кожедуб, Игорь Гамаюнов

Спецпроекты
Анастасия Ермакова

Отдел оформления
тел. 8-499-788-01-13
бильд-редактор
Евгений Федоровский;
художественный редактор
Антон Меньшов

Собственные корреспонденты
Александр Самойленко *(Калуга)*,
Юрий Беликов *(Пермь)*,
Жан Миндубаев *(Ульяновская область, Татарстан)*,
Владимир Шемшученко *(Санкт-Петербург)*,
Владимир Королёв *(Смоленск)*,
Сергей Евстратьев *(Республика Молдова)*,
Всеволод Марьян *(Закавказье)*,
Ирина Тосунян *(США)*,
Алексей Славин *(Германия)*,
Мария Хамахер *(Центральная Европа)*,
Никита Барашев *(Италия)*,
Светлана Селиванова *(Китай)*

Московский тираж – 60 351 экз.
Федеральный тираж – 35 707 экз.
(печатается в Санкт-Петербурге, Ростове-на-Дону, Воронеже, Новосибирске)
Тираж в Крыму – 2500 экз.
Тираж в Европе и США – 6000 экз.
(печатается во Франкфурте-на-Майне)
Тираж в Израиле – 22 000 экз.
Тираж в Великобритании – 9000 экз.
Тираж в Греции – 3000 экз.

Общий тираж 138 558 экз.

Цена договорная
Отпечатано в ЗАО «Полиграфический комплекс «Экстра М», 143400, Московская область, Красногорский р-н, п/о «Красногорск-5», а/м «Балтия», 23-й км.

Номер подписан к печати
16 октября 2012 г.
Зак. № 12-10-00360

Редакция рассматривает все обращения читателей, оставляя за собой право не рецензировать и не возвращать письма и рукописи.
Подписные индексы:
50067, 34189, 84874 и 99168
(для предприятий и организаций)

Подписка и размещение рекламы:
тел. 8-499-788-00-52

Экспортная подписка – по каталогам «МК-Периодики» и «East View Publications»
Газета зарегистрирована в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство ПИ № 77-35721 от 20.03.2000 г.

Материалы рубрики «Точка зрения» публикуются на коммерческой основе.

Адрес редакции:
Хохловский переулок, д. 10, стр. 6
Москва, 109028

Автоинформатор и соединение с отделами:
8-499-788-02-10

Электронный адрес:
litgazeta@lgz.ru

Факс: 8-499-788-00-52

Перепечатка допускается по согласованию с редакцией, ссылка на «ЛГ» обязательна

ДИСКУССИЯ

Миражи и маяки

Что эффективнее – демократическая процедура или служебная лестница?

Что важнее – создание конкурентной и реально влиятельной демократической процедуры или развитие науки, техники, массового просвещения?

Понимаю: лучше всего – и первое, и второе, и десерт. Но государственная идеология иерархична, и многое зависит от того, какие ценности мы предпочтём: правозащитные или технократические. Чем заинтересуем общество – научно-техническими задачами или конкуренцией партий, ораторов, компроматов, когда весь пар уходит в очередного Гудкова.

Отказаться от демократических пожеланий, которые принято считать благими, наша телегеничная элита не может. Теперь мы увидим суету множества новых партий, вкусим суету губернаторских выборов. Движение в сторону демократии априори принято считать прогрессивным, благотворным – и очередная победа демократии над здравым смыслом многих воодушевила. Протестов не слыхать. Раздувается роль демократических институтов, а значит, резко понижается значение тех, кто, как на грех, ещё пытается работать, а не «позиционировать себя» в гражданском обществе.

У слова «демократия», помимо древнегреческой основы, есть немало оттенков смысла – и русский язык тонко их передаёт. Помогает «мелочишка суффиксов и флексий». Вот вам и пример – три определения и три правителя страны. Почувствуйте разницу.

Брежнев – демократичный, но не демократизирующий и не демократический.

Горбачёв – демократизирующий, но не демократичный и ещё не демократический.

Ельцин – демократический по уши, но не демократичный и уже не демократизирующий.

Нас интересует та демократия, которую самые шумные нынешние комментаторы общественной жизни по-голливудски связывают с «силами добра». Когда многое в государстве решается на выборах, в условиях свободной конкуренции и в парламентах – это вроде бы и есть демократия. Её топтали фаланги Филиппа Македонского. Её упразднил Божественный Август. Ей вырывали язык при Иоанне Третьем, Великом. Её называл «великой ложью нашего времени» Константин Победоносцев. От неё быстро устал матрос Железняк.

Почему?

Кто создал демократии репутацию общественного блага, чуть ли не моральной ценности? Наш брат горлопан. Журналисты, консультанты и прочая штабная орава, которая кормится на предвыборной борьбе, на ажиотаже вокруг выборов. Заслуженные тренеры по забегам в ширину. В демократии заинтересован и крупный бизнес: больше возможностей для лоббирования и коррупции, для рекламных кампаний. Так что не будем доверять козлам капусту и поговорим о демократических процедурах начистоту.

Кажется, у Михаила Задорнова в годы всевластия КПСС была такая реприза: «Второй партии народ не прокормит». А ведь так и случилось! Один только чёрный рынок предвыборного компромата втягивает в себя бюджет всей нашей космонавтики. От заводов (которые были жизнеобразующими!) требуют рентабельности, а партии лелеют как племенных быков. В каждой партии, ясное дело, имеются столоначальники с окладами и конвертами, но без малейшей ответственности за то, что происходит в стране. У нас даже партия парламентского большинства ни за что не отвечает, что уж говорить об организациях в 500 человек?

Нам скажут: никто никого не обворовывает, это частные пожертвования. Но пора задуматься, почему наши дельцы легко бросают деньги на ветер, когда речь идёт о политических пустозвонах, о шоу-бизнесе и футболистах, но превращаются в шейлоков, когда нужно поддержать промышленность, массовую школу, книгоиздание? И это не извращение принципов демократии, а их естественное состояние. Есть трудовая логика, логика развития – и есть демократия.

Главную причину признать стыдновато: мы живём по законам рекламного мейнстрима, а не здравого смысла. В очередном движении к парламентаризму мы видим зарю новой победы над здравым смыслом.

И, чтобы вымести из углов паутину демократии, нужно очнуться от гипноза, а для начала – сформулировать, почему она необязательна и неорганична для общества. Разрушить стереотип, заставляющий воспринимать противников парламентской демократии как живодёров и вурдалаков.

Сколько раз мы слышали: «Демократия – худшая форма правления, за исключением всех остальных». Это сказал Черчилль, а ему полагается внимать: больно красиво формулировал, со вкусом и форсом! Вот в этом вся демократия: броская фраза превыше всего.

А если опираться не на манипуляцию общественным мнением, а на профессионализм?

Когда-то в России существовала «Табель о рангах», потом – партийная карьерная вертикаль. «Я смотрю на человеческую жизнь, как на службу, ибо каждый служит», – это слова императора Николая I. Конечно, не обходилось без нечистоплотного карьеризма, но всё-таки это лучше, чем постоянный чемпионат конкурирующих демагогий... ЦК КПСС – был одним из наиболее профессиональных управленческих институтов в новейшей истории. Там военной промышленностью не заведовали доктора философии.

Профессионал, трудяга всегда выглядит серовато в публичной дискуссии со вдохновенным демагогом и способным провокатором. Как трудно бороться с гипнозом рекламы, демагогии, провокаций!

Что же вместо демократии – монархия, диктатура? Нет, конечно.

Думаю, сегодня необходимы участие миллионов людей в управлении государством и ротация кадров без сословных ограничений. Служебный принцип позволит привлечь к управлению гораздо более широкие слои общества, чем демократия. Ведь в «публичной политике» всё решает реклама – телевидение, газеты, Интернет, организация панических слухов... А добиться успеха в своей профессии можно без колоссальных денежных вливаний и вдалеке от столиц. Только учись, трудись, не пей с утра – особенно со вчерашнего, не впадай в депрессию и в эйфорию.

А площадная шумиха – всё это игра в бирюльки, в которой не может быть рациональных критериев успеха.

ИТАР-ТАСС

Конечно, в той системе, которую я предлагаю, сумеют пригреться и коррупционеры, и зашоренные карьеристы – но это меньшее зло по сравнению со сплошь бессмысленной демократической надстройкой, в которой мошенника не отличишь от подвижника, потому что от обоих толку мало.

Как по волшебству, вымахали заборы вокруг зданий на Старой площади! Раньше там восседали партаппаратчики, владыки полумира, – и под окнами играли дети. А демократические чиновники любят высокие стены, решётки и вооружённую охрану.

Сегодня у нас формируется замкнутый элитарный мирок – для молодых людей с Рублёвского и Ново-Рижского шоссе уже не хватает кресел в советах директоров солидных корпораций. В то же время мы уже потеряли квалифицированного рабочего как массовое явление. Скоро потеряем инженера и учителя. Да у нас уже омбудсменов больше, чем технологов!

Можно, конечно, всех работающих ввозить из Китая, если возможностей Таджикистана не хватит. Но я-то верю, что «может собственных Платонов... российская земля рождать». Каждый профессионал должен видеть перспективу не только материального самоутверждения, но и управленческого. Будущее принадлежит трудящимся, не авантюрьерам, но профессионалам – тем самым, которые у нас давненько сникли на фоне рекламных баннеров. Но выборы – худший инструмент народовластия. Даже социологические опросы полезнее демократических процедур – расточительных и лукавых. Правительственные органы, крупные предприятия как-то обходятся без выборов. А армия и флот? Там, где заинтересованы в профессионализме, – нет места демагогии.

Если бы производственная логика, логика зримых достижений, пронизывала общество и систему управления, многое в нашей стране встало бы с головы на ноги. Человек, доказавший свою состоятельность в любой профессии, получит возможность влиять на судьбы государства.

Как давно среди первых лиц России не было практиков с ореолом трудового успеха!.. Мы платим непомерную дань химерам сложившегося хорошего тона – и потеряли прагматическую линию, ударились в загул. Да, нам необходимо новое издание «Табели о рангах», которую нужно распространить на все поприща. Не сложится ли таким образом тоталитарная система в стиле утопий или антиутопий? Отвечу вопросом на вопрос: а разве нынешнее политическое ревю не похоже на антиутопию? Опасно регламентировать частную жизнь, но система управления нуждается в рациональном упорядочивании.

Логика демократии предполагает постоянную работу на рейтинг. Какие уж тут интересы государства или общества! Скандалы, разоблачения, ложь – как правило, под соусом правдолюбия... Профессионализм ничего не стоит, главная профессия – «синьор из общества». Пересол в области посторонних эмоций, недосол – в профессиональной целеустремлённости, которая кажется чем-то второстепенным.

И спасение одно: сменить демократическую логику на трудовую.

А как же США? На Западе? Предвижу сей окрик. Вроде бы Штаты стали сверхдержавой под флагом демократии... Да, они создали, на мой взгляд, слишком громоздкую систему демократических институтов. Но, на счастье американцев, эта система хотя и шумная, но бутафорская. В монополиях, которые являются истинными хозяевами Америки, руководителей не выбирают. Появление влиятельной третьей партии исключено – даже в случае политического банкротства республиканцев и демократов. На публику две партии ведут острую дискуссию, но их реальная политика почти неотличима – как пепси и кока-кола. Как и в СССР, в США мы видим парламентаризм декоративный.

Не исключаю, что в ближайшие годы в США произойдут реформы, аналогичные переходу Древнего Рима от республики к принципату. И «новый принципат» станет основой посткризисной эпохи.

Принципы демократии главенствовали и в советское время. Само понятие «советский» связано с выборным законодательным органом который, правда, ничего не решал. Декоративный Верховный Совет был не обременителен для народа. Ведь СССР только на словах был Страной Советов. В реальности Союз был страной просвещения, армии, промышленности. Балом правили партия и правительство, а Советы существовали для проформы.

Горе тому, кто к декорациям демократии относится некритически! Почему горбачёвская перестройка провалилась в тартарары? Ведь всё начиналось почти разумно, пока, помаявшись с ускорением, Горбачёв не решил, что лозунг Октября «Вся власть Советам!» – это не просто красивое заклинание, а руководство к действию. Генсек к тому времени успел полностью обновить партийный аппарат, но и собственные выдвиженцы его не устраивали. Побаивался Горбачёв обкомовских баронов... Можно предположить, что он намеревался создать свою реформаторскую опричнину на базе съезда народных депутатов.

После XIX партконференции власть начала перетекать из партийных и правительственных органов вроде бы в съездовские залы, на самом деле – в никуда. Перестройка (из которой мог бы выйти толк!) перешла в суицидальную стадию. Самые неудачные международные договоры, самые невыгодные кредиты – всё это пришлось на трёхлетие советского парламентаризма. Полномочий у съезда было невпроворот, а депутаты, заменившие собой правительство и обкомы, резвились, как дети, на всесоюзном пожаре.

Критикам демократии затыкают рот вот такой сладкой ватой:

1. Нельзя вставать на пути прогресса. Кто против демократии – тот за варварство.

В истории не прослеживается неуклонное движение к демократии! Македонские фаланги, растоптавшие афинских крикунов, были, если говорить шершаво, вестниками прогресса. Кстати, ни Платон, ни Аристотель не были приверженцами демократии. Восток бы не встретился с Западом, а народы не подготовились бы к явлению мировых религий, если бы не Филипп и Александр... А деятельность великих князей Московских, присоединивших к единому государству Новгород и Псков? Вечевая демократия была для Руси архаикой, а централизация – прорывом к будущему. А к какому прогрессу привела Речь Посполитую шляхетская демократия? К разделам Польши, к полуторавековому хождению по мукам?

2. Демократия – это справедливость, это права человека. Кто против – тот упырь.

Справедливость, к которой нужно стремиться, – это равные возможности для профессиональной реализации каждого человека! А демократия приводит к кастовости и ограничивает эти возможности.

Любые выборы – это перекрёстные потоки лжи и грубая манипуляция народными массами. Чем честнее выборы – тем слаще ложь. Пользоваться этим механизмом во все времена будут два господина: торгаш и ростовщик. У них-то всё честно: «Не обманешь – не продашь», а вот партийные марионетки, которые борются за благосклонность электората, вынуждены беспрестанно лицемерить. Забота у них такая.

3. Только гражданское общество свободных избирателей способно эффективно контролировать власть!

Но межпартийная свара, предвыборная дискуссия – питательная среда для мафии. Получается опора на узкий слой влиятельных и говорливых, на сильных лоббистов. Таким образом, побеждает мафиозный, а не государственный подход. Механизм эффективного контроля над властью ещё не изобретён. Но череда публичных скандалов не сделает честнее ни правящую элиту, ни общество.

С парламентской демократией можно жить, если она существует для бутафории, – как в СССР. Но настоящая, надрывная и влиятельная парламентская демократия разрушает печень государства. Для организма потребно воздержание, необходимы нагрузки, изнурительные разминки – а нам снова выкатывают бочку демократии под жирную закуску свободомыслия...

России нужна строгая диета и трудотерапия, а не обременительные демократические излишества. Поменьше партий, поменьше выборов! Если уничтожение демократических ритуалов сегодня невозможно – давайте хотя бы низведём их до уровня третьестепенного факультатива в институте государства.

России нужна идеологии развития, созидательная логика. А её заедает демократическое шоу. Государство, не желающее умирать, создаст благоприятные условия для трудяг, затрудняя путь к успеху пенкоснимателям и авантюристам.

Преклонение перед гражданским обществом уводит нас в сторону от логики профессионального роста. И это – курс на миражи.

Гражданское общество – не святыня. Парламентаризм – не хлеб насущный. Это в лучшем случае архитектурное украшение, беседка на крыше небоскрёба, которую не увидать за облаками. Когда всю эту демагогию воспринимают всерьёз, да ещё и с надрывом – жди беды. А ведь у нас и сейчас есть не только демократические миражи, но и трудовые маяки. Просто мы не поднимаем на них глаза.

Арсений ЗАМОСТЬЯНОВ

КНИЖНЫЙ РЯД

Марк Блиев. **Черкесия и черкесы XIX века**. Краткий очерк истории. – М.: Международный институт новейших государств, 2012. – 192 с. – 1000 экз.

Насильственные благодеяния

Эта книга – ответ тем русофобам, кто, не изучая историю, любит обвинять Россию во всех смертных грехах.

Автор, доктор исторических наук, директор Института истории и археологии республики Северная Осетия-Алания, приводит пример таких обвинений, когда на торжествах по случаю 130-летия окончания Кавказской войны были озвучены следующие цифры: из 350 тысяч кабардинцев после Кавказской войны осталось в живых всего 35 тысяч.

«Известно, что на территории Кабарды не было никакой Кавказской войны. От кабардинских князей имам (Шамиль) требовал немедленно начать войну с Россией. Князья дружно ему отказали, – изумляется Марк Блиев. – Приведённые цифры имели место, но в отношении совсем других исторических событий. За добрых два десятка лет до начала Кавказской войны в Кабарде и Северной Осетии начались эпидемии холеры и чумы. Именно они и привели к столь страшным последствиям». Причём не только в Кабарде. В Северной Осетии из более чем 200-тысячного населения сохранилось 26–28 тысяч.

Подобные продиктованные сиюминутной конъюнктурой утверждения политиков нередко подхватываются частью научного (чаще – околонаучного) сообщества, которое из года в год «генерирует антироссийскую идеологию» и тем самым вбивает всё новые «ментальные клинья» во взаимоотношения между горскими народами и русскими жителями Кавказа и всей России.

В книге поднимаются самые острые проблемы во взаимоотношениях между Черкесией и Российской империей. Автор, пытаясь оставаться «над схваткой», приводит малоизвестные факты и доказывает, что в условиях той исторической реальности Россия в отношении черкесов действовала предельно взвешенно, а порой и мягко. И только международная обстановка в 60-х годах XIX века поставила перед империей вопрос о кардинальном решении «черкесской проблемы».

После Адрианопольского мира, заключённого в 1829 году, Турция уступила России права на владением Западным Кавказом, большую часть которого заселяли черкесы. По разным данным, их численность в это время колебалась от 400 до 750 тысяч человек. Естественно, что вольнолюбивые племена не признали прав России на их земли. «Мы и наши предки, – заявляли они, – были совершенно независимы, никогда не принадлежали султану, потому что его не слушали и ничего ему не платили, и никому не хотим принадлежать».

Не говоря уже о постоянном ущербе от черкесских набегов, овладение Западным Кавказом отвечало геополитическим интересам Российской империи. Без этого присутствие России на Кавказе и в Закавказье было бы весьма зыбким. Однако почему же овладение относительно небольшой территорией затянулось на три с половиной десятилетия – до середины 60-х годов XIX века? Ведь российская армия в то время была лучшей в мире. Русской армии противостояли несравненно более слабые в плане военной организации и вооружения отряды черкесских ополченцев. Обычно затяжной характер Кавказской войны сводят к трудности ведения войны в горной местности и отчаянному сопротивлению черкесов.

Однако Марк Блиев приводит совсем другие аргументы. Долгое время российское командование надеялось «цивилизовать» черкесов, включив их в орбиту российской государственности. Учитывая предыдущий исторический опыт, эти планы не были столь уж наивными и несбыточными. Как пример с удачным в целом завершением можно вспомнить непростую историю «притирки» русских и башкир.

Долгое время «российское правительство считалось с закрытостью обществ адыгских горцев и запрещало «русским подданным» «ходить» без специальных пропусков «за Кубань». В планы правительства входило приведение горцев к присяге «на верность подданства России, дабы жить с русскими, как с братьями, в мире и дружбе». Особое значение придавалось торговле, развитие которой поощрялось отменой всяческих пошлин». Единственный пункт, по которому российское правительство изначально заняло непримиримую позицию, – запрет работорговли. Горцы тогда продавали в Турцию не только пленников, но и собственных детей.

О том, насколько российское правительство и командование российской армии было заинтересовано в уничтожении черкесов, можно судить хотя бы по тому, что дважды во время страшного голода среди враждебных горских племён в 1840-м и в 1845–1846 годах Россия могла решить «черкесскую проблему» без единого выстрела. «Но оба раза Россия, с которой неистово воевали горцы, продолжала обсуждать вопросы установления с ними мира и оказания им продовольственной помощи».

В частности, с черкесами был установлен режим льготной торговли, который формулировался словами «стремиться к тому, чтобы снабжать горцев нужными им предметами за полцены, платить сколь возможно дороже за их произведения». Военный министр России А.И. Чернышев считал, что «правительство обязано заботиться о снабжении горцев по дешёвой цене всеми предметами, необходимыми для их домашнего быта». В результате министр надеялся «сблизить Россию с непокорными племенами и прекратить контрабандную торговлю».

Конечно, благие намерения российского командования не всегда давали столь же благой результат. Зачастую русские генералы не могли учесть совершенно особый склад мышления горцев.

«Российские военные власти на Северо-Западном Кавказе были в столь сложном положении, что подчас самые «верные», казалось, решения на деле становились ошибочными, осложняя их отношения с горцами. Стремясь установить тесные контакты с ними, желая мирными средствами приглушить воинственность черкесов, командование не замечало как само... толкало их на агрессивные действия», – читаем в книге.

Была и другая причина, из-за которой долгая война устраивала не только воинственные племена черкесов, но и... российских офицеров. Речь идёт о том, что в боевых условиях офицерство получало несравнимо большие привилегии и возможности пользоваться «служебным положением», чем в мирных.

«Господствовало среди командного состава войск лихоимство, стяжательство и честолюбие, связанное с получением новых чинов, воинских званий. Из-за всего этого Кавказская война в немалой степени принимала затяжной характер. За исключением отдельных генералов командный корпус правого фланга положительно воспринимал вялость российских действий в Черкесии, что давало ему возможность пользоваться всеми «благами» войны», – пишет Блиев.

На протяжении практически всей Кавказской войны в роли её катализаторов выступали другие государства, имевшие свои интересы в этом регионе. Вначале главная роль принадлежала Турции, затем в дело включились Англия и Франция. Особенно ситуация обострилась после неудачной для России Крымской войны, когда страна, потерявшая право держать военный флот на Чёрном море, практически не имела возможности контролировать побережье, куда доставлялось оружие и продовольствие для черкесских племён.

Затягивание решения «черкесского вопроса» было чревато началом новой большой европейской войны против России. Если учесть, что в империи только что отменили крепостное право и страна напоминала растревоженный муравейник, последствия такой войны могли быть катастрофическими. Потеря Кавказа была бы самой малой платой за поражение. Кстати, именно с распадом и гибелью России уже тогда связывали подстрекаемые западными «эмиссарами» черкесские племена успех в своей борьбе.

В итоге в русском командовании возобладали сторонники жёсткого решения «черкесской проблемы». Непокорным племенам, уже не раз нарушавшим соглашения о перемирии, предлагалось окончательно признать власть русского царя. Часть из них предполагалось переселить на равнинные территории, где их легче было контролировать. Черкесские земли, в свою очередь, заселялись переселенцами-казаками из донских и азовских земель.

«В историографии вопрос о переселении черкесов из горных районов на Кубань освещается крайне предвзято и рассматривается так же, как и переселение в Турцию, – в виде «трагической страницы», – пишет автор. – Между тем такому же переселению на равнины Северного Кавказа подвергались осетины, чеченцы, ингуши и карабулаки, рассматривавшие эту акцию российских властей как благодеяние. На самом деле российское правительство, преследуя собственные цели, подобным переселением фактически создавало для горцев новые условия, более выгодные для их экономического роста». На равнине на каждую черкесскую семью выделялось в несколько раз больше пахотной земли, чем они имели в горах.

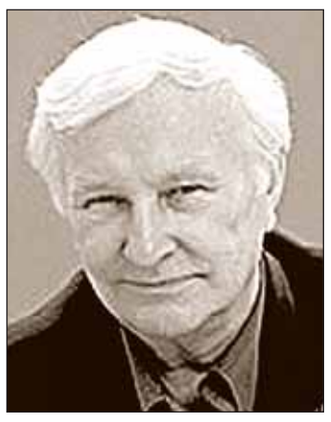
Но «насильственные благодеяния» не могли примирить черкесов с «русскими завоевателями». Сами российские генералы не раз отмечали «особую привязанность» горцев к своей земле, которую они не хотели менять ни на какую другую.

«Российско-черкесскому противостоянию способствовала также внутренняя социальная расколотость черкесского общества, охваченного глубокими внутренними противоречиями. В итоге Россия вынуждена была перейти к жёсткому давлению на черкесов, поставив их перед выбором: переселение на кубанские равнины или – в Турцию. Последняя, кстати, была заинтересована в переселении черкесов с целью создания из них особой армии для будущих войн с Россией на Кавказе.

Приведённые в исследовании Марка Блиева факты говорят о том, насколько лукавят те, кто сегодня, спустя полтора века после окончания Черкесской войны, пытается представить её как геноцид черкесского народа.

Алексей ПОЛУБОТА

ПИСАТЕЛЬ У ДИКТОФОНА



Это получилось случайно

Художник – человек, не очень говорящий и не очень пишущий

«ЛГ»-ДОСЬЕ:

Кочергин Эдуард Степанович – писатель, советский и российский театральный художник, академик АХ СССР, народный художник РСФСР, главный художник БДТ им. Г.А. Товстоногова, лауреат Государственных премий СССР и РСФСР, кавалер орденов «За заслуги перед Отечеством» III и IV степени, лауреат книжной премии «Национальный бестселлер», лауреат премии им. Сергея Довлатова «За достижения в современной отечественной прозе».

– Эдуард Степанович, примите, во-первых, наши поздравления с 75-летием, а во-вторых, позвольте задать, может быть, не совсем корректный вопрос: «Взгляд рисовальщика» в столь почтенном возрасте столь же остёр как в юности?

– Естественно, всё течёт, всё меняется. Меняется время, мир, вы, я... Никто не видит мир таким, каким он видел его, скажем, десять лет назад. Такого быть не может. А если предположить, что подобное возможно, – нельзя не прийти от такого допущения в расстройство – это была бы сплошная тоска. И конечно же, в разное время у человека разная энергетика. Он растрачивает энергию молодости, но взамен приобретает жизненный опыт и некую житейскую, если угодно, мудрость.

– Не эта ли житейская мудрость вложила в ваши пальцы перо и заставила запечатлеть на бумаге воспоминания детства и юности?

– Всё несколько иначе. У меня никогда не было свободного времени. Я всегда был занят своей рисовальной театральной работой, которая поглощала меня без остатка. Моё «писательство» можно отнести к разряду случайностей. Я рассказывал разные истории в разных компаниях, и люди говорили, что всё это нужно записывать, поскольку им казались интересными мои свидетельства о времени и о себе.

Сначала появились магнитофонные записи моих устных рассказов, а потом два моих рассказа, записанных на такой же «матюгальник», как у вас, были опубликованы. И всё это произошло с лёгкой руки главного редактора Санкт-Петербургского театрального журнала Марины Дмитриевской.

– А когда вы стали писать сами?

– Я попал в больницу, стал записывать, и пришло понимание того, что нужно писать самому. Я прошёл в жизни через толщу людей, языковых слоёв, географических названий – и всё это хотелось передать от первого лица. Но одно дело – наговаривать, и совсем другое дело – написать.

Так в журнале появилась рубрика «Рассказы бродячей собаки», в которой были опубликованы 20 моих рассказов. Они и стали основой моей первой книжки «Ангелова кукла». Это книга о выживании человека, попавшего в экстремальные обстоятельства в экстремальных условиях жизни и истории страны. 1947–1949-е годы, сталинские годы – голодуха жуткая, а я – совсем мальчишка.

Это было время, когда всё перемешалось. Это была страна, в которой не было никакого понятия о каких-то формациях, классах, всё было едино. На железнодорожных станциях было всё и все вместе: кто угодно и какие угодно...

И выжил-то я в те годы благодаря ремеслу. Я не был силён, не был зверем по-человечески, но Господь наградил меня хорошей зрительной памятью и ремеслухой. Я в свои 7 лет мог нарисовать хорошие игральные карты, которые тогда были в дефиците, а к 8 годам выучился из проволоки выгибать профили Сталина и Ленина. Это тогда было модно. И опять же Сталин – это был вождь.

В дороге я познакомился со слепым инвалидом. Он ходил по вагонам и пел песни о Сталине, а я профили делал. Так мы с ним зарабатывали на Иосифе Виссарионовиче еду.

Я описал всё это в рассказе «Проволочные вожди». Благо память рисовальщика сохранила всё до мельчайших деталей. Мне осталось лишь перенести эти воспоминания на бумагу. Хотя, повторюсь, писателем себя не считаю.

– Значит, вы писатель поневоле?

– У меня не было никакого желания становиться писателем. Я был занят своей основной художественной работой, её было навалом. У меня всё получалось, причём в это время на меня уже хорошо работало моё имя.

– И тем не менее ваше, если угодно, писательское любительство в 2010 году было отмечено премией «Национальный бестселлер» за книгу «Крещённые крестами», а в 2011 году ещё и литературной премией имени Сергея Довлатова. Вашими соперниками и соискателями премии «Нацбест» были Р. Сенчин, А. Аствацатуров, В. Авченко, П. Крусанов и О. Лукошин – отнюдь не новички в литературе. Каково было в этом ряду чувствовать себя победителем?

– До сих пор не знаю, кто меня выдвигал на эти премии. Человек я от этой всей кухни весьма и весьма далёкий. Я – художник.

Присуждение литературных премий для меня до сих пор некая неожиданность. Чувствую себя в качестве лауреата довольно неловко; мне кажется, я у кого-то что-то украл, а точнее, своровал эти премии у представителей другого, литературного, цеха и утащил в свой художественный цех. И со временем чувство неловкости только усиливается.

– Как появилось название книги «Крещённые крестами»?

– Мало кто знает старинное выражение сидельцев знаменитой русской тюрьмы «Кресты», некогда бывшее паролем воров в законе, в соседи к которым в сталинские времена сажали политических.

Когда-то это был пароль, и я воспользовался этим забытым паролем. «Крещёнными» были не только уголовники, но были также и политические, крещённые в «Крестах». Мой отец тоже был крещённым «Крестами».

– Велика дистанция между живописцем и художником слова?

– По большому счёту законы и категории у художников, композиторов и писателей одни и те же. Чувство красоты, вкус стоят во главе угла. Безвкусицы в искусстве, к сожалению, тоже предостаточно.

– Ваши рассказы напечатаны всего лишь в двух «толстых» журналах. Почему вы отдаёте предпочтение журналам «Знамя» и «Звезда»?

– Это тоже можно отнести к разряду случайностей. Первый опубликованный рассказ «Капитан», к моему удивлению, получил хорошие отзывы. А в остальном, если можно так сказать, «виновата» известный критик Наталья Иванова. Она прочла какие-то мои публикации в «Театральном журнале» и предложила мне напечататься в журнале «Знамя». А потом пошло-поехало. Вот и вся история.

– Известный критик Виктор Топоров сказал о книге «Крещённые крестами», что это трогательные, сильные, достойно написанные мемуары. А о настоящем времени вы что-то пишете?

– Я служу в театре. Люди театра хотят, чтобы написал и о них, и о театре. Мне буквально не дают прохода. И, что делать, – приходится писать о театре. В сентябрьском номере журнала «Знамя» опубликован – не знаю, к какому жанру можно это отнести: то ли эссе, то ли рассказ, – «Медный Гога» о Товстоногове.

– Вы работали со многими великими театральными режиссёрами. Была ли у них некая общая характерная черта характера?

– Кроме профессии – ничего. Они были совершенно разными людьми. Если бы они были одинаковыми, то это была бы сплошная тоска-треска. Чем люди более разнятся, тем интересней мне – художнику с ними работать. Художник – профессия в театре вторичная. Спектакль ставит режиссёр.

– Когда вам лучше работалось – в прошлом веке или в нынешнем?

– Характер моей художественной работы не зависит от века и политического строя. Театр живёт по своим законам. А авангардные веяния, о которых сейчас много говорят и пишут, в театре были во все времена. Мы в советское время делали в театре такое, что нынешним новаторам даже не снилось. Для нас подобного быть не могло: изменился строй – изменились мы. Я нисколько не изменился. Я просто делаю то, что мне присуще, и то, что нужно времени. Это профессия такая. Если я не буду делать то, что требует время, – я буду никому не нужен и останусь без хлеба.

– Когда мы увидим вашу новую книгу о театре?

– Даже не знаю. Я пишу эту книгу в перерывах между основной работой, если можно так сказать, – «на коленке». Но надеюсь, что она всё-таки состоится.

Беседу вёл

Владимир ШЕМШУЧЕНКО

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Три обязательных вопроса:

– В начале XX века критики наперебой говорили, что писатель измельчал. А что можно сказать о нынешнем времени?

– Вряд ли что-то могу по этому поводу сказать. Я – не писатель. Мне многие книги, и наши современные, и зарубежные, нравятся, но вот так, с испугу, кому-либо отдать предпочтение... И уж тем более говорить о том, что писатель измельчал, остерегусь. Без меня высказыватели найдутся.

– Почему писатели перестали быть властителями дум? Можете ли вы представить ситуацию «литература без читателя» и будете ли продолжать писать, если это станет явью?

– «Властители дум», «инженеры человеческих душ»... Это всё пустое. Все эти слова, лозунги к искусству никакого отношения не имеют. Это не что иное, как политика, которая сейчас на фиг никому не нужна. И вспоминать об этом сейчас даже не стоит. Всё это когда-то придумали люди неукопожатные.

– На какой вопрос вы бы хотели ответить, но я его не задал?

– Вы не спросили, кто издаёт мои книги. Мои книги издаёт петербургское книжное издательство «Вита Нова». Оно возвращает нам прежнюю культуру книгоиздания. Это, если угодно, – его миссия, и издательство эту миссию выполняют. Это важно.

И самое главное: нужно всеми возможными способами и методами сохранять нашу культуру. Это должны делать и вы, и я, и издательство, и государство... Без культуры страна киснет и вянет.

Вообще-то культура – источник моего заработка, я ей занимаюсь профессионально. И если я, мои ученики, коллеги будем делать в нашем деле достойные вещи, то этот уровень будет достаточно высокий. И я не останусь без работы. Если будет иначе, то я буду вынужден либо уйти из профессии, либо опуститься и делать всякую фигню и безвкусицу, которую потребляют нынешние гостиндворцы. Гостиндворцы – это определённый человечий тип, всплывший сегодня на поверхность, завладевший деньгами и навязывающий всем свои низкие вкусы. И это не проблема дня сегодняшнего. Так было всегда.

ПЕРЕЧИТЫВАЯ

Двойник расстрелянного себя

Как известно читателю, «ЛГ» старается отмечать юбилеи не только писателей, но и книг, имеющих фундаментальное значение для развития отечественной литературы. На 2012 г. приходятся сразу две знаменательные даты, связанные с творчеством В.П. Катаева: 80 лет со дня опубликования романа «Время, вперёд!» (1932) и 75 лет со дня выхода в свет романа «Я, сын трудового народа...» (1937). В связи с этим мы публикуем фрагмент из предисловия Сергея Шаргунова к шеститомнику Валентина Катаева.

Интересный вопрос: были ли у Катаева политические убеждения? Многие пытаются уверить, что был он безыдеен. Наверное, слова про усатую даму-парижанку из «Маленькой железной двери в стене» можно было бы адресовать и ему самому: «Чувствует себя опорой порядка и власти и живёт в полное своё удовольствие». Только вот «власть и порядок» были, полагаю, насыщены для Катаева смыслом. Модернист, человек европейской культуры и европейского быта, знавший в самые жестоковыйные годы, где в Париже найти лучшего повара, он всю жизнь оставался «просвещённым патриотом» на манер Бунина, при полном отвращении к большевизму выпившего за русскую сталинградскую победу.

Почему любая фронда в советскую эпоху – искреннее геройство, а любая лояльность – фальшивое скотство? Катаев ведь искренне, как признают критичные очевидцы и современники, не мог понять мотивов Пастернака, передавшего «Доктора Живаго» за рубеж, и искренне посчитал маловыразительными рассказы Солженицына (зато Набокова ставил высоко).

Катаев сетует на советском ТВ: «Мне не нравится желание молодёжи подражать Западу» и со смаком солидарности сообщает о Горьком: «Он страшно хотел России славы и силы», вздыхает о «русском духе», пускается в задушевные воспоминания о дворянине-монархисте Булгакове. А почему бы и нет? Они же с Булгаковым были близки и похожи: оба из духовного сословия и из тёплых мест, добровольцы в Первую мировую, белогвардейцы, коллеги по «Гудку», оба остались в опасной для них советской России.

Всё началось ещё в детстве. В четырнадцать лет в «Одесском вестнике» Катаев писал:

Привет Союзу русского народа
в день семилетия его.
Привет тебе, привет,
привет, Союз родимый...

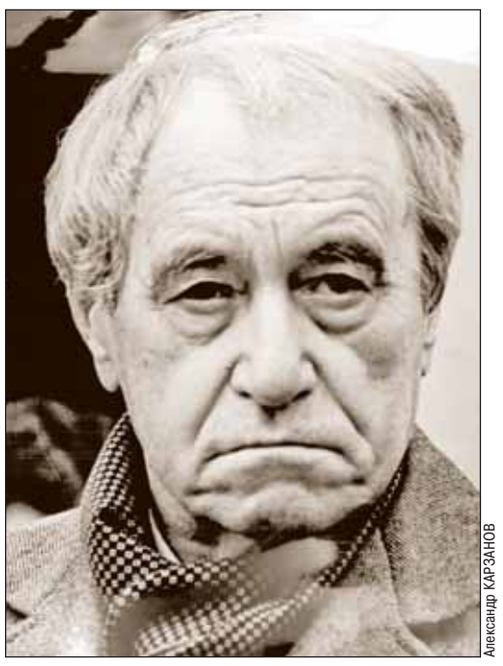
А завершалось стихотворение так, с пропущенным сказуемым – от волнения или рано пробудившегося мовизма:

Взошла для нас заря.
Колени преклоня
И в любящей душе
молитву сотворя:
Храни Господь
Россию и царя.

В «Растратчиках» (по-моему, не столько сатирической, сколько траурной повести) в момент кульминации герои попадают на съёмки фильма «Николай кровавый», где собраны «настоящие бывшие»: сановники и баронессы. Катаев языком фельетона безжалостно унижает офицеров и генералов, княжну-черкешенку, из-за нищеты и болезни матери и эмиграции отца вынужденную заниматься проституцией, к массовке «бывших» присобачен «даже один митрополит». И всё же – за напускным цинизмом чувствуется привкус горечи. Всех жалко, опущен не просто «высший класс», опущено человеческое достоинство. Автор с каким-то садомазохистским удовольствием расписывает нелепость, бедность и ничтожность раздавленных новыми порядками, некогда благородно-степенных, уверенных в себе людей. Как из сновидения, появляется двойник расстрелянного царя, того, которого ни за что не воскресить. «Он отставил вбок ногу, мешковато осунулся, слегка обдёрнул гимнастёрку штиглицовского материала цвета хаки-шанжан, лучисто улыбаясь, потрогал двумя пальцами, сложенными словно бы для присяги, рыжий ус и затем слабеньким голоском произнёс, несколько заикаясь, по-кавалерийски: «Здравствуйте, господа. Очень рад вас видеть». Но царь мёртв. Так же и в повести «Уже написан Вертер» – десант, освобождающий Одессу от большевиков, – это сновидение приговорённых.

Катаев сам был всю жизнь двойником – расстрелянного себя. Он пронёс сквозь жизнь тайну участия в Белом движении и ареста. И открыл эту тайну лишь в восемьдесят три года, нагло, наотмашь, с болью, оскорбив тем самым многих («Вертер» появился в «Новом мире» с испуганным редакционным комментарием). Но в этой тайне, возможно, коренились две разных его привычки – жизнелюбие и уединённость. «Громадная непоправимая беда разделила жизнь пополам, захлебнувшись толстой дверью», – из рассказа «Восемьдесят пять». Оттуда же: «Он знал, что уже ничего не поможет. Он уже видел себя введённым в пустой гараж, где одна стена истыкана чёрной оспой, и совершенно точно осязал на затылке то место, куда ударит первая пуля». Катаев, словно бы герой рассказа Жана Поля Сартра «Стена», приговорённый к расстрелу, но освобождённый, всё равно чувствующий себя расстрелянным, а жизнь конченой. Неслучайно у него не найдёшь отзвуков страха 1937-го, он всё пережил в 1920-м. Он, юнкер Дима, он, Валя Катаев, «...он стоял недалеко от двери в третьей танцевальной позиции, окаменевший, с помрачённым сознанием, загадавши, что если он не шелохнётся, не вздохнёт, не сдвинет ног с третьей позиции ни на один сантиметр, ни на волосок, то его не вызовут, если же хоть чуть-чуть шелохнётся, то сейчас же услышит громко произнесённую свою фамилию, и тогда уже будет всё кончено» («Уже написан Вертер»).

Он любил и ценил русскую офицерскую доблесть. Внимательная к своему роду, а значит, и к Родине семейная хроника «Кладбище в Скулянах» основана на дневниковых записях двух офицеров XIX века, его деда и прадеда.



Александр КАРЗАНОВ

Ему было внятно «обаяние государства» и хорошо удавались описания Красной площади. В романе 37-го года «Я, сын трудового народа...» Семён Котко, некогда селянин и участник Гражданской, спустя двадцать лет превратившись в директора алюминиевого комбината, стоит с женой на этой главной площади, где их сын принимает присягу. «Я, сын трудового народа...» – гремят зеркальные плиты мавзолея. «Я, сын трудового народа...» – говорят седые стены Кремля. «Я, сын трудового народа...» – звенит бронза Минина и Пожарского. «Я, сын трудового народа...» – поёт потрясённый воздух...» А это – «Растратчики»: «Чёрный город расползался вокруг гадюками блеска. Фосфорные капли с треском падали с трамвайных проводов. Высоко над Красной площадью, над смутно светящимся Мавзолеем, над стенами Кремля, подобно языку пламени, струился в чёрном небе дивно освещённый откуда-то, словно сшитый из жидкого стекла, насквозь красный флаг ЦИКа».

И всё-таки Катаева не назовёшь толстокожим апологетом всяческого порядка, он для этого слишком сложно чувствовал и тонко слышал. Он был покровителем молодых «шестидесятников», а его подпись под письмом 1966-го против реабилитации Сталина, адресованным «глубокоуважаемому Леониду Ильичу», рядом с Корнеем Чуковским, Константином Паустовским, художником Павлом Кориным и академиком Андреем Сахаровым выглядит смело. В письме говорилось: «На Сталине лежит ответственность не только за гибель бесчисленных невинных людей, за нашу неподготовленность к войне, за отход от ленинских норм в партийной и государственной жизни. Своими преступлениями и неправыми делами он так извратил идею коммунизма, что народ это никогда не простит». Был ли искренен Катаев, подписывая этот текст? Думаю, был. А когда подписывал письма против «врагов народа»? Не знаю. Едва ли.

Но вот нельзя сказать, что Катаев, сочиняя повесть о Ленине, только лишь скрыто с ним полемизировал и пытался его растворить в соусе эстезы, или полностью лицемерил, разведя советскую власть на продолжительную поездку на Капри и в Париж. Мне очевидно, у него был интерес к Ленину. Ключевой является отсылка к поэту Луи Арагону, примиряющая с прошлым: «Подобно тому, как Арагон сказал: «Робеспьер – мой сосед», – мне хочется сказать: «Ленин – мой современник». Робеспьер пролил много крови, резал головы, был фанатичен, но он важен для французов, они не отвергают свою историю. Чем мы хуже? Вот что, кажется, подразумевал Катаев.

Как бы менялись его воззрения потом?

Что бы он сказал о Ленине в перестройку? «Вертер» – первая ласточка демонтажа всего большевизма до основания, «Сухой лиман» – первый проблеск реабилитации религии. А что бы сказал Катаев о Сталине, доживи до ста лет, до 1996 года и кампании «Голосуй или проиграешь»? Неизвестно. Понятно одно: он страшно хотел России славы и силы.

И в этом плане сталинистский роман «Время, вперёд!» читается и как документ эпохи, и как произведение искусства, щедрое на метафоры, и как призыв делать Россию сильнее. Пафос романа: мы больше не Азия, отсталость преодолена.

Роман, смонтированный по принципу клипа, полон отрывистых, уносимых вихрем фраз. Цитаты из Сталина Катаев вплетает так же искусно, как потом будет вплетать в свою прозу чужие стихи. «Дети продают на станциях ландыши. Всюду пахнет ландышами. Телеграфный столб плывёт тоненькой веточкой ландыша. Маленькая луна белеет в зелёном небе горошиной ландыша. Мы пересекаем Урал». И тут же в эту благодать врывается стенограмма речи вождя: «Прежде всего требуются достаточные природные богатства в стране: железная руда, уголь, нефть, хлеб, хлопок...» И дальше: «Поэт ногтем подчеркнул железную руду». И опять вмешивается Сталин, как впоследствии в катаевскую речь в ЦК: «Задержать темпы – это значит отстать. А отсталых бьют. Но мы не хотим оказаться битыми. Нет, не хотим!»

И всё-таки даже в идеологической эпопее главным для Катаева остаётся КАК, а не ЧТО, поэтому тяжкий труд людей и свирепая работа машин зачастую передаются с утончённой манерностью. Паровоз фыркает «маленькими кофейными каплями» нефти, у голых по пояс парней мускулы на спинах блестят, «как бобы», а арматурины, торчащие из «молодого зеленоватого бетона», кажутся «маленькими пучками шпилек». Этот роман стоит прочитать хотя бы для того, чтобы насладиться стилем: «В тетради был химический карандаш. Саенко его послюнил. По его большому мокрому рту поплыл лиловый анилин. Он лежал с крашеным ртом, как отравленный, мечтательно и неподвижно уставив фиолетовые, с металлическими зрачками, глаза в небо. Его лицо было треугольно. Под ухом горело ярко-розовое пятно болячки. Тощий, острый нос просвечивал нездоровой подкожной голубизной хряща».

Во «Времени, вперёд!» Катаев берётся за тему, не покидавшую его всегда: любви-неприязни к Западу. На строительстве Магнитки присутствует американский инженер, мистер Томас Джордж Биксби, прозванный для сокращения на русский лад Фомой Егоровичем. Автор вместе с американцем, алкоголиком и наркоманом, долго любуется глянцевым журналом с заманчивыми иллюстрациями разных вещей и продуктов, которые так и хочется потребить. Но потом американец узнаёт из советской газеты, что банк с его деньгами обанкротился, рвёт скользкий журнал и принимается за уничтожение всего в номере, включая стулья и зеркальный шкаф. Катаев злорадствует: «Вещи бежали от него, как филистимляне. Он их крушил ослиной челюстью стула». Вместе с вещами американец крушит себя и свою идеологию – «вещизм». Концовка романа – возвращение в начало. Великая стройка потрясла мир, а ландышевая луна по-прежнему светит, и Сталин опять погружается в пейзаж: «В поезде зажглось электричество. Мы движемся, как тень, с запада на восток. Мы возвращаемся с востока на запад, как солнце. <...> «Задержать темпы – это значит отстать. А отсталых бьют. Но мы не хотим оказаться битыми. Нет, не хотим! <...> Нельзя нам больше отставать...» <...> «...Нельзя! Нельзя! Нельзя! <...> «На лужайках, среди гор, жёлтые цветы, пушистые, как утята. Маленькая луна тает в зелёном небе тугой горошиной ландыша».

О чём бы он ни писал – о стройке, революции, войне, погоде, собирании ягод в переделкинском лесу или статной женщине с «лицом скуластым, как миска» – писал красиво. Как Катаев.

Сергей ШАРГУНОВ

ВАСИЛИЮ БЕЛОВУ – 80

Семистолпник

К восьмидесятилетию Василия Белова издательский центр «Классика» выпустил его собрание сочинений в семи томах.

В образцово-привлекательном виде, с золотящейся листвой по зелёному полю на корешке и тиснёным профилем автора на обложке. Как такому издательству и поводу и подобает. Классику – классиково. Зело украшены добротные книжищи и цветными репродукциями отобранных изделий местных и столичных художников. Сбирали кошт на сей редкостный по нашим временам дар юбиляру – и нам, конечно, читателям! – всем миром: пособили и федеральные органы, ответственные за «печать и массовые коммуникации», и правительство Вологодской области. Редколлегию и синклит комментаторов возглавил член-корреспондент РАН Ф.Ф. Кузнецов, земляк – учёный, стало быть, сосед писателя.

Собрано основное – от самых ранних стихотворений и рассказов в первом томе до сравнительно недавних статей и писем в седьмом. Все тексты тщательно, без помарок выверены, отредактированы и – ещё одно чудо теперь! – подробнейшим образом прокомментированы. Молодому читателю не нужно лезть в Интернет, чтобы узнать, что означают те или иные исчезнувшие реалии, забытые имена и полузабытые события из прошлого Родины и зарубежья; аккуратная звёздочка над соответствующим словом-понятием сразу отправляет его к пояснениям. Так что любого уровня школьник не сможет посетовать на непосильные обременения.

Хотя по художественной и историософской концепции своей Белов ох как не прост! С виду – в пушкинской и, пуще того, фольклорной традиции – ладен и складен, но внутри-то многосмыслен и затейлив, как северная изба. Шолохов, Солженицын, отчасти Залыгин, Шукшин, Распутин и Астафьев – вот его ряд, его перекличка. Не всегда заединная, нередко и колющая. А по уровню и оснастке дивного, акварельно нежного письма в лучших вещах ладно вписывается он в иной, соприродный ему ряд таких земляков-словотворцев, как Шергин, Писахов, Балашов, Абрамов, Рубцов, Личутин. По тональности близок ему и Валерий Гаврилин, последний великий композитор русской земли – «Голос, рождённый под Вологдой», как озаглавил он свою о нём повесть.

Вообще Вологда... «Когда-то столица чистого и стыдливого края» – по его слову. В шестидесятые годы минувшего века эта троица почти ровесников – Белов, Рубцов и Гаврилин – сделала её столицей и отечественной культуры. Помнится, Кожинов в биографии Тютчева верно отметил, что нашу классику кроме обеих столиц породила в основном средняя полоса, всего-то сотни три километров – от тютчевского Овстуга на западе до есенинского Константинова на востоке. Начиная с Шергина (а также Пришвина, Дурылина, Юрия Казакова, мостивших на Север свои литературные гати), центр тяжести стал перемещаться поближе к Беломорью, которое так и хочется назвать Беловодьем. Безбрежные хвойные да берёзовые дали, голубое и зелёное, снег и свет. Осиянная, уходящая в бесконечность отчизна – *задремавшая*, по Рубцову, *прикровенная*, по Дурылину, *весна света*, по Пришвину. С незлобивыми, но стойкими *тихими* жителями, о которых сам Белов так хорошо сказал, что они «мудры и наивны». Под его пером они во весь рост встали перед всем миром, чудесным образом воплотив в себе не только местное – общерусское. Родное. «Хороших писателей у нас много – родных мало», – сказал на предшествующем юбилейном вечере Василия Белова Виктор Лихоносов, один из друзей и сподвижников. И поведал, как, добираясь ночным автобусом из Кубани в Москву и думая о Белове, вглядывался, подъезжая под Елец, в огоньки Задонского монастыря, а потом за Ельцом пытался угадать внутренним взором родные бунинские места. Кстати, в своё время Твардовский в памятной статье о Бунине выделил среди молодых его наследников именно их двоих – Лихоносова и Белова.

А мудрец Иван Ильин, позднее и самое дорогое уму и сердцу открытие Белова, как раз в работе о Бунине выразил заветное: чтобы стать истинно русским писателем, нужно «принять в свою душу кое-что из тех сокровенных залежей *мудрости и доброты, свободы и Богосозерцания*, которые образуют самую субстанцию русского народного духа». Нетленная, вечная формула, приложимая, конечно же, и к Белову.

Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны... Семь томов Белова – как семь холмов его великой малой родины, оставшихся здесь от тяжёлых и нежных объятий древнего ледникового сельфа. Как семь столпов утверждаемой им истины о распятой деревенской России. Как семь молитв или ударов набатного звона. Тема одна, но каким же разным и подчас неожиданным предстаёт в каждом из этих томов автор! Как разнообразно его служение. Нет, кажется, жанра, в котором он, кудесник, не испытал бы свою силу. Нащупывая её, осторожно испытывая в вещах первоначала – в ранних очерках и рассказах. И в стихах, обращённых к России («Она меня не приласкала...»), к матери («Знаешь ты о том давно...»), к памяти Рубцова («О, как мне осилить такую беду...»). И к самому Господу Богу («Освободи от праздных слов и от назойливых мелодий...»). Программное стихотворение – тоже обращение. Называется – «Валерию Гаврилину». Здесь писатель словно оглядывается на пройдённый путь, на дело рук своих:

Я скинул тягостный покров,
Увидел дым былых пожаров
И высыхающую кровь.

Дым и кровь былого – это, конечно, прежде всего его развёрнутая трилогия о трагедии коллективизации, избиении русского крестьянства. Романы «Кануны», «Год великого перелома» и «Час шестый», вошедшие в третий и четвёртый тома собрания. Панорамная картина жизни страны на рубеже переломных тридцатых годов – с десятками персонажей из самых разных сфер сверху донизу. Тут не только крестьяне и донимающие их кровососы – местные начальники всех сортов, проработчики и партработники. Тут во всей красе и вся верхушка, весь «сброд» вовсе не тонкошеих, как привиделось почему-то Мандельштаму, вождей во главе, конечно, со Сталиным, плетущим интриги своей хоть и подвысохшей, но по-прежнему железной рукой. Почему-то поверил диктатор бреду Троцкого о неизбывной «мелкобуржуазной стихии» крестьянства, чересчур-де радеющего о выживании семьи, родичей, рода, да и загнал мирных пахарей туда, куда и пресловутый Макар телят не гонял. И встал тогда сиротский стон и плач над заброшенным русским полем. Находятся, однако, и сейчас патриоты, оправдывающие это библейское избиение народа нуждами индустриализации. Будто бы неосуществимой и без такого заклания. Перечитайте трилогию Белова – может быть, вразумит. Час шестый, по Евангелию, это ведь когда Иисус был предан и поведён на распятие. «Всю тебя, земля родная...» Напрашивающиеся ассоциации глубоководные. По охвату жизненного материала это эпос. Северное эхо «Тихого Дона». Недаром Шолохов выделил Белова из младого пишущего поколения, отвёл при случае в сторонку побеседовать, – заодно и выслушать немало нелестных слов по поводу «Поднятой целины». Василий Белов всегда был нелукав и прям в изъявлении своих мнений, а порой и сердит, обличителен, что вполне испытали на себе депутаты-демократы, когда довелось ему выступать перед ними в начале девяностых годов. Улюлюкали, конечно, как и при выступлении Солженицына, да мало смутили и того и другого. Основная публицистика, кстати, тоже представлена в настоящем издании – вместе с письмами в заключительном томе. Где найдём и нелицеприятное обращение к Виктору Астафьеву: «Моё к тебе уважение сильно поколеблено. Бог тебе судья!» Видевшему Белова и беседовавшему с ним человеку – хотя бы за обеденным столом в ЦДЛ – нетрудно себе представить, каким грозным синим всполохом взблеснули при этом глаза «тихого» северянина.

Пятый том вобрал в себя дивную книгу «Лад». Дважды явленная издательством «Молодая гвардия» в восьмидесятые годы как абсолютный полиграфический шедевр, она давно стала искомой редкостью самых изысканных книжных коллекций. Здесь её наряд вынужден был подчиниться общему строгому строю, однако издатели постарались не снижать праздничности иллюстративного ряда. К тому же добавились и комментарии, может быть, особенно уместные в ретроутопии, каковой многие почитают этот уставный свод древлего деревенского бытования. Утопия-то утопией, но ведь никому не препятственно возродить былой славный лад в своей жизни: бегство в деревню у нас, как и во всём честном мире, нарастает.

В шестой том вошли киносценарии и пьесы Белова, среди которых выделяется «Александр Невский». Только поразительной рутинностью и скукой нашего театрального мира можно объяснить тот факт, что она до сих пор не нашла своего заинтересованного режиссёра. За какую только муть они не хватаются, заражаясь друг от друга гнилыми бациллами моды! А тут, нате вам, настоящая роскошь интриги и смысла пребывает втуне. Здесь же многострадальный роман «Всё впереди», рассердивший при появлении (1985) нашу критику (отзывы в комментариях приводятся) своей «ретроградной» тенденциозностью. Да вот прошли годы, и выяснилось, что роман-то был во многом пророческим; карикатурно изображённые, «примитивно плакатные» чужаки, как и было прочувствовано и предсказано, возобладали в нашей жизни и с нагловатой самоуверенностью повели жителей не в ту степь.

Василий Белов. **Собрание сочинений в семи томах.** – М.: Классика, 2011–2012.

Когда-то возникло и укрепилось среди литераторов такое понятие – «Блок второго тома». Мол, наилучший, избранный, классический Блок. После этого издания можно будет говорить и о «Белове второго тома». Ибо здесь собраны и повесть «Привычное дело», и «Плотницкие рассказы», и «Бухтины вологодские». Сплошной сгусток шедевров, и все – с золотой полки русской литературы. Даже не верится иной раз, что эдакое богатство возникло прямо на наших глазах, что всё это мы впервые читали в выписываемых журналах. Что и в наши дни можно было изваять коня Парменко под стать Холстомеру и простыми вроде бы незатейливыми словами вдохнуть жизнь в фигуру, подобную Ивану Африкановичу, герою из компании Максима Максимовича, Савельича и капитана Тушина. То есть заново создать тип некоего вечного русского, если не отлитого в бронзе, то вырезанного из дерева или высеченного из валуна. Со всей его в то же время неприкаянностью, подмятостью обузами сугубо нашего времени. Вещь, от которой невозможно оторваться, на какой бы странице её ни раскрыть.

Почти всё, ныне в таком справном виде представленное, радостно было перечитывать. Но вот седьмой заключительный том порадовал и новыми открытиями. Речь прежде всего идёт о письмах писателя, впервые опубликованных. Эпистолярия – вообще-то не главная доблесть русской литературы. Не французы, поди, и не англичане с прочими немцами. Пушкин, Чехов, Цветаева – вот, пожалуй, и весь наш канон. Удивительно, но и в этом деле Белов сумел к ним, классикам, подтянуться. Его письма к Шукшину, например, читать и перечитывать теперь поколениям русских мальчиков. Хотя никакой в них риторики (один раз только взыграла стилизованная вязь под старину), зато сердечность – на разрыв аорты. Заботливость, стыдливая нежность, увещевательность словно бы старшего брата. При том, что Шукшин-то был на три года старше. Да ведь он, что называется, оторвался от корня, стал полугородской, полукиношный, вот «стволовой» Белов и чувствует себя вправе и в обязанности наставить, упредить, остеречь. «Бросай киношку, ты же писатель... Береги силы свои, ради Бога. Не слушайникого, только пиши, пиши, пиши». «Побереги, наладь, подрегулируй, подлечи свою машину, то есть тело...» «Успокойся. Расслабься. Наберись юмору. Зажми язву. Кури поменьше. Побольше ешь и спи». В каждом письме: не дёргайся, не надорвись, не глотай кофе и сигареты. Словно провидя и предчувствуя неминуемую близкую беду. Выстраданное рубцовское настроение: Россия, Русь, храни себя, храни! А что и есть Россия, как не такие люди, как Василий Макарыч, о котором и правда пришлось вскоре Василию Иванычу писать горькие воспоминания.

Не менее того интересны и другие письма Белова – Распутину, матери, в журнал «Наш современник». От которого он ещё и недавно ждал, что вот-вот объявят там конкурс на новеллу страниц в двенадцать-пятнадцать, чтобы «сразиться» с коллегами за первенство, удивив языком «не хуже личутинского». Азарт не стареющего, не сдающего свой пост писателя. Написавшего однажды, что он росточком не вышел и в армии стоял крайним на левом фланге, а вот где его место в литературе, ему неведомо... Да мы-то все, его давние читатели и почитатели, тверды в нашем знании: он – правофланговый!

Глашатай и вестник печали русских полей, но и столь чаемого опамятования и грядущего воскресения. Пожелаем же любимому писателю-юбиляру бодрых сил, веры и новых свершений. Его слову жить, покуда жива будет голубоглазая и зеленоволосая Русь, озёрная и берёзовая Россия.

Юрий АРХИПОВ

...Ибо абсурдно

Творчество Василия Ивановича Белова чрезвычайно созвучно тютчевским строкам:

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать –
В Россию можно только ***верить****.*

(1866)

Истрёпанное, цитированное сотни раз к месту и не к месту четверостишие Ф.И. Тютчева не утратило, однако, ни пафоса, ни истины. Впрочем, тщетные и злобные в своей тщете попытки понять Россию время от времени предпринимаются, но ничего ровным счётом не проясняют. То, что и двести лет назад в России невозможно было ни понять ничего, ни прояснить, должно бы навести на мысль, что и пытаться не стоит. А заодно уж не стоит прибегать ни к экзальтированным сравнениям с заграницей, ни к наивной вере в существование земель Офирских. Стоит лишь, пожалуй, признать, что российская действительность более любой другой изобилует противоречиями, парадоксами и крайностями. Происходящее в России порой трудно объяснить с рациональной точки зрения, а граждане, населяющие страну, не просто не образуют никакого гражданского общества, но и воспринимают друг друга с недоумением, точно удивляясь самой возможности существования где-то поблизости таких странных, подозрительных, неизвестно откуда взявшихся людишек.

Гоголь в «Тарасе Бульбе» или Чехов в «Злоумышленнике» сталкивают людей, говорящих на одном языке, но не понимающих друг друга. «*– И ты не убил тут же на месте его, чёртова сына? – вскрикнул Бульба. – За что же убить?* – отвечает Тарасу Янкель, повествующий о переходе Андрия к полякам и, желая сделать Бульбе приятное, живописующий, каким бравым и богатым стал Андрий. *– Он перешёл по доброй воле. Чем человек виноват? Там ему лучше, туда и перешёл»*

«– Для чего же тебе понадобилась эта гайка? – спрашивает в «Злоумышленнике» судебный следователь мужика Дениса Григорьева. *– Гайка-то? Мы из гаек грузила делаем... – Кто это – мы? – Мы, народ... Климовские мужики то есть. – Послушай, братец, не прикидывайся ты мне идиотом, а говори толком. Нечего тут про грузила врать!»*

Сегодняшний класс отщепенцев, тех, кто отщепился от единого культурного древа, кто сегодня *«страшно далёк от народа»*, представляет собой нечто среднее между чеховским судебным следователем и гоголевским Янкелем. Кто же в рассказе Чехова злоумышленник? Народ в лице Дениса Григорьева, разбирающий по невежеству своему железную дорогу на *грузила*? Или образованный класс в лице судебного следователя, не понимающий и презирающий народ?

Вот это презрение к народу, досада, что он не такой, как хотелось бы, и всё делает не так, как надо, помноженная на разрыв со столь любимыми русской культурой Правдой, Добром и Красотой, создают портрет представителя современной «элиты». Перманентного борца за фантомы, производимые собственным воображением и возведённые затем на уровень не просто действительного, но жизненно необходимого. Характер заклинаний приобрели слова «свобода», «тоталитаризм», «честные выборы» и пр., пр., пр. «Элита», с одной стороны, недовольная неподатливостью и непонятливостью народа, с другой – наслаждающаяся чувством собственной значимости, неизбежно вскакивающим на фоне той самой неподатливости и непонятливости, не упускает случая, чтобы не облить народ грязью. СМИ, начиная «жёлтыми» газетами и заканчивая академическими журналами, заходятся в пароксизме элитарного самосознания: *«Советское детство, когда родители наказывали за любой пустяк, на который и внимания-то можно не обратить. <...> Бессмысленная строгость травмировала общество, породив людей, полных желаний и постоянно себя ограничивающих либо дающих им бесконтрольный выход»* (МК, 2012, № 26031). *«Любой жест, любое человеческое действие в русском культурном космосе несут на себе печать крушения Просвещения и Евангелия в России»* («Вопросы философии», 1992, №4). В чём другом, а уж в презрении роднятся и газетное невежество, и академическая высоколобость.

А Россия тем временем смотрит на своих отщепенцев, слушает их бессвязное самоутверждение и диву даётся: *«Господи, што будет-то с нами! <...>У девок-то уже и стыда нет, иные и зимой ходят без юбок. <...> Вся беда от вина да от телевизора. В телевизорах-то совсем голые. Ноги закидывают выше ушей, диво, как не стыдно. <...> А то ещё начали деньги считать везде! Вкруговую – одне деньги, одне деньги... <...> Совсем угорели, сердешные, из-за денег-то...»* (В.И. Белов. Медовый месяц. Повесть об одной деревне).

Тихо протекает жизнь в этой северной деревне, равноудалённой от обеих столиц. Но маленькая деревня – это микрокосм, и большая Россия метафизически присутствует в ней. Всё, что происходит в России, происходит в деревне, всё, что возможно в деревне, возможно и во всей России.

Льются кровь и вино в России 90-х. И оттого символично описание поездки на донорский пункт с последующим хмельным застольем. *«С шофёром будет нас восемь душ,* – объясняет соседке трактористка Валька. *– А в тот раз возили, больше десяти гавриков набралось. За один раз с полведра нацедили! Летом комарам выпаиваем, зимой государству сдаём»*. И тогда же, по дороге на донорский пункт, вспоминает доярка Ангелина, как погиб её отец, *«потому что за Москву стоял»*, как погиб спьяну муж, как сына убили в Афганистане, да и *«дедушко умер не дома»*. И только смерть отца не вызывает недоумения у Ангелины. Вспоминает она, как снова вышла замуж за *«парня с Кавказа»*, как старалась и задаривала нового мужа. А *«весёлый и горячий кавказец предал её, мотоцикл продал и уехал»*. Зато сама Ангелина никого не предала, чем вряд ли многие смогут похвастаться. *«Пьяницы,* – плачет Ангелина, глядя на пьяное, чадное веселье только что сдавших кровь односельчан, *– свою же кровь пропивают, и хоть бы им что. <...> Всё на свете пропили! Сами себя пропили!»* Плачет Ангелина, оплакивая погибших, спившихся и предавших её. *«Господи, прости их, грешных, вразуми и наставь!»* – молится обо всех заблудших старуха Марья.

Заблудилась Россия... В деревне пьют, в городе *«на книгах, как в телевизоре, одни голые сиськи и задницы»*. Да мало того, зашёл пьяница Валька в антикварный магазин и признал на полке икону, ту самую, что своей же рукой укладывал в гроб почившей соседке. *«Неужели ханыги уже и до могил добрались? Тогда взаправду скоро конец света»,* – с ужасом, сквозь нервную дрожь думает Валька, проваливший евангельские идеалы. *«Бизнес есть бизнес»*, – объясняет ему интеллигент-реставратор, принадлежащий, очевидно, к местной «элите».

Никогда не возмущался Валька, только пил, балагурил да, знай, приговаривал: *«Служу сороке и вороне, готов к труду и обороне»*. Но проняло Вальку креативное святотатство. *«...Покажу я вам бизнес, гады...»* – только и смог, что возмутиться. И пропал. Сгинул. Потому что, как и отец Ангелины, за святыню постоял.

Пьянство и матюги, *«голые сиськи и задницы»*, попрание святынь (хоть на кладбище, хоть в храме, хоть в учебнике истории) – явления одного порядка, обоюдоострые и взаимозависимые. Прискорбный список этот можно продолжить работорговлей, антропофагией и прочими прелестями совместного существования в обществе, где нет общей культуры и общих ценностей, где субкультура отщепившегося меньшинства зиждется на ненависти и презрении к большинству и его культуре.

Много чего не понимают герои В.И. Белова в обретающей свободу стране: не понимают они, как можно самоутверждаться за счёт ближнего, как можно наживаться на чужой беде, как можно не пойти служить в армию и как можно ничего не делать, а только торговать. Столп и утверждение «элиты» видится народу гнилым пнём.

Поистине оппозиционный писатель Василий Белов. Вот подлинный протест! Вот подлинное противостояние! И не вымышленным – или, как говорят философы, гипостазированным объектам, – а вполне конкретной пошлости, низости, беспринципности. Тому, что так упорно выдаётся за добродетель или, точнее сказать, чему приписывается равное с добродетелью право на существование.

Нет, не понять такую Россию. И никаким аршином уж точно не измерить её. Но глядя на русский хаос, описанный Василием Беловым, на всю эту бессмыслицу, то феерически вдохновенную, то удручающе унылую, невольно отчего-то думаешь: «Верую! Ибо абсурдно...»

Светлана ЗАМЛЕЛОВА

ЛИТ ИНФОРМБЮРО

ЛИТПРЕМИИ

Премия «Ясная поляна» наградила лауреатов 2012 года. В новой номинации «Детство. Отрочество. Юность» победителем был признан роман «Крестьянин и тинейджер» Андрея Дмитриева. В номинации «XXI век» пальма первенства отдана Евгению Касимову за его сборник рассказов и повестей «Назовите меня Христофором». Почётную премию в номинации «Современная классика» вручили Валентину Распутину.

Оглашён лонг-лист молодёжной литературной премии «Дебют». В 2012 году конкурс проводится по номинациям: «Крупная проза», «Малая проза», «Поэзия», «Драматургия», «Эссеистика», «Фантастика». В жюри премии вошли Павел Басинский (председатель), Марина Дяченко, Олег Зайончковский, Сергей Кузнецов, Алексей Слаповский, Валерий Шубинский.

ЛИТФОРУМЫ

В подмосковных Липках проходит двенадцатый Форум молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья. В программе запланированы круглые столы и 16 мастер-классов с участием известных писателей, редакторов журналов. По итогам форума 16 человек получат стипендию Министерства культуры РФ. Участники смотра поучаствуют в дискуссиях на темы «Традиции и новаторство в современной литературе», «Поэт в современном мире», «Русский язык в современной литературе» и других. Гостями форума станут заместитель руководителя Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям Владимир Григорьев, писатели Владимир Маканин, Виктор Ерофеев и другие.

В Калининградской области проходят «Дни литературы» – крупнейший культурный форум региона, поддерживаемый местным министерством культуры. А в рамках мероприятия – творческие встречи с писателями и издателями, выставки и презентации книг, беседы, конференции, литературные вечера. В этом году в рамках проекта запланирован праздник, посвящённый открытию «Литературной школы им. Гайдара» при областной детской библиотеке им. Гайдара.

В Молдавии проходят традиционные «Русские дни» – дни русской литературы и духовности. Писатели из России проводят мастер-классы, встречаются с читателями и местными авторами, пишущими на русском.

ЛИТПАМЯТЬ

На фасаде одного из домов Васильевского острова может появиться мемориальная доска писателю Фёдору Сологубу. С инициативой об увековечивании памяти выдающегося петербуржца к губернатору Георгию Полтавченко депутаты Законодательного собрания обратятся на ближайшем заседании парламента. Как объясняет депутат Александр Кобринский, имя Сологуба неразрывно связано с Петербургом. Писатель здесь родился и вырос, провёл всю свою творческую жизнь. Парламентарий считает, что доску нужно установить на доме, в котором жил и работал Фёдор Сологуб, – 7 линия Васильевского острова, 20/2. В марте следующего года литературная общественность отметит 150 лет со дня рождения писателя.

11 октября, в день 90-летия поэта, прозаика и переводчика, члена Союза писателей России, заслуженного деятеля искусств Хакасии Геннадия Сысолятина, в Национальной библиотеке имени Н.Г. Доможакова в Абакане состоялась презентация фильма «Верный времени и себе», посвящённого его памяти и созданного по инициативе библиотеки.

17 и 18 октября в Гуманитарном университете Екатеринбурга пройдут Дни поэзии памяти Бориса Рыжего (1974–2001). Запланированы чтения, литературные дискуссии, выступления известных поэтов.

ЛИТКУРЬЁЗ

Журнал GQ уличил Дмитрия Быкова в нарушении авторского контракта. Быков опубликовал колонку, заказанную ему журналом GQ, на своей странице в Facebook, а также на сайтах «Новой газеты» и «Эха Москвы». Об этом в соцсети написал главный редактор GQ Михаил Идов. Главред GQ заявил, что надеется разрешить конфликт «полюбовно» и постарается добиться того, чтобы текст с других сайтов был убран.

ЛИТУТРАТА

Писатель, телеведущий и киновед Глеб Скороходов скончался в Москве на 83-м году жизни.

Издательство «Перо» предлагает:
✓Издание книг, монографий, брошюр, научных трудов
✓Также Вы можете опубликовать свои произведения в нашем литературном журнале «Современная литература России»
✓Срочные публикации научных статей
г. Москва, 109052, Нижегородская ул., д. 29-33, стр. 27 офис 105
www.pero-print.ru pero-print@yandex.ru
Тел. (495) 973-72-28; (495) 665-34-36

МЕСТО ВСТРЕЧИ

23 октября – Библиотека им. Волошина
Метро «Спортивная», Новодевичий проезд, дом 10

Поэтический вечер «Временная регистрация»

В вечере принимают участие Надя Делаланд, Сергей Золотарёв, Екатерина Перченкова, Алексей Кащеев, Борис Кутенков, начало – в **18.00**.

Государственный музей А.С. Пушкина
Пречистенка, 12/2. Усадебный двор

18 октября – презентация музея-заповедника «Тарханы», приуроченная к грядущему в 2014 году двухсотлетнему юбилею М.Ю. Лермонтова «Я теперь живу в Тарханах», начало в **19.00**.

СОБЫТИЕ

Молчание – Нобелевка!

Нобелевский комитет огласил имя лауреата премии по литературе этого года – им стал китаец Мо Янь (настоящее имя Гуань Мое) – практически неизвестный российскому читателю. Он родился в 1955 году в уезде Гаоми в провинции Шаньдун. Получив только начальное образование, работал в селе, затем пошёл в ряды Народной освободительной армии Китая. Первые произведения опубликовал в 1981 году. За пределами своей страны он известен в основном как автор романа «Красный гаолян», по которому был поставлен одноимённый фильм (1987).

Как говорится в распространённом заявлении Нобелевского комитета, в его произведениях «с галлюцинаторным реализмом слились народное творчество, история и современность». Любопытно, что Нобелевку впервые получил писатель, не только пишущий по-китайски, но и живущий в Китае. Мо Яня вполне резонно относят к лояльным режиму авторам; он никогда не занимался политикой и не сочинял диссидентских текстов. Напротив – является крупным литчиновником, заместителем председателя Китайской ассоциации писателей.

Иероглифы, составляющие псевдоним Мо Янь, переводятся как слово «молчи». И, можно сказать, что в России он действительно молчал, поскольку у нас до недавнего времени переводился только отрывками. Однако, словно предчувствуя решение Нобелевского комитета, питерское издание «Амфора» в этом году выпустило роман Мо Яня «Страна вина», который буквально на днях появился в продаже. Будем надеяться, что проза новоявленного лауреата восхитит не только членов жюри, но и взыскательного читателя.

Игорь ЧЕРНЫШОВ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА, 17–23 октября 2012 г. № 41 (6388)

ФЕСТИВАЛЬ

Типы Казантипа

Уже четвёртый год международный фестиваль «Славянские традиции–2012» принимает в Крыму писателей и деятелей культуры из разных стран. С каждым годом фестиваль стремительно расширяет пространство, объединяющее творческих людей различных возрастов, живущих в разных городах мира, принадлежащих к разнообразным культурным течениям и творческим союзам, открывает новые имена, к нему присоединяются издательства и музеи. В этом году в город Щёлкино приехали 106 писателей из семи стран: России, Украины, Беларуси, Казахстана, Германии, Франции и Англии.

Фестиваль начал свою работу в ДК «Арабат», где после церемонии открытия прошёл вечер «Литературной газеты». Программа «Славянских традиций–2012» была довольно насыщенной: помимо основного конкурса писатели участвовали в поэтическом турнире «Поэтри-Слэм», или «Стихоборье», соревновались за приз зрительских симпатий в номинациях «Поэзия, свободная тематика», «Литературный перевод», «Стихотворение о любви», «Драматургия», «Малая проза», «Юмористическое стихотворение». Были организованы поэтические и прозаические мастер-классы и круглые столы, где участники могли представить своё творчество, поговорить о проблемах и современном положении литературы и культуры в мире, получить совет от ведущего мастер-класса и многое другое. Презентацию альманаха «ЛитЭра» № 6 провела главный редактор И. Силецкая, вечер издательства «Доля» курировал В. Басыров, ещё были презентация журнала «Литера-Днепр», творческий вечер В. Шемшученко, встреча выпускников Литинститута. Презентацию альманаха «Свой вариант» и вечер Конгресса литераторов Украины представили А. Корж и В. Спектор, День Казахстана, или «Шёлковый путь», провёл Б. Канапьянов. Прошли вечер литературного союза «Полоцкая ветвь», творческая встреча Киры Сапгир (Франция, Париж), вечер-презентация Европейского конгресса литераторов. Литобъединение «ДООС» представил К. Кедров, выступил С. Айдинян с презентацией книги об Анастасии Цветаевой, Е. Степанов провёл презентации журналов «Зинзивер», «Дети Ра» и др.

Участники посетили несколько городов, музеев, познакомились с местными писателями и творческими объединениями. Отдельно хочется отметить тепло и радушие, с которым принимали «Славянские традиции» в разных городах Крыма. В Коктебеле писатели побывали в Доме-музее им. М.А. Волошина и приняли участие в литературных чтениях. В Керчи доцент Керченского университета А. Бельский провёл обзорную экскурсию, после чего состоялось совместное выступление поэтов города и участников фестиваля в Центральной библиотеке им. В.Г. Белинского. В Феодосии «Славянские традиции» принимали Музей А.С. Грина и Музей сестёр Цветаевых, где прошло торжественное открытие мемориальной доски Марины Цветаевой, принесённой в дар музею скульптором С. Мокроусовым.

Писатели побывали в Старом Крыму, где посетили Старо-крымское кладбище, возложили цветы к могиле А.С. Грина, Г.Н. Петникова, А.Я. Каплера, Ю.В. Друниной и других известных писателей и деятелей культуры. О. Байбурдская представила гостям Дом-музей А.С. Грина, И. Котюк – Дом-музей К.Г. Паустовского.

Все победители были награждены грамотами, специальными статуэтками фестиваля, сувенирами и книгами. Памятным подарком для победителей и участников стала малая антология места действия «Казантип» со вступительной статьёй Бахытжана Канапьянова и стихами участников фестиваля литературы и культуры «Славянские традиции», вышедшая в 2012 году в издательстве «Жибек жолы», в переводе означающем «Шёлковый путь». «ЛГ» по традиции публикует стихи участников фестиваля.

Светлана ХРОМОВА

...Хотя бы в молитвах не лги

Ксения БУТУЗОВА
(Украина, Крым, Щёлкино)

ВАСИЛИЙ

Василию тридцать три, он многословно
шутит о возрасте Христа и чудесах;
Вася давно не пьёт и не пишет стихи. У него
здоровая печень и болит душа.

Всё самое важное пятый год под могильной
плитой с надписью «Любимой жене».
Мать долдонит «Ты рано женился!», Вася
прячется в заводской суете.

В голове у него принципиальные схемы, на
форзаце ежедневника фотоснимок,
Где милая девушка смотрит в объектив,
завязывая шнурки походных ботинок.

Василий уже несколько лет ездит в отпуск в
Японию, Китай или Таиланд –
Туда, где экзотические виды, буддийские
храмы, много разноцветных гирлянд.

Правда, спасают всё больше авиаперелёты,
залы ожиданий и пересадки –
Странное время, когда духи мёртвых
возвращаются и играют в прятки.

Этим летом Вася внезапно отдаёт
ползарплаты маме и едет поездом в Крым,
«Тюрьму для богатых духом» – смеётся.
Ему хочется притвориться больным

И лежать на верхней полке купе, вспоминать
походы, одну на двоих палатку,
Одни на двоих рассветы. Вася спускается и
выпивает залпом водку,

Предложенную пьяным профессором геодезии,
который едет в Джанкой.
Потом они вместе с мальчиком Питом идут
курить и дышать ночной темнотой –

Вася читает на память старые тексты и
анекдоты о командарме Чапае.
Петер всё больше молчит, закусывает
солёными огурцами и почти засыпает.

Утром, на пыльном вокзале, рядом с
фонтаном, Вася тихо ругается матом,
Подхватывает на одно плечо рюкзак,
на другое – Пита, морщится от ароматов.

Василию – тридцать три, и в Крыму он не в
первый раз, и вроде бы всё привычно:
Автобус, небритость, нетрезвость, попутчик.
Всё правильно и логично.

Но не даст поток мне подняться ввысь.
Он – судьбы знаток, он-то знает жизнь...

Лишь секунда – верх, ну а вечность – низ,
Знаю я о тех, кто сорвался вниз,
Кто пустился вскачь, где они сейчас?
Среди близких плач – мол, оставил нас...
Нет, лечу я вниз. Как полёт продлить?
Может, мой каприз, но хочу я жить!
На ветвях хочу черенком шуршать.
Ветру-палачу мне зачем мешать?

Но сорвал и смял, в небо погрузил.
Путь мой крайне мал, крайне мало сил.
Под ногой я чьей смерть свою найду?
Как же он посмел оказаться тут
Тот, кто в сквер зашёл? Может, не со зла,
Но меня нашёл или я нашла
Этот миг – рывок и хрустит хребет,
Раны хлещет сок, меркнет белый свет.

Осень приняла мой бесценный прах,
Утешать взялась, мол, бывает так.
Знаю, всё равно боль болит больней.
Все – почти никто, потому не смей
Уверять, что все умирают так,
Чтобы по весне вновь поднять свой стяг.
Впереди – года, смерти – нет и нет!
Почему ж тогда так болит хребет?!

Геннадий ШИРОКОЖУХОВ
(Россия, Рязань)

* * *

Как строим судьбу – не бездарно ли?
Здесь нам зачеркнуть, там – наметилось.
Душа – словно вещь антикварная
несёт временные отметины.
Противится сердце томительно.
Но – вылез резон жёстким правилом.
Привычно к себе повелительны:
встречались, расстались – всё правильно.

И вот уже встреча – случайная.
Ну что... уходи, если хочется.
Бесстрастно и без отчаяния
окликну по имени... отчеству.
А ты обернись, пусть ошибся я.
И я подойду, слов не ведая.
Надвинусь лицом, бледно-гипсовым,
и взглядом, очищенным бедами.

Давай постоим непритворными.
Чужими – и даже не грустными.
Давай ощутим иллюзорные
ожившие нити присутствия.

Александр КОРЖ
(Украина, Киев)

* * *

Спокойные движенья за мольбертом.
Высокий лоб, нахмуренные брови,
И борода с неперовой сединою,
Как знак для удивленья – «от чего»?
В Европе уже знали Марко Поло,
Уж он-то видел небо на Востоке
И каково под звёздами лежать,
Осознавая нетекучесть лет.
И седина, конечно же, оттуда.
Там друг погиб, там встреченный иудой
В степи лежал. И очень надо встать!
Вот шрам над глазом, и ещё один
И рядом. Как быстро всё у юных зарастает
И прячется за розовой полоской,
Лишь выдавая юности угар.
А ранние залысины на лбу
Скорее не от философских мыслей,
А как следы невидимых погонь.
Она бежит, а ты догнать не можешь,
И долго бродит в жилах этот гон.
Вперёд, вперёд!
Вот скорбность рта под щёткою усов,
Но здорово, что это не угрюмость,
Там спрятан шрам за тяжесть точных фраз.
Хотя углам привычна и улыбка...
Горбатый нос бретёра, дуэлянта,
А может, и злословного поэта,
Который ценит яд и алкоголь...
А вот в глазах тревоги не заметишь.
Всё спрятали морщины и круги,
И по-татарски вскинутые брови.
Лишь тихая ирония струится
И вызывает беглую улыбку.
Над чем, над кем, а может, над собой?
Над тихим гнётом небанальных дней,
Чужих судеб, исчёрканных разлукой,
Предательством? Уж этого хватало!
Не отстирать испачканных платков.

А может, это хохот над Судьбой?

Ах, что за день февральский в Нидерландах...

Фото автора

Елена ДАРАГАН-СУЩОВА
(Россия, Москва)

ОСЕННЕЕ

Промокшая осень... След бабьего лета...
Листочки последним летящим приветом
Меняют цвет улицы в буднично серый;
Дождями умыты бульвары и скверы.
На мокром асфальте мозаика листьев
Безвестных художников постмодернистов...
Созревшие краски осеннего тона
Ладошкой кленовой кружат монотонно.

Оксана УСОВА-БОЙКО
(Украина, Киев)

С ТОЙ МИНУТЫ...

Всё пройдёт, и однажды двери, в последний раз
На прощание скрипнув, закроются за тобою.
С той минуты на свете больше не будет Нас...
На планете станет меньше одной любовью.

С той минуты станет неважным, что
было до...
Мир не рухнет... И лето в срок разукрасит
город...
А соседка орёт на супруга: «Да чтоб ты сдох!»
И живёт с ним тридцатый год, поправляя
ворот

По утрам на рубашке... а вечером снова крик.
Мы сумели бы так? Ну, конечно же,
не сумели б...
А двумя этажами выше живёт старик...
Восемь лет, как она умерла, а он ждёт и
верит...

Ждёт минуты своей, улыбаясь её глазам,
С пожелтевшего фото глядящим... Пьёт чай
и верит –
Сорок восемь земных для двоих слишком
мало... там
Лиза встретит его... и забудется боль потери.

Ты бы смог?.. Да, у нас не случилось такой
любви.
Что-то было, но что (?), если не было веры
в вечность?

Я привычно шепчу в тишине: «я приду –
зови...»,
Точно зная, что даже если осыплется
Млечный

И на всё загадаю тебя – ничего не вернуть...
Я была только вспышкой в твоём
захмелевшем взгляде,
Затуманенном страстью, вином... Но не в
этом суть...
Я была! И поверь, даже этим мгновеньям рада.

Память вытрет мой взгляд, голос, имя и
звуки шагов...
Нам судьба на двоих не дала и не выдаст
счастья...
Ты запомнишь лишь терпкий запах моих духов
И браслет серебристый на тонком моём
запястье...

Татьяна ШЕИНА
(Беларусь, Радошковичи Минской обл.).

МАТЕРИНСКОЕ

В пять минут сократился мой мир до
масштабов тебя –
Или, может быть, ты, появившись, заполнил
Вселенную...
До последнего дня – дня, когда надо мной
протрубят
Вечный зов небеса, и окажется тленным –
нетленное,

Дня, когда из часов перестанет струиться
песок –
Буду слёзно молить Иисуса и Деву
Пречистую,
Чтоб с твоей головы лишний раз не упал
волосок,
Чтобы горечи тень не гасила улыбку
лучистую.

Но, когда в первый раз упадёшь – или что-то
ещё
Станет вдруг для тебя наказаньем за детские
шалости,
Попрошу у Небес силы – молча подставить
плечо,
Чтоб случайно тебя не унизить безжалостной
жалостью.

А когда в первый раз проиграешь в сердечной
войне
И построенный храм пошатнётся лачугою
хлипкою,
Попрошу у Небес силы тихо стоять в
стороне,
Чтоб не ранить тебя снисходительно-мудрой
улыбкою.

Буду рядом идти. Но, когда разойдутся пути:
Твой – к вершинам, а мой – в каземат
одиночества мрачного,
Попрошу у Небес силы – просто тебя
отпустить,
Чтобы силой любви не сломать твои крылья
прозрачные...

Анатолий ПРУСАКОВ
(Россия, Москва)

СОН

Отдал бы всё, чтоб возвратиться в сон,
где было хорошо, а было – точно...
Туда, откуда виделась бессрочной
жизнь, а в пруду плескался синий сом.
Там звёзды не смыкали колких век,
днём паровоз ронял на небо кляксы,
и лаяла спросонья в сенцах такса,
когда входил недобрый человек.

От времени дом сжался и присел,
фундамента к нему не подводили
тогда ещё, когда все были в силе,
а в пальцах у меня крошился мел.
И я бегу по полю налегке,
да напрямки, сквозь липовую рощу,
в тот мир, где ветер волосы полощет
у мамы, улыбающейся мне.

Леонид БОРОЗЕНЦЕВ
(Украина, Винница)

ПОЕЗД ИЗ УТЛОГО «А»

И пока последний листик осины
Не упал, черкнув о сиреневый купол,
Люди не воспримут театр Расина,
Как воспринимают комедию кукол.
Андрей Стебелев

Вот поезд из утлого «А» – в беспросветное «Б»,
Где стрелочник Анна готовит из дома побег.
По жизни идя, как на рельсы, как в водную
гладь,
Она его помнит, и это, увы, не отнять.

Она ему верит, а поезд отчаянно мчит,
И это уже невозможно никем залечить,
Как будто земные стихии все разом впряглись
Стянуть в один узел все беды. О, Анна,
молись!

По-лисьи молись, изощрённо. Я – Каин, твой
брат,
Который предчувствию встречи смертельно
не рад,
Который не знает ни Яго, ни Герды-сестры,
Который вторым на алтарь присылает дары,

Манкурт своей страсти, пророчества
книжного раб,
Заложник Шекспира, стишат неизбывный
арап.
Бегущие строчки табло, полыхая огнём,
В воронках глазниц просочились в ночной
окоём –

Читай и молись и хотя бы в молитвах не лги,
По смерти моей император оплатит долги.
Я – Каменный гость твой сегодня –
кричи не кричи...
Я встречу тот поезд запретный сегодня в ночи.

Сергей ТИМШИН
(Россия, ст. Гривенская Краснодарского края)

* * *

Одиноко. И стынет Космос...
Время-лекарь – великий враль!
Этой полночью високосной
Был расстрелян седой февраль.
Я же Вечности пью плацебо,
Пялясь в звёздные этажи...
Звёзды изрешетили небо!
И в него утекает жизнь...

Ирина СИЛЕЦКАЯ
(Россия, Москва)

ОСЕННИЙ ПОЛЁТ

Я кружусь, лечу, и меня несёт
Не куда хочу, а куда качнёт
Вихревой поток. Не имею сил,
Не имею ног тело унести.
Надо мной небес не видать конца,
А конец-то есть? Мне хотелось знать.

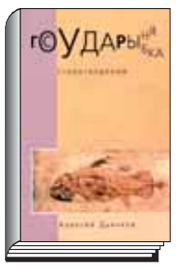
ПЯТИКНИЖИЕ

ПРОЗА

Ллойд Джонс. **Мистер Пип.** – М.: Эксмо, 2012. – 304 с. – 7000 экз.

По этой книге новозеландский режиссёр Эндрю Адамсон («Шрек», «Хроники Нарнии») только что снял фильм, в котором главную роль сыграл великолепный Хью Лори. Фильму прочат успех, но о чём же книга? Она о чтении, причём о чтении классики, – а точнее, о том, как много значат для человека книги и общение, к которому они готовят. Действие происходит в 90-е годы. На охваченном войной острове в Тихом океане темнокожие дети слушают, как учитель читает «Большие надежды» мистера Чарльза Диккенса. И белый мальчик Пип, живший в бесконечно далёкой викторианской Англии, становится их другом, частью их личной истории. К маленьким ученикам присоединяются родители, чтение перерастает в рассказы о себе, о своём опыте, и о «морозном утре», неведомом жителям Океании, и о том, что понятие «синева» включает в себя так много, что их белокожий учитель об этом даже не подозревал... Чтение Диккенса может быть смертельно опасным, война сомнёт этот мирный кружок. Но что-то непременно останется, что-то останется навсегда.

ПОЭЗИЯ



Алексей Дьячков. **Государыня рыбка.** – М.: Водолей, 2013. – 108 с. – Тираж не указан.

Ну какая может быть поэзия в том, что человек зимой пришёл на дачу, протопил печь, переночевал и утром ушёл с дачи? Ни тебе трогательных красот природы, ни хоть размышлений о смысле жизни, только случайно забрёдшее воспоминание об уроке выжигания... Дьячков творит из этого поэзию. Он пишет пятнами – отдельными образами, – между ними, казалось бы, пустоты, но так умело – или душевно, – подобраны части картины, что она складывается сама, дописывает себя – сама. Однако нет, это читатель её дописывает, ведь читатель, как и тульский поэт Алексей Дьячков, живёт в России и, может быть, даже в таком вот городе, в до боли знакомой и любимой средней полосе. И это сам читатель знает – на уровне подсознания помнит, – как *«Бежал от июльского ливня домой. / От волка под плед залезал с головой. / Мурлыкала бабушка баюшки. / Когда в детский сад меня хмурой зимой / Тащила – держала за палец пустой / Оранжевой вязаной варежки»*. Но только поэт может увидеть, как *«Поднимается тополь за тополем в гору, / Чтоб измерить её глубину»*.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Владимир Успенский. **Труды по нематематике. Книга 4: Филология.** – М.: ОГИ, 2012. – 591 с. – 3500 экз.

Математики – особые люди, ничего не принимают на веру. «Нелогично», – говорят они и поверяют гармонию алгеброй. Иногда получаются открытия. В.А. Успенский – заведующий кафедрой математической логики и теории алгоритмов мехмата МГУ. Работая вместе с А.Н. Колмогоровым, одним из величайших математиков XX века, создавшим «логически непротиворечивую систему основных понятий стиховедения», Успенский развил его идеи. Дух Колмогорова витает над этой книгой, в неё введены его «семиотические послания», рассуждения о воздействии искусства, в котором важную роль играют ритм и метрика – математически измеримые явления. Не менее интересны размышления Успенского о словесных подменах, которые могут сильно искажать смысл высказывания, а порой журналисты и литераторы используют их как приём. Другие проблемы, которые привлекли внимание автора, – адекватность перевода, обсценная лексика: эти главы включают в себя не только научные рассуждения, но и микроновеллы, придающие изложению живость и остроту.

БИОГРАФИЯ

Возможна ли женщине мёртвой хвала?.. Воспоминания и стихи Ольги Ваксель. – М.: РГГУ, 2012. – 428 с. – 1000 экз.

Есть литературная героиня, на которую похожа Ольга Ваксель. Это Оля Мещерская из знаменитого рассказа Бунина. И хоть Ваксель прожила вдвое дольше Мещерской, покончив с собою в 30 лет, есть нечто близкородственное между двумя этими в высшей степени женщинами – то самое «лёгкое дыхание». Она была необычайно притягательна для мужчин. Её воспоминания, надиктованные мужу, респектабельному норвежскому дипломату, поражают откровенностью – что не обязательно означает прямоту. Очень эгоцентричная, живая, в известной степени легкомысленная, эмоционально прохладная – она умела хранить (или искренне забывать?) свои тайны. Другие женщины, побывав музой большого поэта, напишут книгу об этом. Ваксель, предмет бурной страсти Мандельштама, пишет только о себе, посвящая ему, обессмертившему её имя, несколько страниц, – Надежда Яковлевна была озабочена этой темой гораздо больше! Ольга Ваксель не была ни выдающимся поэтом, ни особо проницательным мемуаристом, но личность её интересна, а книга заслуживает прочтения хотя бы во имя объективности.

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Ирина Наумова. **Господин Куцехвост, Одуванчик и большая оттепель.** – М.: Росмэн, 2012. – 96 с. – Тираж не указан.

Впрежние времена детским писателям не нужны были другие планеты, чтобы привести в сказку драконов, русалок и домовых: для этого вполне хватало земных преданий. Сейчас, видимо, Космос стал более убедительным приютом для волшебства. Но если не брать во внимание этот сюжетный ход, сказка победительницы конкурса «Новая детская книга» Ирины Наумовой притягивает именно своим земным теплом: дружбой мышонка и домовёнка, подробным описанием жизни полевых мышек в их уютном домике, который выдерживает натиск непогоды, и милыми, яркими, тщательно прорисованными картинками. Все характеры – словно из нашего детства: вздорная сорока, которая всегда знает больше всех, легкомысленная мамаша – лесная мышь, рыжий, взлохмаченный и непоседливый домовёнок. Порадует и сюжет, обещающий продолжение, и чувство юмора автора. Хорошая сказка для того, чтобы читать детям на ночь, – и для того, чтобы детям захотелось её читать самостоятельно.

Книги предоставлены магазинами «Фаланстер» и «Библио-Глобус»

Владимир АЗАРОВ, Татьяна ШАБАЕВА

ЖУРНАЛЬНЫЙ ВАРИАНТ

Пропели бессмертную славу

Чистая лампада: педагогический альманах / Вып. 3 (под ред. Б.И. Черных). Благовещенск: Амурский областной институт развития образования, 2012. – 237 с. – 1000 экз.

19 октября прошлого года в России отмечалось 200-летие открытия Царскосельского лицея, который уже давно называется не иначе как Пушкинским. Прошло немало самых разных мероприятий, но, пожалуй, только в одной области, Амурской, почти за десять тысяч километров от Москвы, был проведён конкурс школьных сочинений «Мой Пушкин». Лучшие из них вошли в специальный выпуск педагогического альманаха «Чистая лампада». Он увидел свет в Благовещенске незадолго до 201-й годовщины Царскосельского лицея.

На конкурс поступило более ста пятидесяти работ из шестидесяти городов, посёлков, сёл Приамурья, причём немало – из самых отдалённых. Как сказал в предисловии редактор-составитель альманаха писатель Борис Черных, в этом издании «хор мальчиков и девочек... пропел бессмертную славу Саше, потом Александру, потом Александру Сергеевичу Пушкину. Оказывается, он остаётся нашим современником, нашим братом, нашим наставником. Тихим, улыбчивым, негрозным. Родным».

Из проникновенных строк сочинений можно составить венок поистине великой и искренней любви нынешнего поколения к Пушкину и его творчеству: «Пушкин – неизведанная планета, которую я буду открывать для себя постоянно, у меня впереди ещё много встреч с ним»; «Замечательным поэтом восхищались мои дедушка и бабушка. Они так любили творчество Пушкина, что смогли передать своё восхищение и любовь мне»; «Пушкин – эхо мира, первое эхо, которое несётся из края в край, чтобы не дать бесследно замереть ни одному достойному звуку вселенской жизни»; «Для меня произведения Пушкина – путеводитель по жизни, источник самовоспитания»; «Судьбе было угодно, чтобы он родился в России, и это счастье для нас»; «Мне радостно думать, что в каждом читателе, в каждом из нас живёт свой Пушкин. Значит, тысячи тысяч Пушкиных существуют на земле уже два века»... Цитировать можно бесконечно.

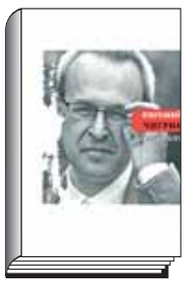
На прекрасный духовный порыв амурских школьников и педагогов откликнулись директор Пушкинского заповедника Георгий Василевич, приславший им признательное письмо из Михайловского, критик Валентин Курбатов из Пскова, другие российские писатели, а также Министерство культуры Российской Федерации, одобрившее творческий конкурс «Мой Пушкин», – эти и ряд других публикаций можно видеть в альманахе.

Писатель Борис Черных успел прочитать вёрстку этого издания, выправить её. Он ушёл из жизни в начале апреля нынешнего года, оставив потомкам не только свои прозаические книги, без которых современная русская литература была бы неполной, но и «Чистую лампаду» – творческий огонёк, который русский писатель возжёг в юных сердцах и душах.

Валерий ЧЕРКЕСОВ

КНИЖНЫЙ РЯД

В гогеновской глуши



Евгений Чигрин. **Погонщик:** стихи. – М.: Время, 2012. – 128 с. – 1000 экз.

Сравнивая новую книгу Евгения Чигрина с предыдущей – «Сквозь дымку лет», – вышедшей восемь лет назад в издательстве «Водолей», можно подумать, что перед нами два разных поэта. Прежний Чигрин – певец Сахалина и в целом Дальневосточья, ещё не насытившийся жизнью в полной мере мечтатель, завсегдатай захолустных шалманов, любитель «сообразить на троих», водящий дружбу с самым разнообразным людом – от шпаны до ювелиров. А нынешний – это уже умудрённый опытом созерцатель, уставший от нашей действительности, разочаровавшийся в ней, ищущий, как Гоген, отдохновения в экзотических странах:

Укрыться бы в гогеновскую глушь –
Вокруг вода, тропическая сушь...
Быть братом птице, рыбе, что атолл
Облюбовала, вышептать глагол,
В кокосовых иллюзиях молчать...

Впрочем, в сборнике встречаются и Феодосия, и Казантип, и Цейлон, и Тунис, и Марокко; моря, горы, пустыни, джунгли. В предисловии Евгений Рейн точно подмечает: *«Эта книга похожа на коллекцию почтовых марок, на игру с географическими картами»*.

Нельзя сказать, что поэтика Чигрина претерпела кардинальные изменения в последние годы, после его переезда в Москву. Схожие мотивы можно при желании обнаружить и в его прежних стихах. Родившийся на Украине, Чигрин успел поколесить по обширной советской стране, поэтому интерес к путешествиям, к перемене мест вполне объясним в его творчестве.

И тем не менее здесь он предстаёт совершенно иным человеком. То ли туристом, то ли колонизатором. Недаром один из разделов книги носит название «Колониальные песни». Можно, конечно, вспомнить Киплинга или Гумилёва, однако Чигрин иначе смотрит на вещи, чем вышеназванные писатели. Он описывает не столько быт и культуру туземцев, сколько свои личные впечатления:

И фрегат ли? Джонка? Огни Коломбо?
Всё смешалось-спуталось-завязалось...
В толстопузой фляжке густого рома
Капель тридцать-сорок всего осталось.

Для него наиболее важным является передать свои настроения читателю, заставить его домысливать и дофантазировать. Поэтому действительно не важно: фрегат ли, джонка... Главное – что красиво.

Игорь ПАНИН

ЯРМАРКА

Читающая Москва на Frankfurter Buchmesse

Завершила свою работу крупнейшая в мире 64-я Франкфуртская книжная ярмарка. Департамент средств массовой информации и рекламы города Москвы представил медиаэкспозицию издательских программ Правительства Москвы «Москва книжная».

Оксана РАЛЛ

Выставочный комплекс ярмарки в 2012 году собрал более семи тысяч семисот экспонентов со всего мира. Участие в этой выставке в рамках обмена культурным опытом, формирования новых творческих направлений взаимодействия между разными странами, развития книжной отрасли год от года способствует установлению новых и укреплению уже существующих связей в сфере книгоиздания.

Департамент средств массовой информации и рекламы города Москвы ведёт городские издательские программы в течение почти двадцати лет. Сегодня эта организуемая на плановой основе система обеспечивает существенную поддержку выпуска ежегодно в свет десятков произведений интеллектуальной и социально значимой литературы и мультимедийных дисков о Москве и России, отражающих всё многообразие культурной, научной, общественной жизни столицы. В 2011 году и в первом полугодии 2012 года при поддержке Правительства Москвы вышло в свет около 60 изданий общим тиражом почти 300 тысяч экземпляров.

В издательских программах Правительства Москвы участвовали более 200 издательств, выпустивших свыше 750 наименований книг и мультимедийных дисков, общий тираж составил более пяти миллионов экземпляров. Традиционно городская издательская программа поддерживает издания, выпуск которых не преследует коммерческий спрос, это книги, объективно освещающие историю нашей страны и неслучайно, что это в первую очередь произведения исторические, военно-патриотической тематики, книги о Москве, мемуары и биографии, издания для детей и юношества. Отдельные проекты посвящены 200-летию победы русского народа в Отечественной войне 1812 года.

На Frankfurter Buchmesse экспозиция «Москва книжная» представила более 200 наименований книжной и мультимедийной продукции от 67 издательств, в рамках программы прошли круглые столы, встречи, презентации. На круглом столе «Московский писатель», который провели В.А. Максимов – руководитель дирекции городских издательских программ, и А.А. Сабирова – заместитель руководителя городских издательских программ, были представлены произведения, вышедшие при поддержке Правительства Москвы в городской программе книгоиздания – «Сказки Пресни», составитель А.П. Торопцев; «Подсолнушек» (сборник произведений детского и юношеского литературного творчества), составитель Н.П. Шевцова; В. Гусев «Спасское-Лутовиново»; А.А. Белай «Гром. Совершенный ум»; П.Г. Паламарчук «Московские сказания»; «Непревзойдённая Ольга Лепешинская», составитель А.М. Кравцов; О.П. Грисевич «Три тысячи шагов по Арбату»; И.Г. Штокман «До мартовских календ»; «Дорогами Победы», составитель М.А. Бурыкин; И.М. Блудилин «Москва сокровенная»; А.А. Трапезников «Новые истории московских улиц»; Н.И. Дорошенко «Ушедшие». Были озвучены предложения об участии Московского отделения Союза писателей России в городской программе книгоиздания и поддержке достойных произведений современных авторов о Москве и москвичах.

Представленные новинки издательства «Вече», выпущенные в рамках Издательской программы Правительства Москвы за последний год, открывают для читателя новые стороны жизни столицы. Книга А.Г. Векслера, главного археолога города Москвы (до 3 декабря 2010 г.), профессора, академика РААСН и ААН «Манеж и Манежная площадь Москвы. Горизонты истории» рассказывает, как были организованы и проходили раскопки у стен Кремля, проводимые в начале 1990-х годов и в 2004 году, как состоялась первая музеефикация археологических объектов в нашей стране, о находках под Манежной площадью, поведавших о жизни и быте москвичей на протяжении многих столетий.

Книга **«Рассказы о Москве. Из архивных находок»,** автор-составитель С.Р. Долгова, опираясь на уникальные документы, собранные в Российском государственном архиве древних актов, представляет историю города, быт и повседневную жизнь москвичей.

На мероприятии **«Библиотека школьника»** было рассказано об акции, проходящей при поддержке столичного правительства с 2006 года: «Вручение первоклассникам города Москвы книги-подарка от имени мэра и Правительства Москвы». Столичное правительство принимает активное участие в государственной программе, направленной на пробуждение интереса к чтению детей младшего школьного возраста. Также прошла презентация книги-подарка «Музеи – азбука прекрасного: короткие рассказы из истории музеев Москвы», вручённой первоклассникам в канун нового 2012 года.

Во время открытого урока **«Что мы знаем о Москве»** (по материалам изданий городской программы) для русскоговорящих детей, проживающих в Германии и дополнительно изучающих русский язык в школах выходного дня, были представлены мультимедийные издания городской программы книгоиздания: «Москва... как много в этом звуке»; «Бородино. 1812 год»; «Москва»; «Московская энциклопедия. Лица Москвы»; «Москва в кино»; «Москва XVII столетия» и др.

По сложившийся традиции, в день завершения выставки Департамент средств массовой информации и рекламы города Москвы передал экспонаты мультимедиаэкспозиции Издательских программ Правительства Москвы «Москва книжная» Генеральному консульству Российской Федерации во Франкфурте на Майне для передачи в библиотеки организаций, работающих с соотечественниками.

Соб. инф.

ЛИТПРОЗЕКТОР

Чужая душа – потёмки

Нет ничего хуже, когда стихи за автора пишет его душа. Так вот вылезает из бренного тела – и пишет, пишет, пишет. Прямо не остановить. Автор в это время спит и, что естественно, процесс не контролирует. Спустя время берёт написанное, прикрепляет к файлу с потенциальной обложкой своё имя и, должно быть, не перечитывая, отдаёт в печать. Машина работает, незначительный тираж расходится по друзьям и знакомым, кое-что продаётся. Здесь не подкопаешься: скажешь автору что-либо нелицеприятное и тут же в ответ получишь: «Как вы смеете грязными лапами касаться моей белоснежной (израненной, трепетной, больной и т.д. и т.п.) души!» Посыпаешь голову пеплом, молишь о прощении, пощаде – всё что угодно, лишь бы...

Я дочь огня, свободы и ветров.
Ожог у сердца и ковыльный пепел.
И если ты любить меня готов,
То полюби вначале запах степи!

Конечно, в глубоком почтении склоняешься, но так и подмывает спросить, дескать, почему на обложке стоит ваше имя, а не имя вашей души: например, «Душа Маши Ивановой» или «Творения Души Пети Сидорова»? Забывают о душе, когда стихи подписывают. Даже соавторства не указывают. Поэтому хочется снять шляпу перед Верой Арнгольд, которая в аннотации к своей книге «Полустанки любви», не мудрствуя лукаво, написала, что перед читателем «стихи – это голос моей души». К слову сказать, для искушённого любителя изящной словесности подобная фраза – непреодолимый повод закрыть книгу и никогда больше её не открывать, ибо глупее «голоса души» придумать ничего невозможно. Однако читатель чуть попроще (поплоше), к коим я отношу себя, с удовольствием покупается на подобную фенечку и с видом жадного похитителя душ (в поиске оной) позволяет себе в часы досуга полистать книгу.

Листаю.

На обложке изображён автор, идущий в ситцевом платье по бескрайним просторам Оренбурга. На платье синие цветы, на просторах – жёлтые. Автор смотрит куда-то вдаль. «Вдаль» аккуратно обрезана фотографом – Л. Терентьевой. Вокруг фотографии, как, впрочем, и вокруг стихов автора, размещённых стройными столбиками внутри книги, дизайнер Т. Федоренко расположила лютики. Они выполнены в розовых тонах с холодным серо-голубым оттенком. Таким образом дизайнер подкрепляет визуальными эффектами и без того эффектный «голос души» автора.

Разлапив ветки,
карагач уж видел сны о Боге,
Когда, о ствол его держась,
свернув на край дороги,
присел в тени ветвей густых,
от солнца закрываясь,
Поэт, усталый и немой.
И, жаждою терзаясь,
разрезал ствол карагача –
засохшие морщины,
И выпил горького вина,
и вытер губы глиной.

С первого же стихотворения душа Веры Арнгольд объявляет себя степной женщиной и берёт в мужья верный (хоть и жестокий) меч; отец – огонь, мать – свобода. Бессменный атрибут жизни с такими родственниками – подушка (и ничего более), набитая мятой и кипреем.

Почти у каждого стихотворения есть название: «Прививка» (о том, что у всех сорокалетних цветёт на плече знамение – привитые честь и совесть; у меня они тоже есть!), «Континуум воды» (о том, как, вставая на цыпочки, течёт река, а рыбий хладный рот глотает воду-время), «Наваждение» (о том, что нельзя спастись от мысленного волка, и о том, что душа звероуловлена вслепую), «Встреча дерева и поэта» (о том, как усталый и немой поэт, терзаясь жаждой, режет засохшие морщины карагача – вяз мелколистный – и пьёт горькое вино. Зачем нужно было резать дерево, осталось за пределами стихотворения. Сюжет из подростковой наскамеечной живописи: «Здесь была душа поэта») и т.д.

Один из самых излюбленных знаков препинания «голоса души» автора – восклицательный. Пальцев одной руки будет достаточно, чтобы сосчитать количество стихотворений (в книге больше восьмидесяти текстов), где его нет.

Несмотря на бескрайние просторы Оренбурга и оправленность лютиками, душа остаётся в потёмках. Желающим побродить вместе с ней – приятного чтения!

Дмитрий АРТИС

Вера Арнгольд. **Полустанки любви:** Стихи. – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2012. – 80 с. – Тираж не указан.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ПЛОЩАДЬ

Белые лилии в вазе

«У Никитских ворот»: «Дело корнета Елагина» И. Бунина

Великое наслаждение – перечитывать русскую классику, упиваясь забытым языком, ощущая аромат ушедшей эпохи, осознавая с изумлением, что так или иначе всё повторяется, остаётся современным, а значит – вневременным...

Но совершенно особое наслаждение, когда эта классика приходит на театральные подмостки неискажённой, незамутнённой очевидными сегодняшними аллюзиями, не переодетой в современные одежды и не пересказанной современным новоязом. Такое случается на театре всё реже и реже, а потому, наверное, должно быть признано событием.

Такое событие произошло для меня на премьере спектакля «Дело корнета Елагина» И.А. Бунина в Театре «У Никитских ворот» (пьеса и постановка Марка Розовского, режиссёр-ассистент – Валерий Шейман, художник – Станислав Морозов). Написанный в эмиграции в 1925 году, посвящённый давним реальным событиям уголовного дела по убийству актрисы Марии Висновской, совершенному офицером Бартеневым (его защитником был выдающийся адвокат Ф. Плевако, фрагменты речи которого включены в спектакль), этот рассказ по праву вошёл в золотой фонд русской и мировой литературы, несмотря на то, что слава его куда скромнее, чем у созданных примерно в то же время «Митиной любви», «Тёмных аллей» и, конечно, рождённой позже «Жизни Арсеньева». Ещё не Нобелевский лауреат, но уже признанный, любимый писатель, ощущающий острую тоску по родине, Иван Алексеевич Бунин был погружён в прошлое и возрождал его не столько для себя, сколько для нас, уже столетием с лишним отделённых от событий поистине роковой любви и трагической гибели польской актрисы, игравшей в провинциальных российских театрах.

Марк Розовский и Валерий Шейман счастливо избежали соблазна вынести во главу угла сам судебный процесс, подчёркивая несовершенство и глубокие противоречия судопроизводства как в царской России, так и в сегодняшней. Главной для них осталась бунинская тема «разбитых натур» (как говорит Защитник, сдержанно и выразительно сыгранный Валерием Шейманом) и эпохи, порождающей подобные натуры.

Эта тема, как выясняется, чрезвычайно актуальна сегодня, когда не только молодёжь, но и людей всех возрастов охватило стремление к театрализации жизни, к игре и суициду, замещающих неполноту, скудость, невыразительность окружающей реальности. И в этом смысле совпадения с эпохой декаданса пугают и настораживают.

Марк Розовский сделал инсценировку рассказа И.А. Бунина, не только точно соответствующей самой идее произведения, его пленительному тексту, но и с помощью В. Шеймана, С. Морозова, музыкального подбора и актёрского ансамбля создал удивительно стильную и целостную атмосферу, в которой прелесть и уродство декаданса связаны неразрывно и остро, как это происходит в природе.

Срезанные лилии в вазе так красивы, что от них глаз не оторвёшь, но стоит наклониться ближе и почувствовать внезапно отвратительный запах гниения, исходящий от воды и намокших в ней стеблей, что торопишься избавиться от прекрасных цветов, не дожидаясь, когда они окончательно завянут.

Каким-то причудливым образом об этом думается во время спектакля и ещё долгое время после его окончания – он вызывает восторг и содрогание одновременно, потому что очень точно создаёт это «двойное поле» эмоционального воздействия; нас влечёт эстетизация смерти, так свойственная декадансу, но и отвращает игра, постоянная, назойливая игра, подменяющая жизнь. Распахнутые, наивные и чистые глаза корнета Елагина (замечательная работа Валерия Толкова), влюблённого в актрису Марию Сосновскую (очень интересно, многопланово работает Виктория Соколова) и мечтающего о простых человеческих радостях любви, – и красивая, невероятно стильная маска Сосновской, которой надо только избыть поскорее эту нелепую жизнь и уйти в смерть. Но и смерть не воспринимается как уход навсегда – для Сосновской это тоже часть игры, после которой можно встать и раскланяться перед восторженной публикой. «Она играла, а он жил...» – говорится в рассказе об этом романе, но спектакль вскрывает глубинный подтекст этих слов, ненавязчиво, без акцентов и нравоучений подводя к мысли о сегодняшнем дне: не это ли зачастую разделяет людей на тех, кто живёт, стараясь наполнить свою жизнь, и на тех, кто играет в жизнь, рядясь в разного рода маски, лечась от тоски наркотиками и алкоголем, любыми способами шокируя общество, ища острых ощущений, а порой и кончая с собой просто так, от пустоты и невозможности раскрасить бытие яркими красками...

«Стоит быть Богом или ничтожеством», – говорит Мария Сосновская, зная с юных лет, что ничтожеством она быть никогда не сможет, что жизнь её должна быть необыкновенна, а та необыкновенность, которую она ценит превыше всего, даёт лишь причудливое сочетание порока и красоты.

Красоты порока.
Порочной красоты.
Белых лилий, долго стоящих в вазе.
А Богом не дано стать никому...

Спектакль Театра «У Никитских ворот» смотрится на одном дыхании – настолько захватывает эта, в сущности, простая история и настолько касается она всех и каждого, что, даже зная рассказ почти наизусть, невозможно оторваться от тех, кто переживает её вновь на наших глазах, с нашим участием. И в этом смысле ансамбль, собранный Розовским и Шейманом, поистине уникален и органичен; хочется назвать всех, независимо от того, большая или маленькая роль досталась Андрею Степанову (Прокурор), Юрию Шайхисламову (Доктор), Вячеславу Гугиеву (Шкляревич), Юрию Пенежскому (Граф), Александру Лукашу (фон Заузе)...

Все они в той или иной мере исследуют, анализируют причины, по которым всё больше становится «разбитых натур» в нашем обществе, так причудливо рифмующемся с российским обществом столетней давности.

И этот анализ, хочется верить, будет отнюдь небесполезным для зрителей, заполняющих зал Театра «У Никитских ворот». Ведь каждая встреча с классикой в её неприкрашенном и не приспособленном к дню сегодняшнему виде способна одарить нас тем богатством, которое мы основательно растеряли и растратили за последние двадцать лет. Надо только иметь глаза, уши. И – желательно – душу...

Наталья СТАРОСЕЛЬСКАЯ

ВЫСТАВКА

Революция из стекла и бетона

В Москве проходит выставка, посвящённая 125-летию Ле Корбюзье – архитектора, мистика и одного из идеологов того нового миропорядка, конец которого оказался более стремительным, чем старт.

Бойтесь того, кто хочет сделать сказку былью. Умный человек, чувствующий укоренённую в мире гармонию, не станет вмешиваться в естественный ход вещей. А вот более «толстокожий» и недальновидный может пожелать подправить руку Творца, причём, если это художник, стоит ждать и следующего шага – попытки занять Его место.

Подобное уже случалось в истории – например, в революционные 20-е годы, когда конструктивизм, выплеснувшийся за пределы Советской России, всерьёз претендовал на то, чтобы создать непохожую ни на что среду обитания для нового человека. Архитектурное течение, инспирированное Константином Мельниковым, братьями Весниными и Моисеем Гинзбургом, было частью мировой моды на функционализм, предельно упростивший эстетическую составляющую домостроительства и строго связавший форму с утилитарными задачами. Выставка одного из пионеров функционализма архитектора Ле Корбюзье (настоящее имя Шарль Эдуар Жаннере), открывшаяся в ГМИИ имени Пушкина, демонстрирует тотальный характер этих поисков, вылившихся в интернациональную дружбу. Французский архитектор, активно участвовавший в нашей художественной жизни, не только переписывался с некоторыми идеологами конструктивизма, но и построил в Москве своё первое масштабное здание – дом Центросоюза, а также предложил проект Дворца советов, отбракованный впоследствии жюри: выполненный в 1931–1932 годах с оглядкой на конструктивизм, он не вписался в начавшуюся моду на сталинский ампир. Макеты этих и многих других построек можно увидеть на нынешней московской выставке «Ле Корбюзье. Тайны творчества: между живописью и архитектурой» – так же, как книги и журналы, в которых мастер печатал свои манифесты, а заодно и живописные работы, созданные под влиянием друзей-кубистов: ранние холсты сделаны с оглядкой на близкого товарища Ле Корбюзье, художника Амеде Озанфана, однако поздние уже обретают лаконичность и индивидуальный стиль.

Кроме того, выставка позволяет проследить эволюцию Ле Корбюзье как архитектора, проделавшего путь от построек вилл, ещё испытывающих влияние модерна, до грандиозных проектов, предполагавших расчистку центров городов с уничтожением исторической застройки, на месте которой планировалось создать новый (в терминологии грезившего о реконструкции Москвы Ле Корбюзье) «Лучезарный город». К счастью для многих, эти проекты (в том числе и аналогичный московскому парижский «План Вуазен») так и остались на бумаге – архитектор поработал с нуля лишь над городом Чандигарх – новой столицей штата Пенджаб в Индии, где он руководил созданием жилых и административных кварталов, и в том числе зданий ассамблеи, секретариата и Верховного суда. Теперь несколько обветшавшие – а фотографии многих построек Ле Корбюзье были специально сделаны к выставке англичанином Ричардом Пэром, – эти сооружения из грубого бетона наводят на пессимистичные размышления: в первую очередь о том, почему новаторские сооружения, устремлённые в будущее и сознательно оторванные от системы архитектурных ордеров, сейчас кажутся до неловкости устаревшими.

Причина, скорее всего, кроется в самих мечтах революционеров от искусства и их увлечённости идеей создания «дивного нового мира».

РИА «Новости»

Этой мыслью был уже заражён модерн, ориентированный, правда, на предшествующие художественные каноны, однако именно из фетишизации им изогнутых линий вышло увлечение геометрическими абстракциями и очищенными, холодными прямыми, характерное для Вальтера Гропиуса, Людвига Мис ван дер Роэ и других коллег Ле Корбюзье. Интересовавший их предельный функционализм предполагал новое художественное видение: интернациональный стиль в архитектуре сметал границы разных школ и говорил о глобальной возможности жить «без Россий, без Латвий» – «единым человечьим общежитьем». Конструктивистские дома, очищенные от мещанских элементов, – во многих, как известно, не было кухонь – предполагали новый – обобществлённый и коллективный – взгляд на мир. Каждая из построек того времени рассматривалась почти как храм, учитывая, насколько серьёзно относились к своей космогонической роли творцов новой жизни сами архитекторы. И всё же история показала, что сакральная функция не могла быть исполнена ими до конца: мода на конструктивизм просуществовала лишь несколько лет, сменившись реставрацией неоклассики. Ле Корбюзье и здесь оказался проницателен: чувствуя неорганичность торжества геометрии для человеческой среды, он во второй половине жизни обратился к природным формам – раковинам, морским звёздам, панцирям крабов, ставшим для него источником вдохновения. Именно на изогнутый панцирь похожа крыша капеллы в Роншане, выполненной по какой-то странной прихоти архитектором, который был мистиком совершенно иного толка. Впрочем, и здесь он не смог сократить свой отрыв от истории культуры: геометрические фигуры, как и чисто природные формы, являются лишь субститутом, подменой того символического универсума, на который опирается наше существование. Попытка приблизиться к человеку, предпринятая Ле Корбюзье, превратилась в бессильное кружение вокруг него.

Однако есть и более глубокая причина, которая мешает нам безусловно принять придуманные функционалистами циклопические сооружения – заводы, дома культуры, фабрики-кухни: она заключается в конститутивном для них стремлении всегда оставаться новыми – им запрещено стареть. В отличие от полувековых соборов, строившихся с тем расчётом, что со временем они будут органично ветшать – как естественно увядает красивый человек, – конструктивистские махины, символы нового мира, всегда должны были выглядеть как только что сделанные. (Ле Корбюзье, говорят, проницательно декларировал отношение к постройкам, в том числе и своим, как к недолговечным конструкторам, которые можно разобрать, если нужно будет создать что-нибудь более интересное.) В результате именно эти авангардные здания, выпадающие из архитектурного окружения, обветшали с ужасающей скоростью. Возможно, это произошло и потому, что в рамках интернационального стиля, который со временем выродился в типовые кварталы многоэтажных домов, выстроенных по всему миру и образующих безликие пригороды Парижа, Буэнос-Айреса, Москвы, никто не может чувствовать себя вписанным в среду. Наоборот – с большой силой ощущается оторванность от корней и принадлежность к многомиллионному урбанистическому легиону. Именно для подобных современных кочевников строили свои дома Ле Корбюзье и его последователи, которым, однако, парадоксальным образом дали понять, чего стоили эти старания: любой монгол относится к своей юрте с бóльшей бережностью, чем беженец из Алжира к типовой «хрущёвке» на окраине Парижа, которая мгновенно приобретает «убитый» вид и покрывается слоем граффити. Жизнь показала, что те божества, которых провозгласили Ле Корбюзье и его соратники, оказались ложными: человеку по-прежнему остались ближе тёплая религия Рима и её домашние боги. Конечно, эстета и сейчас завораживают конструктивистские здания – как гипнотизируют своей холодностью и бесчеловечностью пирамиды Мексики или Египта. Однако символично, что колоссальный Дворец советов с Лениным на верхушке так и не был построен на месте уничтоженного храма Христа Спасителя, несмотря на годами возводимый фундамент. Ложные боги смогли одержать лишь временную – и то неокончательную – победу.

Ксения ВОРОТЫНЦЕВА

В ПРОКАТЕ

Запах попкорна

Фильм по книге Сергея Минаева «Duxless» показывают в кинотеатрах России. Его премьера состоялась ещё летом на Московском кинофестивале. Стоит ли идти в кино? Что ожидает там зрителя?

В «Duxlesse» нюхают кокаин чаще, чем в «Трёх мушкетёрах» фехтуют. А ещё герои фильма то и дело иллюстрируют лозунг «связи случайные – результаты печальные». Да к тому же, как написали бы в криминальных сводках, – выражаются нецензурной бранью. Продюсирует это действо сын человека, снявшего «Судьбу человека». Главный матерный монолог, длинный и совершенно необязательный, произносит актриса – депутат Государственной Думы от фракции «Единая Россия». Кино категории «18+» создано при поддержке Министерства культуры РФ, Фонда кино...

Может быть, речь идёт о великом произведении искусства, в отношении которого нормы приличия неприменимы и всякий ханжа с мракобесом должны притихнуть, осознав масштаб творческого явления? Нет, это заурядная экранизация посредственного текста, который дочитываешь до конца как будто на спор, как будто самоутверждаешься перед пацанами. Что, мол, способен поцеловать дохлую кошку.

Главный вопрос: зачем взялись экранизировать именно книгу Сергея Минаева, изданную шесть лет назад? Почему решили так неторопливо расходовать плёнку (или на что там они сейчас снимают)? Потому что это произведение пользовалось популярностью? Но в 2006-м не менее популярной была песня Лолиты Милявской «Пошлю его на...», почему бы не воплотить средствами полнометражного кинематографа этот шлягер? Щемящий образ увядающей, но бодрящейся нимфоманки, которая находится в непримиримом конфликте с миром, гораздо эффектнее минаевского «ненастоящего человека» – надуманного и пошлого.

Как-то даже неловко рассуждать сегодня о «Duxlesse», авторе книги, который обычно появляется в публичном пространстве с таким важным видом, как будто его только что тайно уведомили о дате начала третьей мировой. «Duxless» написан и снят с такой же миной. А ещё эта неловкая попытка исследовать процесс распада личности замечательна своей назидательностью. Наивный последователь Бегбедера идёт дальше своего учителя – клеймит пороки общества посредством их скрупулёзного описания, становится моралистом.

В книге главным героем был топ-менеджер Макс, торгующий консервированным горошком (неискушённый читатель представлял его внешне похожим на Сергея Минаева). В кино главный герой стал милягой, высокопоставленным банковским клерком, обрёл черты актёра Данилы Козловского. Изменилась и сумма украденных у главного героя денег – с пятидесяти тысяч долларов до трёхсот (вокруг этой истории крутится нехитрый сюжет). В книге к циничному самовлюблённому Максу прилагается романтическая дама – представительница среднего класса. В фильме её место занимает некто из мифической группировки антиглобалистов, нежная девушка с тротиловой шашкой и по европейской моде на мотороллере. Функция та же – вытащить Макса из трясины БЕЗДУХОВНОСТИ. Именно так, прописными, тонкий мыслитель Сергей Минаев обозначает в тексте «Duxlessa» первопричину всех российских бед, и мы не можем не отметить глубину и парадоксальность сделанного автором вывода.

Скорее всего, убедительный аргумент борьбы с БЕЗДУХОВНОСТЬЮ использовался и в тендерных документах, поданных в Минкульт и Фонд кино. Нетрудно представить Фёдора Сергеевича, который убеждает какого-нибудь функционера, распределяющего бюджеты, как велика социальная значимость проекта, как важно в современной динамичной стилистике, близкой молодому поколению, указать нравственные ориентиры, продемонстрировать, что грешник, заплутавший в тёмных коридорах страстей, может выйти к свету, спастись, исцелиться. И Фёдор Сергеевич, послюнявив холёные пальчики, находит нужную страницу сценария и тычет в эпизод, где наркоман и развратник Макс, мужественно сдерживая слезу, жертвует кругленькую сумму онкобольным детям.

«Нет, ну вы вообще»! – ржёт серьёзный поначалу функционер, и потом они уже вместе ржут, похлопывая друг друга по лацканам породистых пиджаков. А уже по дороге в ресторан Фёдор Сергеевич, должно быть, объясняет, что прямолинейность в идеологической работе отпугнёт молодёжь, что действовать следует неформально – погрузить юного зрителя в атмосферу неприглядной жизненной правды, воспользоваться безотказным педагогическим приёмом, когда старший находит контакт с младшим, употребляя сниженную лексику, все эти «блин», «шняга», «прикольно» и что покрепче...

С радостью сообщаем, что подростки, сидевшие в кинозале по соседству с автором статьи, не оценили мудрёную коммуникационную стратегию. Несмотря на все ухищрения киношников, компания из двух мальчиков и двух девочек («14+») первой покинула практически пустой зал, не досидев даже до середины.

Не помог старый трюк – комбинации кириллицы с латиницей в названии, отвратительный приём, за использование которого следовало бы всё-таки ввести уголовную ответственность. Не выручили и навыки клипмейкерского прошлого. Умение делать фильмы с запахом попкорна ценилось в далёкие времена «Duxlessa». Сейчас этого навыка мало. Талант нужен ещё, что ли...

Олег ПУХНАВЦЕВ

Столетье безумно и мудро

XVIII век пленяет как время искренней, жизнелюбивой молодости. То была молодость империи, которую создал воин и работник Пётр, а после его смерти продолжили полководцы, гвардейцы, писатели, просветители.

Россия становилась воинской державой, которую «природа произвела только одну – она соперниц не имеет!». Европа наблюдала за православной империей с высокомерием и ужасом. Победы русского оружия западные мудрецы нередко объясняли только необыкновенной физической силой и религиозным фанатизмом русских дикарей. Да и в российской онемеченной и офранцуженной элите многие разучились понимать и уважать Родину. У каждой великой эпохи есть и постыдная изнанка.

Но назвать русский XVIII век эпохой озападнивания нельзя. Можно обоснованно говорить о французских, английских, немецких корнях русского классицизма. Но нельзя не замечать древнерусских и православных мотивов в светской культуре петербургского периода. Несправедливые аресты священников во времена бироновщины стали столь частым явлением, что историки обоснованно называли это явление «террором», – и это тоже XVIII век. Но православный фундамент народной жизни никуда не делся. Увы, в начале XX века не нашлось в Российской империи таких людей, как Суворов, Потёмкин, Румянцев, Ушаков, которые были одновременно прорывными новаторами и почвенниками, охранителями.

Это был век утончённой галантности, фарфоровых идиллий, эротических аллегорий... Но – артиллерия работала беспрерывно. И, как говаривал князь А.А. Безбородко (дипломат высшей марки!), ни одна пушка в Европе без нашего соизволения выстрелить не смела.

Самый яркий архитектурный образ русского XVIII века – это, пожалуй, припудренное елизаветинское барокко. Зимний дворец, Смольный Воскресенский собор... А где-то рядом – кондовые избы, лапотный крестьянский мир, рождавший непобедимых чудо-богатырей, которые, перекрестившись, шли в штыковую и сметали врага. Женственная мода с бледно-розовой и нежно-голубой пудрой на париках – и «пуля дура, штык молодец!». Сочетать несочетаемое можно только в молодости, а это была молодость империи.

Наши пращуры хорошо знали, что мода, альковы, летом сладкий лимонад – это приятственно, но есть вещи поважнее. «Слава тех не умирает, кто за Отечество умрёт» – так сказал Державин о героях Измаила. Просвещённая публика XVIII века имела представление об иерархии ценностей, о высоком и низком. Низким считалось всё личное, приватное. А высоким – героическое, общественное, государственное.

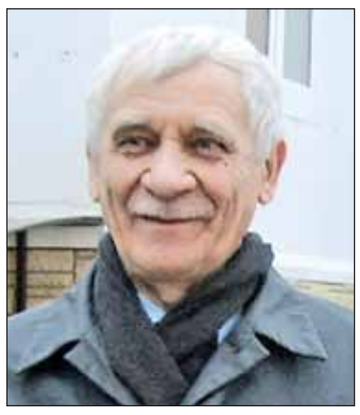
В XVIII веке, по большому счёту, каждый был на своём месте. Дворянство сражалось, пока его не развратили вольностями. Торговые люди торговали. Далеко ещё до распада крестьянской общины. Царила бедность, но не постыдная, ведь религия денег ещё не овладела умами.

От того времени нам осталось немало крепких построек в мире идей.

Имперское слово «Россия» родом из XVIII века. Поэты полюбили торжественные, длинные слова «россиянин», «российский», подходившие к размаху высокопарной оды. Это сегодня так сложилось, что эти слова оскорбляют русских людей, напоминают о предательстве народных интересов. Стоило Ельцину в позорные годы смачно произнести: «Дорогие россияне!» – и всё. Мало кто сегодня хочет называться «россиянином». Но слово «Россия» остаётся не только географическим определением нашей Родины. И не стёрлись, как позолота на камне, слова одного из первых наших поэтов Василия Тредиаковского: «Россия мати! Свет мой безмерный!»

А ещё от XVIII века у нас остались исполины из когорты отцов Отечества, которых никогда не спишут в архив, от которых невозможно отодрать определение «величайший». Наш величайший просветитель Ломоносов, первый в блистательном ряду русских полководцев Суворов, недооценённый, но и непревзойдённый государственный деятель Потёмкин. Для них невозможного было мало. Вспомним их – и бодрый ветер с Финского залива, с Дуная, с Чёрного моря наполнит паруса.

Исполин, каких немного



Сегодня наш собеседник – Вячеслав Сергеевич ЛОПАТИН, историк и кинорежиссёр-документалист. Именно он собрал и выпустил в «Литпамятниках» письма Суворова и переписку Екатерины Великой с Потёмкиным. Наш разговор – о деятельности самого недооценённого исполина послепетровской эпохи – Григория Потёмкина.

– Можем ли мы утверждать, что важнейшие свершения русского XVIII века связаны с деятельностью императрицы Екатерины II и Григория Александровича Потёмкина? И были ли они тайными супругами?

– Екатерина пошла на тайный брак с Потёмкиным – и это было гарантией его политического полёта. Пётр Бартенев, бессменный издатель «Русского архива», собрал свидетельства, доказал факт венчания, хотя это была тщательно охраняемая династическая тайна. В письмах она обращалась к нему: «Мой дорогой муж...» Себя называла женой, супругой.

– Признаюсь, я порадовался, когда накануне президентских выборов сразу несколько кандидатов назвали екатерининскую эпоху временем наивысшего взлёта России. Ещё недавно они объявляли идеалом Февральскую революцию – вот уж кошмар! Но вокруг фигуры Потёмкина множество мифов.

– Мифов и фальсификаций! Наверное, мы не преувеличим, если назовём Потёмкина самым оклеветанным из наших великих деятелей. А он, на мой взгляд, по масштабу свершений был крупнейшим администратором в истории России. Если не считать первых лиц государства, у которых гораздо шире горизонт возможностей. Крупнейший управленец и администратор! И таким он должен остаться в массовом восприятии.

Он был и реформатор, и строитель! Гениальный человек. Возьмём потёмкинскую реформу армии. Мы, как правило, вспоминаем с благодарностью о форме, об экипировке. Но ведь не только в форме дело было. Первым в мире он отменяет парики и пудру. Потёмкин вводит в армейский быт основы санитарии. Наш мужик привык к широкому белью, ему стало комфортнее. Куртка, шаровары, сапоги – удобный, рациональный костюм. Это и облегчение казны, и облегчение солдатского быта. Сколько из-за этих мелочей гибнет солдатских душ! – говорил Потёмкин.

Это же Потёмкин сказал: «Туалет солдатский должен быть таков... что встал – и готов! У них камердинеров нет». Я иногда цитирую эти слова – и мне говорят: «Это Суворов написал». А это Потёмкин. Будучи военным министром, он не просто бумаги ворошил. Он возобновил забытую после Петра военную инспекцию, которая дала возможность солдатам отстаивать свои права. Он усилил ударную мощь армии – состав гренадерских полков перед турецкой войной достиг 40 тысяч. Он создал егерские корпуса. До Потёмкина этот вид пехоты внедряли как эксперимент – Румянцев, Фридрих, Панин. Это были эксперименты, а Потёмкин создал отборную пехоту, прекрасно подготовленную, это были лучшие стрелки. Потёмкин надолго опередил своё время, только сегодня мы можем оценить размах и стратегический смысл его реформ...

– Ведь Новороссия, которую создал Потёмкин, в значительной степени, определила экономическую мощь Российской империи и даже Советского Союза. Потёмкин создал ту державу, в которой мы родились, которую воспринимаем как всегдашнюю реальность...

– Конечно! Новороссия была безлюдной степью, а стала житницей России. Мало было присоединить, необходимо было заселить, освоить. За время с 1774 по 1787 год тамошнее население увеличилось в четыре раза! Потёмкину мешало то, что большая часть крестьянства была закрепощена. Он буквально выцыганивал государственных крестьян у Екатерины, монастырских. Муромцев, который был правой рукой Потёмкина на юге, получает приказ: беглых, которые окажутся на вверенной вам территории, не выдавать хозяевам на основании положения Войска Донского.

Представьте себе, до Потёмкина Россия не была крупным экспортёром хлеба. А в начале XIX века, когда старания Потёмкина стали давать плоды, империя уже получала громадные доходы от продажи хлеба. Так быстро – в соответствии с планами Потёмкина – развивалось сельское хозяйство в Новороссии. Он работал на будущее. В потёмкинской Новороссии доля труда крепостных крестьян была не велика. Можно сказать, что он подготовил отмену крепостного права.

– А в конце XIX века потёмкинская Новороссия стала очагом индустриализации.

– И снова можно указать на прозорливость Потёмкина. Новому городу на Днепре – Екатеринославу – предрекали печальную участь. Считали, место для строительства города выбрано неудачно. А в XX веке Днепропетровск стал крупнейшим промышленным и научным центром. Потом Екатеринослав переименовали в честь большевика Григория Петровского.

– Итак, Потёмкин – великий реформатор! Но «реформатор» – увы, скомпрометированное сегодня слово. В наше время реформы идут по кругу в ускоренном ритме: отменить выборы губернаторов – ввести выборы; укрупнить министерства – разукрупнить. Летнее время – зимнее время... Постоянная смена стратегических тенденций. А потёмкинские реформы работают столетиями. И такого человека у нас превращают в карикатуру!

– Повторяют сколько уже лет постыдный, лживый миф о «потёмкинских деревнях», которому дал ход саксонский дипломат фон Гельбиг. Помню, как стыдно мне было, когда однажды высокий гость из Франции приехал в Советский Союз, его принимали в Кремле Брежнев, Косыгин, Громыко – вся наша верхушка. Речь он выдал примерно такую: Россия – великая держава. Победы, космос, культура... Но были в вашей истории и «потёмкинские деревни». И никто его не опроверг, проглотили эту бестактность и ложь! А ведь Брежнев вырос в городе, основанном Потёмкиным...

Потёмкин был подвижником, он 20 000 вёрст проехал по югу империи, по войскам. А те, кто не отрывался от кресел в Петербурге, говорили: «Грабит страну!»

– Надо признать, слишком силён оказался антипотёмкинский миф...

– Нужно привыкнуть к тому, что в истории конкуренция, борьба не заканчиваются никогда. Мы живём не в безвоздушном пространстве. Есть соседи, которые играют в свои политические и экономические игры, и часто играют против России. Это естественное положение вещей, но мы же должны разбираться! Потёмкин на такую высоту поднял Россию, могущество империи, что это вызвало бурную реакцию недругов, которые считают, что у России не должно быть интересов. Которые высмеивали «бездарность» Потёмкина – и в то же время боялись его. Это болезнь, патология: с одной стороны – эти русские ни на что не способны, с другой – берегитесь этой страны!

– Потёмкин был не только уникальным управленцем, организатором армии и опытным полководцем. Потёмкин и в истории русской дипломатии занимает почётное место. Считается, что он как никто другой умел использовать на благо государства агентурную сеть.

– Князю Таврическому удалось поднять русскую дипломатическую службу на невиданную прежде высоту. Конечно, многие нити держала в руках и сама императрица. Важные роли играли и Панин, и Безбородко. Но на важнейшем черноморском направлении первой скрипкой был Потёмкин. Русским удалось покрыть всю Османскую империю сетью тайных агентов. Десятки новых консулов поставляли Потёмкину точную информацию о состоянии дел в турецкой армии, о планах двора, о турецкой дипломатии... У Потёмкина был свой управленческий стиль: ему удавалось подобрать людей, способных на невозможное, и мотивировать их. Потёмкин на агентов не жалел средств и сил – и не просчитался.

Близкий сотрудник Потёмкина, замечательный писатель и учёный Л.И. Сичкарёв обоснованно утверждает: князь Таврический имел надёжные каналы информации при всех европейских дворах. Любопытный факт: Потёмкин накануне решающих событий Французской революции на удивление прозорливо оценил тамошнюю ситуацию. Проанализировав донесения агентов, он понял, что Франция в серьёзном упадке и её ждёт многолетняя смута. Мало кто в Европе в те годы так трезво осознавал серьёзность французских событий.

Даже если прочитать только донесения английского посланника Чарльза Уитворта, который был недоброжелателем Потёмкина, станет ясно, что именно князь Таврический был в то время центральной фигурой в России. Его влияние вызывало страх в Британии.

Достаточно вспомнить об одном ярком эпизоде, который, к сожалению, мало известен широкой публике. Англичане в конце потёмкинской Русско-турецкой войны были готовы послать против России флот, начать интервенцию. Потёмкин побеседовал с Уитвортом и его сотрудником Фоукнером. Они надолго запомнили его слова! Потёмкин говорил, что «счастие никогда его не оставляло», что он никогда не имел более одной минуты неблагоприятного ветра, что он молодой фельдмаршал и будет не только продолжать войну с турками, но и намерен... завоевать Египет! Для англичан это была страшная угроза.

– Действительно сильный ход... Большой политической и дипломатической победой было и знаменитое путешествие Екатерины II по Югу Российской империи, организованное Потёмкиным.

– Великое и хлопотное было предприятие. Путешествие потребовало небывалого напряжения. Скажем, казачий конвой должен был следовать справа и слева от путешествовавших – по возможности, невидимо. Ведь места были ещё дикие, лихих людей там было немало! А тут монарх крупнейшей европейской державы. 25 тысяч лошадей нужно было поставить на маршруте. Немыслимой сложности дело!

Казачий атаман Иловайский буквально взвыл от почти невыполнимых поручений, которые давал ему Потёмкин светлейший. Но вот вам стиль Потёмкина – потрясающего руководителя. «Я знаю о трудностях, но я люблю работать с людьми, которые трудности преодолевают... Если не можете – так и скажите», – сказал он Иловайскому. И всё прошло достаточно гладко. А ведь Крым слыл тогда гиблым местом. Эпидемии, степи, запустение, банды разбойников всех мастей... Жена Суворова была очень недовольна, когда Александру Васильевичу довелось служить в Крыму.

– А когда реализовались планы Потёмкина, Крым стал райским уголком. И там уже мечтали служить! Кстати, в связи со службой Суворова в Крыму и подчас говорят о «геноциде ногайского народа»...

– Но при этом не говорят о том, что за два с половиной века Крымского ханства там и на Северном Кавказе у ногайцев побывало от двух до трёх миллионов рабов – по большей части русских и украинцев, захваченных в плен во время набегов. Крупнейшие невольничьи рынки были в Кафе (Феодосия) и в Анапе. Именно работорговля обеспечивала материальное существование Крымского ханства. Это надо знать.

На Северном Кавказе шла война всех против всех, и Суворов, приведший к присяге ногайцев, действовал как просветитель. Потом началась сложная политическая игра хана, поднялся мятеж. Ейская крепость, в которой находилась супруга Суворова, висела на волоске. Гарнизон мог не выдержать... Ну а вскоре Суворов дал генеральное сражение – и ногайская конница как боевая сила перестала существовать. А это была серьёзная сила... Тем, кто смеет упрекать Суворова за тот поход, нужно помнить о сотнях тысяч рабов, захваченных этой конницей в мирных русских губерниях. Захваченных и замученных. А что творили с русскими женщинами!.. Россия больше не могла терпеть такого положения. Всё это надо знать! Есть формула Бахтина: «Вперёд может идти только память...»

– Есть ли у нас сегодня силы на это?

– Всё-таки есть и поводы для некоторого оптимизма. В ноябре меня позвали в Смоленск на открытие памятника Потёмкину. Памятник скромный, но сделан на средства местных торгово-промышленных кругов. Он скромно стоит во дворе, но я думаю, что придёт время и гениальный сын Смоленской земли будет стоять на одной из лучших площадей замечательного города, который готовится к своему юбилею. В Херсоне восстановили утраченный в годы войны выдающийся памятник Потёмкину работы Мартоса. Восстановили на том же пьедестале, который несколько десятилетий занимал Карл Маркс. «Он вернулся, основатель нашего города!» – так встречали херсонцы возрождение памятника.

А вот село Чижово почти опустело. Сейчас там, на малой родине Потёмкина, от силы двадцать дворов. А ведь князь Таврический хотел именно там лежать, рядом с отцом и матерью, возле местной церкви. Но Екатерина по-государственному разрешила сомнения: «Нет, в Херсоне. Это столица Юга, а он поднял Юг».

Я давно мечтаю сделать в Чижове Потёмкинский музей-заповедник. Разве это несбыточно? Вот в шестидесятые годы на родине композитора Глинки только камень в бурьяне стоял. Сегодня восстановлен усадебный дом, парк расчищен, родники. Это ещё при советской власти случилось – и за первые годы существования музея там побывали сотни тысяч людей. И фестивали Глинки проходят. Это тоже Смоленская область. Может быть, она вспомнит и Потёмкина – своего великого сына? Безусловно, такой заповедник украсил бы область и возродил Чижово.

– Честно говоря, не помню ни одной почтовой марки с Потёмкиным...

– Есть. Только открытка. Вот сделать бы серию «Екатерина и екатерининские орлы». На основе подлинных портретов. Румянцев, Суворов, Потёмкин, Безбородко, Дашкова, Державин... Да, умела Екатерина подбирать крупных людей.

– После её смерти память о Потёмкине пытался искоренить император Павел I...

– Ко всему, что связано с Потёмкиным, он относился с ненавистью. Был приказ Екатерины о строительстве памятника Потёмкину в Херсоне. Павел, считавший, что памятник уже возведён, приказал его разрушить. Павел знал, что Потёмкин похоронен в склепе в херсонском соборе Св. Екатерины, под полом. Он приказал вырыть там специальную яму для гроба Потёмкина и засыпать склеп. Приказ был выполнен не до конца: гроб просто засыпали землёй, а вход в склеп заложили.

Потом пошли слухи, что тело Потёмкина чуть ли не было выброшено на съедение птицам. Это, конечно, неправда. И всё-таки император позволил себе сводить счёты с покойным, который служил России, как немногие.

– Гробокопательство не принесло счастья императору. Не худо бы нынешним политическим лидерам помнить этот урок.

– Самое страшное, что Павел уничтожил военную реформу Потёмкина. Нанёс удар по армии.

Суворов и Потёмкин были людьми долга. Такие люди и создали величие Российской империи. «Имя странного Потёмкина будет отмечено рукою истории. Он разделит с Екатериной часть воинской её славы, ибо ему обязаны мы Чёрным морем и блестящими, хоть и бесплодными победами в Северной Турции», – пишет Пушкин. Насчёт «бесплодных побед» он сорвался. Он не знал, что Потёмкин – огромный реалист.

Одна деталь. Потёмкин после присоединения Крыма пишет: ищу, откуда идёт зараза, хожу по госпиталям, проверяю портянки, поднимаю начальство, чтобы отделяли больных от здоровых... Вот Наполеон раз посетил чумной барак – и сколько легенд, картин, стихов! А о своих героях ни слова!..

– Потёмкин вызывал зависть, противники объявляли его разорителем России... Кстати, репутацию историческому деятелю создают не столько документы, сколько поэты, прозаики, художники, кинематографисты...

– Из написанного о Потёмкине на память приходит ода «Водопад», которую Державин написал на смерть героя. А ещё для меня радостным открытием была драматическая сцена в стихах «Князь Таврический», которую написал Алексей Апухтин – поэт, вообще-то не проявивший себя как знаток истории. Он и в этом произведении не вполне точен в исторических деталях. Но Потёмкина понимал! Понимал его отношение к России, к императрице... Там есть замечательный предсмертный монолог Потёмкина...

– Незабываемо сыграл Потёмкина Борис Ливанов в фильме «Адмирал Ушаков»! Так и вспоминается его властное, переливистое: «А тебе, граф, пряничков не положено, тебе бараночки!» Он сыграл выдающегося, проницательного политика.

– Ливанову надо отдать должное. Крупного человека сыграл! Этот послевоенный фильм открыл Потёмкина-созидателя. До войны, когда реабилитировали Суворова, Румянцева, Кутузова, Потёмкин не попал в эту обойму. Статья в БСЭ, вышедшая накануне войны, – ужас! «Фаворит и грабитель...» А лучший текст о Потёмкине написал А.В. Ловягин для Русского биографического словаря. Вот ему удалось очистить образ Потёмкина от густого слоя чёрной краски. Составители словаря так отозвались о Потёмкине после прочтения этой статьи: «Труженик! Он даёт и сегодня нам пример, что нужно не выкрикивать лозунги, а работать». В наше время эти слова ещё актуальнее.

Беседовал **Арсений АЛЕКСАНДРОВ**

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА, 17–23 октября 2012 г. № 41 (6388)

ЗАБУГОР-ТВ

Сказки, природа и Путин

Бытует мнение, что немцы относятся к русским лучше, чем представители других стран Европы. Так ли это? Кто и каким образом формирует общественное мнение в Германии, какова роль телевидения в этом процессе?

Конечно, в головы восьмидесяти миллионов немцев не заглянуть, хотя определённое представление о том, как они относятся к россиянам, можно получить на основе личного опыта. Однако впечатления от кратковременных туристических визитов в Берлин или Шварцвальд не стоит принимать за эталон немецкого вкуса. Заслышав звон монет, педантичные немцы иногда поступаются своими принципами – примерно, как это произошло в Гармиш-Партенкирхене этим летом.

На курорте, известном своим снегом и сказочным видом на вершину Цугшпитце, издали каталог, в котором требования маркетинга заставили изменить реальность до неузнаваемости. Дело в том, что с 1851 года пик Цугшпитце украшен позолоченным крестом. В 2009 году его заново отреставрировали, потратив немалые деньги – 15 000 евро. Однако в 2012 году от этого воистину монументального символа решили избавиться ради привлечения... арабских туристов! Мол, негоже смущать потенциальных денежных клиентов из мусульманских стран видом христианского креста. К счастью, в целях экономии операция прошла почти понарошку: креста нет на фотографиях Цугшпитце в версии каталога для арабских стран. Каково будет удивление гостей с Аравийского полуострова, когда они его там всё-таки заметят, можно только гадать...

Итак, чтобы не обольщаться на свой счёт, стоит ознакомиться с результатами опросов общественного мнения. В целом к россиянам относятся настороженно. Российских поставщиков энергии откровенно недолюбливают. Несмотря на надёжное многолетнее сотрудничество: свыше шестидесяти процентов опрошенных опасаются, что Россия может злоупотребить своими газовыми и нефтяными ресурсами, чтобы навязать Германии свои условия. Какие именно условия – не уточняется. Видимо, для подобного отношения достаточно и того, что у России теоретически существуют какие-то свои интересы, которые немцам заочно не по нутру. Символично, что компании – поставщики энергоносителей рассматриваются в Германии исключительно как инструмент в руках российских политиков, от которых немцы, мягко говоря, не в восторге. Ведь эти политики, во-первых, не хотят демократии у себя в стране и в союзе с заскорузлой Русской православной церковью измываются над прогрессивной девичьей панк-группой. А во-вторых, они не хотят мира на земле и блокируют решение ООН по военному вмешательству в сирийский конфликт.

Из каких источников информации черпают свои знания о России инициаторы опросов – неизвестно, гадать не будем. А вот представления респондентов основаны, как правило, на материалах немецких СМИ, в огромной степени почерпнуты из телевизионных программ. Показательно, что ТВ освещает такое, казалось бы, многогранное явление, как Россия, исключительно в трёх ракурсах: сказки, природа, Путин.

Телекомпании восточногерманских земель – RBB и MDR – по старой памяти транслируют советские фильмы-сказки. В их репертуаре «Морозко», «Аленький цветочек», «Варвара-краса, длинная коса», «Садко» и другие экранизации советской эпохи. Правда, чтобы избежать лишнего упоминания Большого брата (СССР) в положительном контексте и, как следствие, обвинений в ретроградстве, немецкие умники от телемаркетинга окрестили шедевры советского детского кино «российскими фильмами» (russische Spielfilme).

В отличие от своих восточногерманских коллег, любящих сказки, телекомпании исконно западных земель говорят о России в прагматической плоскости. Что в первую очередь привлекает европейцев в России сегодня? После падения железного занавеса любознательные жители Европы успели познакомиться с культурными магнитами – Петербургом и Москвой. Теперь их больше интересуют необозримые пространства России и её природа, всё ещё таящая огромные ресурсы.

В Германии документальные фильмы о природе России пользуются неизменным спросом. Многосерийный цикл о стране «от южных морей до полярного края» транслируется на западногерманском канале WDR в прайм-тайм. Он не рассказывает о российских мегаполисах, во многом похожих на унифицированные европейские города. Название цикла: «Дикая Россия» (Wildes Russland) – говорит само за себя. С одной стороны, речь, конечно же, идёт о нетронутой природе труднодоступных регионов России, но, с другой стороны, зрителю неумолимо приходит на ум выражение, ставшее и в Германии крылатым, – «Дикий Запад», со всеми сопутствующими ассоциациями.

Для немцев, живущих в заасфальтированной до самой последней деревеньки Германии, Россия, безусловно, предстаёт дикой местностью. Бескрайние просторы, на которых почти не встретишь людей, зато увидишь настоящих, а не из зоопарка, зверей, очаруют любого зрителя своей первозданностью. Гармонично подобранная торжественная музыка за кадром помогает ощутить восторг журналиста, оказавшегося один на один с русским лесом, полем и небом. В такие моменты хочется Россию просто обнять – до того она хороша.

Для людей места в этих кадрах нет. Восторг вызывает природа России, но никак не её жители. Люди преподносятся скорее в качестве уничтожителей своей страны. Не успеет камера уйти от видов природы, как сразу же наталкивается на следы человеческой деятельности, тоже дикой, но в другом смысле слова. Развалины, корабли-призраки и протекающие нефтепроводы. Яркий контраст взывает к инстинкту немца-хозяйственника, сокрушающегося по поводу столь

бездарной неустроенности. Восторг уступает место негодованию. Давно известные клише всплывают на поверхность сознания: пьянство, лень, коррупция. Как по заказу из ниоткуда возникает фигура безработного механика навеселе, укутанного в тёмный бушлат и отчаянно ругающего власть имущих.

В немецком представлении власть в России олицетворяется одной-единственной личностью – Владимиром Путиным. Не важно, исполняет ли он функции премьер-министра или президента. Для пущей наглядности немецкие СМИ любят называть Путина просто-напросто царём. По правилам немецкой грамматики, существительное следует писать с заглавной буквы, что позволяет ещё больше подчеркнуть предполагаемую безграничную власть Путина: Der Zar. Медийно созданный статус самодержца нужно, конечно же, подпитывать картинками из реальной жизни. С этой целью немецкие журналисты неустанно посещают Россию, неделями сопровождают российского президента в поездках по одной шестой части суши от Чёрного моря до Сибири, чтобы потом окрестить свой фильм «Я, Путин» (Ich, Putin – Ein Portrait). Разумеется, не без намёка на роман Роберта Грейвса «Я, Клавдий», изданный в Германии под названием «Я, Клавдий, цезарь и бог». Как будто ассоциация с образом падкого до власти императора повышает ценность исследования. Немудрено, что даже благожелательно настроенный фильм Петера Шоль-Латура о России, окружённой, по его мнению, со всех сторон, как волк – флажками, называется «Империя Путина между НАТО, Китаем и исламом».

Рассчитывать на какие-либо позитивные оценки российской жизни не стоит. Особо прогрессивные журналисты германского первого канала запросто позволяют себе называть «Единую Россию» партией марионеток, а съезд партии – «шоу глянцевой демократии». Съезды партий республиканцев или демократов в США немецкие журналисты в таком тоне ни за что не прокомментируют, хотя манипуляций и лакировки действительности там побольше будет. С другой стороны, чего можно ожидать от первого канала, если на завтрак своим бюргерам он подаёт репортаж о страдалицах из Pussy Riot под заголовком «Россия: от демократии к диктатуре». Чести называться последней диктатурой в Европе до сих пор удостаивалась лишь Белоруссия. Видимо, по немецким понятиям, Россия её успешно обошла.

А где же люди, обыкновенные россияне, не толоконниковы и навальные? Их на голубых экранах нет. Дело в том, что немецкие СМИ разделили сто сорок миллионов россиян на две группы; с одной из них журналистам можно работать без особого интеллектуального напряжения, однако с финансовой выгодой для себя. В данный момент в глазах немецких исследователей русской реальности существуют те, кто за Путина, и те, кто против. «Противяне» – это хорошо, прогресс и интересно. О них вещают постоянно, с состраданием и в разных ракурсах. «Заяне» – это, по определению Шпигеля, плохообразованные простаки (Der Spiegel, Nr. 31/2012, Personalien – Sweta Kurizyna). Они, видимо, недостойны внимания нации поэтов и мыслителей. И другого, более изобретательного подхода к пониманию происходящих в России процессов не существует.

Эта дуалистическая классификация политвзглядов, несомненно, имеет денежную подоплёку. Проще, технологичнее и дешевле входить в положение участников так называемых маршей миллионов, насчитывающих, как нарочно, только сотню тысяч, чем вникать в проблемы и радости остальных, число которым сотня миллионов.

Алла ЭРЛИХ,
Эссен, ФРГ

P.S.

Пиар для P.R.

Страсти вокруг Pussy Riot в Европе и Германии не утихают. За выходом Толоконниковой, Алёхиной и Самуцевич в финальный круг премии Сахарова за свободомыслие на 2012 год, известной также как премия Европарламента за достижения в защите прав человека, последовала их номинация на премию «Бесстрашное слово», которая вручается каждые два года городами, в которых жил и работал великий реформатор Мартин Лютер.

Из числа шестнадцати организаторов премии «Бесстрашное слово» на этот раз отличился Виттенберг. Действующий мэр этого города, социал-демократ Экхард Науманн, лично выступил в поддержку номинации «панковской группы из России». Видимо, не совсем добровольно.

Несмотря на массовый пиар – поклонение Pussy Riot в Германии, в результате которого пуссивистки буквально возведены в ранг святых мучениц, – их номинация на премию Лютера вызвала порицание и даже протест. Особенно возмущены представители немецкой евангелистской церкви, требующие аннулировать номинацию. Другая часть населения, не страдающая нынче остромодной русофобией, просто качает головой от недоумения и признаёт, что «панки из России» до сих пор являются действенным трюком заполучить внимание местной прессы и тем самым удовлетворить личное тщеславие.

Чем ещё можно объяснить отсутствие в ракурсе премиального внимания таких тем, как забастовки шахтёров в ЮАР, экономический кризис в мире и проблемы с бюджетом в США, угроза войны на Ближнем Востоке с участием НАТО из-за конфликта между Турцией и Сирией?.. Вместо них – снова свобода попугаям...

Неожиданный поворот в настроении немецкого общества, конечно же, связан с недавними беспорядками и выступлениями вследствие антиисламской поделки «Невинность мусульман». Видимо, этот фильм стал своего рода прививкой от глумления над религиями.

В здоровом теле – здоровый дух. Может только радовать, что Германия живёт по демократическим принципам, которые допускают разные мнения, даже глупые и контрпродуктивные. А также то, что здравый смысл или нечто высшее иногда ненавязчиво исправляют изъяны человеческого общества, когда они грозят переступить черту разумного.

ТЕЛЕПРОЩАНИЕ

Голуб-человек

Это второй случай на нашем курсе. Первым страшным потрясением было жестокое убийство в 93-м году Насти Ивановой (многие помнят её по фильму «Не могу сказать «прощай»). Теперь – катастрофа с Мариной Голуб. Два очень разных человека, но в чём-то очень близких – у них было много друзей и, кажется, не было врагов...

Можно как угодно относиться к тому, что Марина делала на ТВ и в МХТ, но трагический финал, то, как прощался с ней МХТ, та сладострастная бесцеремонность, с которой телеканалы вцепились в усопшую актрису, нагромоздив и мистики, и детектива по поимке убийцы, заставили вспомнить и увидеть Марину без грима и театральной мишуры, Голуб-человека.

Я её знаю с весны 1975 года, когда мы поступали на курс Виктора Карловича Монюкова в Школу-студию МХАТ. Главное, что в ней поражало, – сочетание несочетаемого. Очень крупная девочка, но чрезвычайно лёгкая и танцевальная. Вроде предрасположенная к музыкальной комедии, но всегда стремившаяся к драматическим ролям. Совсем юная, но было в ней что-то очень взрослое, материнское, заботливое. На самом деле скромная девушка, а на публике вдруг казавшаяся развязной – она сама это называла «разжим от зажима», всегда на грани...

Учёба в театральном училище – замечательное время, в котором много работы, пота, конфликтов, страстей, но вот странное дело, я не помню ничего плохого, связанного с Мариной. А путь её был очень трудный. После триумфа нашего выпускного спектакля «Хелло, Долли», где она сыграла заглавную роль, у неё не было никакого распределения! Два года работала в Москонцерте. Наконец удалось устроиться в переехавший в Москву театр Аркадия Райкина, потом она перешла в «Шалом», но мечтала о Художественном. Казалось, Марина и МХАТ несовместимы, но они шли друг к другу. И Марина, и МХАТ.

Её били предлагаемые жизнью обстоятельства, больно били, она не сдавалась, шла вперёд (но не по трупам, как в шоу-бизе часто бывает), становилась актёрски оснащённее, человечески добрее и мудрее.

Всем курсом мы встречались редко (последний раз три года назад, когда отмечали 30-летие окончания студии), но с каждым годом встречи эти становились теплее, мы научились оберегать друг друга. Должен отметить, что особенно внимательна она была к тем, у кого театральная карьера не сложилась. Дружбы, как понятия круглосуточного, не было, но уверен, она любому из однокурсников пришла бы на помощь, если бы было нужно...

Марина понимала, что новые времена требуют медийности, и, конечно, прилагала усилия, чтобы сниматься в кино и работать на ТВ. Пришло её время. Наконец она стала телеведущей, киноартисткой, актрисой МХТ. Но не совсем

Курс. Последняя встреча с Мариной

обычной, в ней не было высокомерия и самомнения, напротив, были сомнения. Она не была самодовольной, тем более самовлюблённой, она любила других. Человек-праздник. Самоирония – редчайшее качество в шоу-бизнесе, где могут как угодно смеяться над другими, но шуток по поводу своей персоны не выносят почти все. А она легко и с удовольствием смеялась над собой.

В ней совсем не было либерально-театрального сектантства: «Ах, тебе не нравятся спектакли такого-то режиссёра, вон из моего дома!» Нет, этого не было! Она слушала, не соглашалась или соглашалась и звала на свои спектакли в МХТ.

На панихиде было сказано много добрых слов, в том числе точных и ранящих. Звучали призывы беречь друг друга (кажется, об этом говорил Кирилл Серебренников). Наверное, беречь не только тех, кто выступал на сцене МХТ в траурный день, но и вообще друг друга. И тут не могла не вспомниться ситуация с Театром им. Гоголя, для которого внезапным, убийственным кадиллаком стало решение московского правительства о переформатировании театра в «Гоголь-центр»...

Говорилось о том, что Марина могла соединить, казалось, несоединимых людей. И по социальному статусу, и по политическим воззрениям, и по эстетическим, и по этическим принципам. И я об этом говорил на поминках, и был очень обрадован, что меня неожиданно очень поддержала Юлия Рутберг... Марина дружила не с «нужными людьми», не только и не столько, она дружила и с теми, кому она была нужна... И поминки были сердечными, встретились люди, которые не виделись десятки лет и не увиделись бы столько же, – Марина их соединила.

Вообще всё было организовано на высшем уровне, вплоть до эскорта ДПС, сопровождавшего колонну в ЦКБ. Но было в день прощания и нечто вызвавшее недоумение, пара ложек Comet в бочку МХТ... Есть театральный, пришедший из Европы обычай провожать гроб с телом актёра, который выносят из театра, аплодисментами. И у нас это прижилось... На Марининой панихиде, мне кажется, устроители перестарались. Кажется, впервые были затеяны аплодисменты прямо в театральном зале, долгие, продолжительные, но Марина не могла встать и сыронизировать что-то по поводу чрезмерности пафоса. И при прощании в ЦКБ, когда гроб с телом опускался в подземелье крематория, тоже – аплодисменты. Что-то языческое, невыносимо провинциальное, пошлое. Хорошо, что хоть после отпевания в храме хлопать не стали... И ещё. На поминки не пустили одного из однокурсников Марины, да, не медийного, да, совсем не гламурного, чуть отстал от основной группы и... не прошёл фейс-контроль, в списках не значился. Когда я спустился на вахту, он уже ушёл. Обидели человека, но Марина в этом не виновата.

Телеканал «Культура» в дни прощания повторил «Линию жизни» с её участием. В конце передачи Марина говорила, что она русская актриса, несколько раз повторила. Разумеется, в этом словосочетании, так же как в дефиниции «русский писатель», главное – не этническая составляющая, а нравственные категории. Речь шла о сострадании и человеколюбии, о совести и ответственности художника. И это были не дежурные слова. Выстраданные.

Настя Иванова погибла молодой, на взлёте. И Марина – через двадцать лет, но тоже на взлёте, когда в её репертуаре только появились драматические и даже трагические роли. Казалось, играть и играть, расти и расти.... И вот трагедия пришла в жизнь. Горько.

Александр КОНДРАШОВ

А ВЫ СМОТРЕЛИ?
televed@mail.ru

Миссия выполнима

Фильм Сергея Урсуляка по роману Василия Гроссмана «Жизнь и судьба» ещё вызовет множество споров, которые выйдут далеко за границы текста и его телеинтерпретации. Однако хочется поделиться первым впечатлением от увиденного, в котором эмоции превалируют над анализом. Впервые за долгие годы на экране представлено подробное и несуетливое повествование, и как следствие – забытое зрительское ощущение. Нас так долго пичкали «динамичным действием», что мы уже забыли старую традицию отечественного телевизионного кино. Оказывается, можно говорить о судьбе страны и её граждан без лишних драматургических эффектов, проникая в суть явлений и характеров. Мы уже отучились воспринимать что-либо в ритме классических советских телефильмов, таких как «Открытая книга» или «На всю оставшуюся жизнь». Фильм Сергея Урсуляка возвращает эту эстетику и доказывает, что, возможно, только в её рамках по-настоящему раскрываются актёрские таланты и мастерство режиссуры. Канал «Россия» поступил смело. Его движение «против течения» вряд ли будет вознаграждено «сумасшедшим» рейтингом, но в данном случае важно другое – культурная миссия, кто-то ведь должен и этим заниматься.

Но вот что смущает: рекламные завывания об экранизации главного романа XX века. Человеку, мало-мальски знакомому с историей советской литературы, очевидно: «Жизнь и судьба» – не выдающееся произведение той, богатой на таланты, эпохи. Как бы заигрывание с придуманной гениальностью Гроссмана не обернулось для талантливого режиссёра Урсуляка творческим поражением.

Что ж, посмотрим...

Вадим ПОПОВ

Театр одного актёра

Кажется, этот жанр возвращается на экран. Канал **«Культура»** в рубрике «Телетеатр» показал фильм-монолог «Абонент временно недоступен» (сценарий Валентина Азерникова, режиссёр Иван Иванов). Начинается всё как в обычном гламурном сериале: богатый продюсер в компании с друзьями и молодой женой, всё как всегда, но потом, когда пролог завершился и мы перенеслись из прошлого в настоящее, герой узнаёт, что от него ушла жена. Он один, перезванивается с родными, друзьями, и мы постепенно погружаемся в жизнь и судьбу человека, в его трагедию. Это не гламурно-сериальная история, а человеческая. Дмитрий Назаров – один в кадре, но держит внимание, потому что в отличие от большинства сериалов здесь есть, как говорят в театральных училищах, жизнь человеческого духа. Завораживает подробность проживания роли, естественная органика. Кажется, что актёр даже не доигрывает, но оторваться от экрана нельзя. И смерть героя воспринимается как подлинная трагедия. Стоит поздравить «Культуру» с возвращением на экран старого, но вечно живого жанра, а актёра – с творческой удачей.

А.К.

Враньё, враньё...

«Экспертиза показала, что папирусу действительно 2 тысячи лет. И на нём написано, что у Христа была жена. Значит, жена была», – с умным видом заявляет телеведущий.

Это я зашла на кухню, а телевизор был включён... в результате я забыла, за чем шла.

По каналу РЕН-ТВ шла программа «Военная тайна» с Игорем Прокопенко в главной роли. Этот «православный» (как он сам себя назвал) телеведущий с умным видом внедрял нашему народу в мозги чушь запредельную. Во время его монологов на экране периодически мигало слово «НАУКА», и это, видимо, должно было удостоверять правдивость несомой им галиматьи.

Речь шла о найденном недавно обрывке папируса, на котором якобы написано то, что я упомянула в начале. «НАУКА, НАУКА» – мигало при этом на экране.

Какие-то типа учёные подтверждали сказанное господином Прокопенко слово в слово: «Найден папирус. На нём написано. Значит, так оно и есть». Люди, вы умом случайно не тронулись?

Некий теолог торжественно сообщил миру о том, что родословия в двух Евангелиях, оказывается, не совпадают. Как будто он первый это заметил, как будто мы этого до него не знали! На первом курсе семинарии проходят евангельские несовпадения, которые скорее доказывают истинность текстов, нежели их фальсификацию. Ибо если бы тексты были фальсификацией, то их бы давно подогнали друг к другу. Но все канонические Евангелия являются четырьмя не повторяющимися, а самобытными взглядами на Священную историю, которые полностью совпадают по сути.

Родословия писались разными апостолами с разными целями. Матфею было важно доказать евреям, что Христос это именно тот самый, предсказанный пророками, мессия. Лука же подчёркивал всечеловечность Христа. К тому же в древнем Израиле существовал закон левирата: если мужчина умирал бездетным, то его брат обязан был взять в жёны его вдову и восстановить семя брата. И первый ребёнок, рождённый в таком союзе, считался сыном умершего, но реально был сыном его брата. И у Луки в родословии было прописано реальное отцовство, а у Матфея – то, которое по еврейскому закону. Даже я это знаю. А теолог – не в курсе. «НАУКА, НАУКА» – мигает при этом на экране.

Ещё теолог сообщил, что у Христа были братья, следовательно (по теологу), дева Мария имела других детей. Логика на грани фантастики! Но Христос имел братьев лишь по Иосифу. Иосиф, муж Марии, был вдовцом и имел детей от предыдущего брака. И эти дети по закону являлись братьями Иисуса. Ведь по закону Иисус был сыном Иосифа. Хотя на самом деле Он являлся Сыном Божиим. Теолог не может не знать того, что проходят на первом курсе семинарий. Значит, господин теолог врал сознательно.

Но когда враньё внедряется в пространство нашей Священной истории и начинает там изощряться в кривляниях, то это уже означает новые пляски на нашем амвоне. И это уже не просто враньё ради денег – это диверсия против нас, нашей веры... И хочется достать меч из ножен и не промахнуться...

«Жено! се, сын Твой» (Ин 19,27), – говорит Христос перед смертью своей Матери, указывая на апостола Иоанна. Не «мать», а «жено», – говорит Он. Если вырвать данную фразу из контекста канонического Евангелия, что должен заключить из этого обращения господин Прокопенко?

Елена СКОРОХОДОВА

ГОД ИСТОРИИ

В душе читающего жарко

Тёмные, наполненные страхом, деревни. Жуткие слухи о наступлении Наполеона. Враги топчут могилы, уничтожают всё, что свято русскому человеку. Отступление. Оставленная на разграбление столица... Нетрудно представить настроение армии, хотя во главе её прославленный полководец М.И. Кутузов. Всегда найдутся сомневающиеся, сеющие уныние и неуверенность в победе над супостатом. И вот в такое смутное, неопределённое время, полное шепотливых слухов, путеводной звездой, ярким знаменем появляется поэтическое произведение нашего земляка Василия Андреевича Жуковского «Певец во стане русских воинов».

За них, друзья, всю нашу кровь!
На вражьи грянем силы;
Да в чадах к родине любовь
Зажгут отцов могилы.

Полное уверенности и силы поэтическое слово пронзило тьму обессиленной Родины, свежей мощной кровью вошло в сознание воинов, святой водой истины окропило просторы России.

Удивительно мудро поступил Жуковский, обратившись к русским великим именам. Прежде всего к Святославу Игоревичу – великому князю киевскому. Напомнил его слова, обращённые к воинам во время похода против греков: «Не посрамим земли русской, ляжем здесь костьми, мёртвые бо срама не имут!»

Поэт вспомнил великого князя московского Дмитрия Ивановича Донского с «четой двух соименных...», имея в виду Ивана III и Ивана IV Грозного, утвердивших первое основание, положенное в могущество России подвигом Дмитрия Донского. Не забыли и Петра I, одержавшего блистательную победу над шведами при Полтаве. И, конечно же, Михаила Илларионовича Кутузова.

Хвала тебе, наш бодрый вождь,
Герой под сединами!
Как юный ратник, вихрь,
и дождь,
И труд он делит с нами.

И далее автор превознёс всех героев Бородинского сражения, всех, кто своим примером вдохновлял на битву с врагом. Он воздал «хвалу сподвижникам-вождям». И Ермолову, и Раевскому, который повёл в атаку даже двух своих сыновей, 11 и 17 лет, и Милорадовичу – одному из сподвижников Суворова, и Платову, и Багратиону... Никого не оставил без внимания, выявив их лучшие человеческие и полководческие качества, показав тем самым истинную силу России, её ум, её героизм, её гордость.

Жуковский обратился и к Бояну, подобно неведомому автору «Слова о полку Игореве», искавшему духовного и литературного благословения у великих предков.

О, радость древних лет, Боян!
Ты, арфой ополчённый,
Летал пред строями славян,
И гимн гремел священный.

За каждой строчкой стихотворного произведения бездна смысла. Написанное на живом материале, стихотворение пронизано неодолимым желанием немедленно вести в атаку против захватчика. На пределе вдохновенного отчаяния, на безумной страсти к непременной победе над врагом из глубины души пламенем вырывались поэтические строчки. В груди читающего становится жарко. И, главное, обратите внимание, в какое время и где написаны они: в первых числах октября 1812 года – «после отдачи Москвы перед сражением при Тарутино». Именно в это страшное для России время. «Ребята, не Москва ль за нами?», как потом скажет другой гений земли русской. И, отданная физически, Москва оставалась в сердце как десятикратно требующая отмщения.

Отведай, хищник, что сильней:
Дух алчности иль мщенье?
Пришлец, мы в родине своей;
За правых провиденье!

«Мы в родине своей» – этим всё сказано. Ничего иного нет у нас, и не хотим. Но и хищника не потерпим. Тут могилы наших отцов, и мы не дадим посрамить их.

Да в чадах к родине любовь
Зажгут отцов могилы.

И далее:

Нет, други, нет! не предана
Москва на расхищенье;
Там стены!.. в россах вся она;
Мы здесь – и бог наш мщенье.

Представляю, как звучали эти строчки при свете костров в военном лагере, как летели над тревожной неизвестностью готовых к смертному сражению воинов. Как оживала кровь в жилах сомневающегося, как загоралась она в отчаянном сердце храбреца, как мужеством наливались мускулы не раз изведавших запах пороха:

Родного неба милый свет...
О родина святая,
Какое сердце не дрожит,
Тебя благословляя?

Двухсотлетие Бородинской битвы... Перечитайте зачитанное со школьных лет «Певец во стане русских воинов». Овеянное дымкой романтики, сквозь бездну времени, стихотворение является беспощадным документом мужества и кровавой схватки с алчной армией Наполеона. Беззаветно сражались за честь земли нашей предки. Перед чистотой и высотой их подвига в какой-то степени мелкой и мелочной покажется наша сегодняшняя суета.

Сегодня в переизбытке жареной информации, к сожалению, не слышно поэтического слова той силы, с которой написано «Певец во стане русских воинов». Во время Отечественной войны 1812 года это слово прозвучало подобно «Слову о полку Игореве», бесспорно послужившему единению и укреплению земли русской. А «Василий Тёркин» А. Твардовского? Разве не вдохнул он силу в советского солдата, веру в его победу над Гитлером?

Воистину цена художественного слова Певца неизмерима. Не это ли имел в виду В.А. Жуковский, когда писал:

Певцы – сотрудники вождям;
Их песни – жизнь победам,
И внуки, внемля их струнам,
В слезах дивятся дедам.

Какая неразрывная духовная связь между веками! Как коротко время между ними. Как близки мы по крови, живущие на одной земле, называемой Россия. И как не подумать, глядя в глубину истории, об ответственности поколений за происходящее при нас.

Сергей ГАЛКИН

Фёдор ЕВГЕНЬЕВ

В Малоярославском военно-историческом музее 1812 года

В Сибае открыт памятник «Башкирским полкам – участникам Отечественной войны 1812 года»

М. РАХИМОВ

В период Отечественной войны 1812 года башкиры сформировали 20 полков и внесли достойный вклад в победу над французами. Башкирские воины участвовали не только в освобождении страны, но были также в составе русской армии в заграничном походе. На территории нынешнего Сибая, на месте слияния речек Карагайлы и Туяляс, шло формирование и обучение трёх башкирских полков перед отправкой в действующую армию.

Памятник «Башкирским полкам – участникам Отечественной войны 1812 года» размещён в уютном сквере, там, где начинается главная улица города – проспект Горняков. Его автором является творческий коллектив под руководством скульптора В.И. Кириллова из Москвы, уже известного сибайцам по скульптурной композиции «Материнство» возле городского загса. Надо отметить то, что это первая в республике монументальная скульптура, посвящённая победе в Отечественной войне 1812 года.

Соб. инф.

КНИЖНЫЙ РЯД

Чёрная осень 41-го года

Есть имена и есть такие даты, –
Они нетленной сущности полны.
Мы в буднях перед ними виноваты, –
Не замолить по праздникам вины.
И славословья музыкою громкой
Не заглушить их памяти святой.
И в наших будут жить они потомках,
Что, может, нас оставят за чертой.

Александр Твардовский, 1966 г.

С самых первых дней войны, когда западное стратегическое направление обозначилось в качестве главного, Ставка стремилась надёжно перекрыть немцам путь на Москву. Но наступление врага накатывалось на столицу в опережающем темпе.

Вот как вспоминает о Смоленском сражении (10 июля – 10 сентября 1941 года) автор книги – маршал Советского Союза Андрей Ерёменко. «Сражение было ожесточённым и кровопролитным. Смоленщина являлась ареной ожесточённых боёв... Бои шли на линии фронта в прорывах, в окружении, на широком пространстве по фронту (300 км) и большой глубине (до 200 км). В полном смысле этого слова Смоленщина тогда стояла в огне и в дыму. Противник здесь, через Смоленские ворота, наносил главный удар на московском направлении».

А.И. Ерёменко. **Смоленское сражение**. – М.: Вече, 2012. – 336 с.: ил. – (Военные тайны XX века). – 2500 экз.

А.В. Венков. **Вяземская голгофа генерала Конева**. – М.: Вече, 2012. – 272 с.: ил. – (Военные тайны XX века). – 3000 экз.

Автором всесторонне и глубоко исследованы: героическая оборона Могилёва и Смоленска, боевые действия группы генерала Качалова и обстоятельства его гибели в бою 4 августа 1941 года в районе Рославля. В целом характерной особенностью книги является то, что автор объективно, в доброжелательном тоне рассказал о боевых и человеческих качествах многих командиров, начальников штабов, членов военных советов.

Вяземская катастрофа 1941 года стала одной из самых страшных трагедий Великой Отечественной, по своим масштабам сравнимой лишь с разгромом Западного фронта в первые дни войны и Киевским котлом. В октябре 41-го, нанеся мощный удар на вяземском направлении, немцам удалось прорвать наш фронт – в окружение под Вязьмой попали 4 армейских управления, 37 дивизий, 9 танковых бригад, 31 артиллерийский полк РГК; только безвозвратные потери Красной Армии превысили 380 тысяч человек. В советскиой историографии об этой трагедии не принято было вспоминать – замалчивались и масштабы разгрома, и цифры потерь, и грубые просчёты командования.

«Только через год к Сычёвке вернётся Красная армия. В ней будут и те, кто в октябре 1941 года сдерживал рвущегося к столице врага, но их останется слишком мало, чтобы о происходившем здесь в те грозные дни узнала вся страна, а тем, кто допустил эту трагедию, конечно же, было невыгодно афишировать подробности своего позора».

Софья АНДРЕЕВА

ИМЕНА НА ПОВЕРКЕ

Стихам не страшно

На всю жизнь мне врезались в память слова из кинофильма «По главной улице с оркестром», которые читал за кадром приглушённый голос:

В красном сне,
В красном сне,
В красном сне
Бегут солдаты –
Те, с которыми когда-то
Был убит я на войне...

Это были поэтические строки моего земляка, поэта-фронтовика Григория Поженяна.

Ёмкость строчки «был убит я на войне» я довыяснил позже, узнав о поразительном факте биографии поэта. Уже в послевоенные годы Поженян, приехав в Одессу, обнаружил на улице Пастера, 27, на стене бывшей комендатуры, мемориальную доску в память о расстрелянных немцами защитниках города. В списке 13 героев восьмым значилось его имя. Дело в том, что его разведотряд, отступая из Одессы, разделился на группы. Григорию Поженяну и двум бойцам удалось прорваться через окружение, а остальные попали в плен и были расстреляны. По просьбе поэта доску не стали переделывать, исправлять.

С Одессой, испытывавшей водный дефицит не только в годы войны, у Поженяна связаны два эпизода. Первый – собственно военный. Когда немцы захватили село Беляевка, откуда в Одессу поступала вода, Поженян с группой разведчиков-морпехов пробился к водонапорной башне, уничтожил фашистскую охрану и так напоил город (впоследствии эти события легли в основу его сценария фильма «Жажда» (1959), в главной роли снялся Вячеслав Тихонов).

«Разведчик-диверсант» – такова была военная специальность Григория Поженяна, моряка Черноморского флота. Его наградной «иконостас» был внушителен – по два ордена Отечественной войны I степени и Красной Звезды, по одному – Боевого Красного Знамени, медали «За оборону Одессы», «За оборону Севастополя», «За оборону Кавказа», «За оборону Заполярья», «За освобождение Белграда», «За боевые заслуги». Имелись и награды мирных лет, за достижения на литературном поприще, – «За заслуги перед Отечеством III степени», «Знак Почёта».

Дважды (!) представляли Поженяна к званию Героя Советского Союза, но награды он не получил... Сохранились воспоминания адмирала Ф.С. Октябрьского (Иванова): «Более хулиганистого и рискованного офицера у себя на флотах я не встречал! Форменный бандит!»

Александр КАРЗАНОВ

Писать стихи он начал в годы войны. В стихотворении «Севастопольская хроника» расскажет:

В семнадцать –
прощание с домом,
в девятнадцать –
две тонких нашивки курсанта,
а потом трёхчасовая вспышка
десанта, –
и сестра в изголовье
с бутылочкой брома.

Такая яркая личность, конечно, была окружена ореолом былей, легенд, анекдотов. Журналист Д. Мамлеев рассказывал, что Поженяна дважды отчисляли из Литинститута. Первый раз – по политическим мотивам. Его вызвали в партком института и как фронтовика попросили выступить на собрании против «космополита» Павла Антокольского, творческого наставника Поженяна. Студент явился на собрание в морском кителе, вся грудь в боевых наградах, и с трибуны объявил, что ему приказали выступить против Антокольского. «Я, – сказал Поженян, – нёс книгу этого поэта на груди, когда шёл в бой. Если бы в меня попала пуля, она прострелила бы и его книгу. На фронте погиб сын Антокольского, он не может защитить своего отца. За него это сделаю я. Я не боюсь. Меня тоже убивали на фронте. Вы хотели, чтобы я осудил своего учителя? Следите за моей рукой», – и показал неприличный жест...

Второе исключение из вуза было не менее громким. Поженяна привлекли к суду за хранение огнестрельного оружия – именного браунинга, на котором была пластинка с гравировкой – Угольку. Поэту пришлось в суде доказывать, что Уголёк – его фронтовое прозвище. Фамилию разведчика во время войны старались не разглашать. А браунинг был вручён Поженяну Военным советом Черноморского флота. Студента-литинститутовца спасла специальная телеграмма адмирала Азарова.

Григорий Поженян как режиссёр-постановщик и сценарист снял на Одесской киностудии в 1966 году военную кинодраму об обороне Севастополя «Прощай!». Роли в фильме исполняли известные артисты советского кино – В. Заманский, О. Стриженов, И. Переверзев, Ж. Прохоренко и другие. Музыку к фильму написал М. Таривердиев. Кстати, у Таривердиева есть цикл «Семь песен-речитативов на стихи Г. Поженяна». Цикл очень интересно исполняла Е. Камбурова.

Обильно присутствует в творчестве Поженяна, что и понятно, море – столь возлюбленное сухопутным коренастым харьковским пареньком, призванным на флот:

...Немцев было восемь.
Наших – трое.
Немцы шли на малом.
Мы – на полном.
Немцы шли за ветром.
Мы – сквозь волны.
С ними был их бог.
А с нами – сила.
Он им не помог. А нас носила
яростная злоба над волнами.
С немцами был бог.
А море – с нами.
Море с нами – значит,
каждым валом
нас волна собою прикрывала...

В море, по рассказам, он потом познакомился и со своей супругой Еленой: она плыла к берегу, а он с товарищем – в море. «Какое красивое лицо плывёт навстречу!» – воскликнул поэт и влюбился.

Стихотворения Григория Поженяна последних лет не утрачивают горькой актуальности:

Ах, как я кричал когда-то:
– Вашу мать...
концы и кранцы...
Бродят по военкомату
одноногие афганцы.

Их суровые медали
однозвучны и негромки.
Их клевать не перестали
похоронки... похоронки...
Но куда что подевалось,
будь я проклят, в самом деле.
Глупые – навоевались.
Умные – разбогатели.

У Поженяна есть стихи, которые стали народными песнями: «...Мы с тобой два берега у одной реки», «Песня о друге» («Если радость на всех одна – на всех и беда одна»), «Маки».

Дважды героем «живой убитый Поженян» не стал, зато через много лет сделал другой дубль, лауреатский: удостоившись Государственной премии РСФСР имени Горького (1986 год) за поэтический сборник «Погоня» (1983 год) и Государственной премии Российской Федерации (1995 год).

К нему, больному, 78-летнему, на дачу в Переделкине ворвались какие-то хулиганы и нанесли тяжелейшие травмы. Он перенёс сложнейшую нейрохирургическую операцию и несколько лет восстанавливал здоровье, но полностью это сделать так и не удалось.

Он лежал в больнице, и там его навестил старый друг – фронтовик, кинорежиссёр Пётр Тодоровский, оператор фильма «Жажда». В палате они спели свою песню «А надо, чтоб кто-то кого-то любил».

В стихотворении Григория Поженяна «Я живу посмертно» есть такие строки:

В моих ногах –
осколки прежних лет.
Они со мной покинут
этот свет.
И вместе с ними выйдут из огня
Тот, кто стрелял,
И тот, кто спас меня...

Поженян сказал в своих стихах всё, что мог, что должен был сказать. И, шесть десятилетий спустя, ушёл под сень той памятной одесской доски, на которой увековечено его имя рядом с погибшими однополчанами.

Станислав МИНАКОВ,

Личный опыт войны

Сагид Нухкадиевич Абдуллаев был одним из числа тех «более тысячи советских» и «тридцати пяти дагестанских» писателей, кто в годы Великой Отечественной войны в качестве корреспондента армейской газеты или просто рядового солдата ушёл на фронт. Личный опыт войны, полученный писателем в боях на Кавказе и Кубани, а также на 1-м Белорусском фронте, принимавшем участие в освобождении Польши, нашёл конкретное воплощение в таких художественных произведениях, как цикл очерков «За Родину», очерк «От Вислы до Одера» и художественно-документальные рассказы «Одноглазые» и «Сумен Курбанов».

А.А. Алиханова. **С.Н. Абдуллаев – солдат и летописец Великой Отечественной войны** / Отв. ред. Р.Р. Алиева. – Махачкала: 2011. – 220 с. – (ДНЦ РАН). – 300 экз.

Образ малой родины создаётся в цикле очерков «За Родину», этом наиболее значительном и по объёму и по содержанию произведении даргинской прозы 1940-х годов, сюжет которого построен на изображении эпизодов боевой жизни роты связистов, принимавшей участие как в оборонительном, так и в наступательном периодах битвы за Кавказ.

Информационный материал, который послужил поводом для написания рассказа «Одноглазые», был получен писателем на боевом пути, пройденном им от Вислы до Одера. Это трагический сюжет об известном лагере смерти Майданеке из уст военнопленного. И воспринимается он как зарубка на память читателю о том, что было, но что не должно повториться.

Портретную зарисовку («Сумен Курбанов»), посвящённую Герою Советского Союза Сумену Курбанову, Сагид Абдуллаев строит в виде рассказа красноармейца, оказавшегося вместе с ним на фронте в одной части. У рассказчика была возможность наблюдать его с января 1943 года в течение пяти-шести месяцев.

Сагид Абдуллаев писал стихи и рассказы, переводил классиков на даргинский язык, создавал учебники, редактировал, собирал и изучал фольклор, составлял словари – первый большой «Русско-даргинский словарь», краткий «Русско-даргинский словарь»... Главная книга писателя – это «Грамматика даргинского языка. Фонетика и морфология», вышедшая в 1954 году уже после его смерти. По общему признанию дагестанских языковедов, одна из самых удачных и талантливых книг в лингвистическом дагестановедении.

Николай ЛЕБЕДЕВ

ЗДЕСЬ ТАНЦУЮТ!

Когда Майо превращают в «моё»

Звёздная пехота балета пыталась захватить Кремль, но была захвачена сама как поклонниками, так и критиками

Это стало обыденностью, но от того не потеряло привлекательность. Иногда это чуть лучше, иногда чуть хуже. Порой возбуждает, другой раз утомляет. Всякое было – ведь «Kremlin Gala «Звёзды балета XXI века»» проходит в Москве не впервые.

Были в этом году особенности у вечера, который собирает околобалет, статусного зрителя и функционеров в зале Кремлёвского дворца в конце сентября – начале октября? Были. Казалось бы, все лица – те же, что и раньше, состав выступающих знаком чуть менее чем полностью, но качество программы! Оно в этом году было высочайшим.

ИТАР-ТАСС

Люсия Лакарра и Марлон Дино

Как проходят такие концерты? В зале примерно столько же звёзд, что и на сцене, горстка сумасшедших фанатиков на неудобных – и почти всегда чужих! – креслах партера, на лучших местах – несколько ценителей постконцертного общения с артистами перед камерой. На стоянке у Кутафьей башни – авто в диапазоне от представительской BMW до спортивной Maserati – машины, рекомендующей своего обладателя более интересным типом, чем все сценические звёзды. Ярмарка тщеславия для тех, кто ещё вдохновляется удушливым миром кулис или не насытил своей тяги к публичной демонстрации мужского достоинства, выраженного в СКВ!

Что на сцене? Здесь стараются «соблюсти». Для людей богатых и очень богатых – обязательная классика и неоклассическое наследие. Человек, посвятивший себя служению вечному – деньгам, не станет разменяться на временное – новаторское искусство. Которое, однако, на сцене присутствует. Отчасти и для успешных и занятых: как тем ещё показать себя «в тренде»?

Зритель попроще ориентирован на то же самое: «красивое справа и модное слева». Гармония царит в зале почти такая же, как и на сцене. Мелкий балетный дилер нетерпеливо замер в ожидании банкета – и обязательно усидит до конца. Игорь Зеленский неспешно покинет зал, посмотрев единственный номер, ради которого пришёл. Жизнь в партере интересна больше происходящего на сцене!

За рассуждениями мы упустили первый номер. И Дрю Джекобсон из Нидерландского театра танца, отплясав свою новую до бессмысленности хореографию, под нестройные аплодисменты ушла. Не оставив после себя ничего, достойного слов.

На смену американке пришли артисты Большого: Евгения Образцова и Андрей Меркурьев. Они исполнили Баланчина и снискали преизрядную критику кухонных знатоков изящных манер. Нам г-жа Образцова нравится всегда – она по-настоящему аристократична. До той степени цинизма и безразличия к окружающим, что красота её не страдает. Всегда мила, всегда улыбчива – вот так выглядит истинный холод, смягчённый неярким солнцем днём и полярным сиянием ночью. Словом, «холодного и резкого Баланчина» Женечка танцует так, как положено, – с «холодом и резкостью» ума, присущего расе господ. Это не Голливуд – для понимания таких прелестей нужно иметь инстинкт. Евгения Образцова была великолепна!

Чтобы разобраться с классикой, укажем ещё на три номера: адажио 2-го акта «Лебединого озера» в исполнении Люсии Лакарры и Марлона Дино и два па-де-де из балета «Корсар» в исполнении Сергея Полунина и Александры Тимофеевой и из балета «Дон Кихот» в воплощении Ивана Васильева и Марии Кочетковой.

Никакой критики – у каждого из упомянутых свой круг почитателей, и мы давно поняли: воспитывать вкусы можно плетью, но ничуть – словом. Посему ограничимся тем, что укажем: когда танцевала Лакарра, зал замер, а нам хотелось смотреть на неё вечно. Невероятно хороша!

Напротив, когда по сцене скакал Иван Васильев, возбуждение почтенных дам зашкалило, а их крикливость, как известно, есть непременное условие популярности танцовщика.

На Полунина смотрели с интересом, но в гонке зрительских симпатий лидировал Васильев: при всей своей вульгарности, а может, и благодаря ей, Иван лучше чувствует ожидания публики и, будучи в целом прекрасным актёром, способным провести безупречно любую роль в любом спектакле, он в гала даёт то, что необходимо именно гала. Не фрагмент роли, но фрагмент себя. С неизбежным кривлянием. Осуждаем мы его? Ничуть. Подобная безнравственность по отношению к залу лишь украшает артиста – не нужны нам из уст танцовщика разговоры о духовности: это же было бы просто оскорбительно! Уходя за пределы отчёта, скажем, что Полунин «положил» зал через день, когда давал в «Коппелии» Театра Станиславского и Немировича-Данченко своего Франца – гусара, обаятельного шалопая и редкостного балбеса. Словом, настоящего мужчину.

Кстати, о мужчинах. Все, без исключения, в концерте были хороши. А современная хореография оказалась интереснее классической. Дело не в том, что Ива́нов, Петипа и Горский устарели, нет. Просто – они делали зрелище для людей, обладающих временем и привычных к неизменной скуке бытия. Баланчин ориентировался на деловитых буржуа low middle класса. А Бигонцетти приходится иметь в виду угнетённого обывателя: бессмысленного для себя, функционально неплохо, но системно поверхностно образованного робота из «менеджеров среднего звена». С чем упомянутый хореограф справился вполне: его дуэт из «Караваджо» в исполнении Матьё Ганьо и Людмилы Пальеро восхитил точностью биомеханики. Как восхитил ещё один номер современного хореографа – Жан-Кристофа Майо. Бернис Коппьетерс и Оскар Саломонсон исполнили фрагмент из его «Опуса 40» так, что не осталось сомнения: Майо – один из ведущих в мире. Даже музыка – а для балета хореограф выбрал непростую певицу Мередит Монк – уводила в докультурные пласты бытия, в царство немодулированных сигналов, в мир мычания, стонов и смеха сатиров, занятых лишь совращением нимф. Бернис – выдающаяся танцовщица, она донесла посыл хореографа без пережима.

И всё. Больше говорить не о чём. Нам по крайней мере. Разве упомянем пленительный дуэт из балета «Лилиом» Джона Ноймайера в исполнении Алины Кожокару и Карстена Юнга, предоставив рассуждать о других его номерах любителям драмбалета. И этим завершим наш доклад.

Евгений МАЛИКОВ

МОСКОВСКИЙ ВЕСТНИК

Хочешь стать главой управы? Ждём!

В информационном центре правительства Москвы прошли форсайт-дебаты на тему «Портрет главы управы района Москвы». На встрече обсуждались новые технологии отбора кандидатов в главы управ районов столицы.

Основными вопросами для обсуждения на круглом столе были вопросы компетенции главы управы района, его мотивации и возможности привлечения людей из бизнеса на эту должность. Образ главы управы района обрисовали Владимир Говердовский, префект Северо-Западного административного округа, Борис Андреев и Наталья Голованова, главы управ Алексеевского и Восточного районов столицы. Основным, по их мнению, критерием отбора кандидатов на эту должность должна быть заинтересованность. А Сергей Воробьёв, президент Ward Howell, в свою очередь, обрисовал образ главы управы района таким, каким хотел бы его видеть. По его словам, всё дело в сервильности. Глава управы должен понять, что не жители подконтрольной территории существуют для него, а он – для них. Много было разговоров и о том, что глава управы должен быть хозяйственником, разбираться в современных технологиях, быть лидером и уметь решать конфликтные ситуации. Не говоря уже об компетентности в исполнении своих прямых обязанностей.

Но тогда возникает другой вопрос: «В каком случае такой специалист захочет пойти на эту должность»? В первую очередь человек должен сам

Александра Александрова

захотеть сменить свой род занятий. Пост главы управы района даёт возможность поучаствовать в жизни города, и именно это должно стать ключевым фактором в выборе этой должности.

Сегодня уже можно говорить о переходе людей из сферы бизнеса в сферу управления как о состоявшемся тренде. И Правительство Москвы собирается не отставать, возлагая особые надежды в привлечении новых людей именно из бизнес-структур. Алексей Шапошников высказал опасение, что пришедшие из частных компаний работники в первую очередь будут заботиться о корпоративных интересах, а не о благе района. Тем более что видимых преимуществ для успешного менеджера подобные карьерные изменения не дают. Александра Александрова, начальник Управления государственной службы и кадров Правительства Москвы, считает, что эти проблемы решаемы. Все кандидаты будут проходить строгий отбор, в кадровый резерв войдут действительно достойные кандидаты, способные в дальнейшем занять должность главы управы района.

Решено проводить конкурс не только на должность самого главы, но и на должности его заместителей. Это, по мнению собравшихся, позволит кандидатам лучше понять все тонкости работы и стать отличным специалистом в дальнейшем.

Открытый конкурс в кадровый резерв Правительства Москвы на должность главы управы района – это новый опыт для правительства города. Уже сейчас нельзя не отметить смелость некоторых решений, таких, например, как привлечение менеджеров из бизнес-структур. Радует открытость и прозрачность всех этапов конкурса и готовность кадровой службы столицы идти на диалог. А станет ли этот эксперимент настолько удачным, что распространится на другие субъекты Российской Федерации, покажет время.

Дмитрий ЖУРИН

ЗНАЙ НАШИХ!

«У него была хорошая детская комната»

Многолетнему члену редколлегии «ЛГ» по международному разделу О.Н. Прудкову исполнилось бы 90 лет

Осенью 1985 года я пришёл в «Литературную газету». Приняли меня в целом радушно. Хотя и с оговоркой: вот вернётся Олег Николаевич, и тогда будет ясно, что с тобой делать. И потом, в течение недели, пока Прудков ещё находился в отпуске, слышал о нём не раз, причём не только от подотчётных ему международников (политобозреватели, собкоры за границей, отделы иностранной информации и зарубежной литературы, референты мировой печати).

И вот явление народу состоялось. Полноватый дядька за шестьдесят с манерами старорежимного интеллигента – первое впечатление. Таким оно и остаётся до сих пор, хотя Олега Николаевича давно уже нет на нашей бренной земле. Интеллигент высшего полёта. А если пользоваться терминологией дорогих моему сердцу немцев (всё-таки 16 лет собкоровской жизни в Бонне) – интеллектуал с большой буквы. Умный, высокоэрудированный, блестяще воспитанный. Или, как говорят в Германии: er hat eine gute Kinderstube – у него была хорошая детская комната, что означает – его хорошо воспитали.

У нас с ним сразу сложилось. Нет, никакого панибратства. Для меня он был Олег Николаевич, босс. До последнего дня на «вы». Хотя мы в конце концов переросли отношения начальник–подчинённый. Провели немало дней, недель вместе, прежде всего в Германии, которую исколесили на подержанном редакционном «мерседесе» вдоль и поперёк. Мне нравилось принимать этого умного, блестяще эрудированного человека на немецкой земле, где формально я был хозяином. В ФРГ приезжало много начальства и коллег из «ЛГ». Чем отличался от других высокопоставленных лиц Прудков – это полным отсутствием чванства, начальственного гонора.

Олег Николаевич был практически бессменным, вечным секретарём партийной организации «ЛГ». Эдакий народный се-

Фёдор ЕВГЕНЬЕВ

кретарь. Газету можно было обвинить в чём угодно, но не в лизоблюдстве перед партией. Отсюда и регулярные «выволочки» и проработки старших товарищей. Олег Николаевич защищал, отстаивал. И, насколько я знаю, никогда не вставал на «ту» сторону, был наш.

Мы вместе создавали в конце 80-х – начале 90-х годов российско-немецкую ассоциацию «Мюльхаймская инициатива» (по месту рождения – в стенах евангелической академии Мюльхайма-на-Руре). С российской стороны это была «ЛГ», прежде всего Олег Прудков, хорошо известный всем Аркадий Удальцов и писатель Леонид Почивалов, с германской – немецкие интеллектуалы профессор Ганс Адольф Якобсен и руководитель академии Дитер Бах. МИ стала площадкой для встреч и дискуссий представителей двух народов. Олег Николаевич был душой этого начинания. Готовый к любым экспериментам, экспромтам, да даже к шалостям. Помню, мы организовали в стенах Мюльхаймской академии симпозиум с участием российских военных и служащих и офицеров бундесвера. В Федеративную Республику Германии впервые по неофициальной линии приехала делегация наших полковников во главе с генерал-майором Валерием Бугаенковым (увы, тоже уже почившим, и ему царство небесное). Один из дней выделили на культурную программу. Наши военные попросились съездить в Брюссель, он примерно в 200 км от Мюльхайма-на-Руре. Загрузились в автобус и скоро уже были в логове НАТО. Не могли не полюбоваться «Писающим мальчиком» в центре города. Фонтан был оккупирован японскими туристами с фотоаппаратами. Увидев группу русских в военной форме, они стали тайком фотографировать. Я подмигнул Олегу Николаевичу и подошёл к одной из японских групп. Предложил легальную и организованную съёмку: фото с полковником – 10 долларов, с генералом – 20. Деньги сдавать Олегу Николаевичу.

Японцы посовещались и выстроились к кассиру. В это время неладное почувствовал наша главная «золотая курочка» – генерал Бугаенков. Его возмущению не было границ. Дело мог спасти только советский консул в Брюсселе. Спас Олег Николаевич: «Генерал, вы что, шуток не понимаете?» – «Какие шутки! Дело пахнет даже не губой, а трибуналом», – вскричал Валерий Николаевич. И добавил: «Уж от вас, Олег Николаевич, я такого не ожидал». Прудков был, как всегда, невозмутим: «А что, я тоже творческий человек, способный на поступки. Японцы не обеднеют, а бизнес состоится». И все – в том числе японцы, перед которыми я извинился, – дружно расхохотались.

Вот такой он был человечный человек, дорогой наш Олег Николаевич.

Валентин ЗАПЕВАЛОВ,
заместитель главного редактора газеты «Гудок»

ЖУРНАЛЬНЫЙ ВАРИАНТ

Прибежище людям в несчастьях

Надпись, высеченная над парадной лестницей ГМИИ, утверждает, что таковым является именно искусство. Девиз этот с полным правом мог бы избрать себе и журнал «Русское искусство», за которым «ЛГ» наблюдает уже не первый год.

Первый номер года был посвящён открытиям в искусстве. Но не ищите на его страницах громких сенсаций. Не потому, что они в искусствоведении большая редкость, а в силу того, что «малость» и «великость» в сфере научных изысканий суть величины относительные. Сомневающиеся в сей простой истине могут обратиться к авторитету Игоря Грабаря: «Я никогда раньше не подозревал, что эти скучные с виду старые бумаги, послужные списки, кляузы, метрики, прошения и реляции на них таят в себе столь ценный и, главное, столь увлекательный материал. Вкусив от этого архивного яда, я был им навсегда отравлен».

Что перетянет, если на одну чашу весов положить единственную икону – «Спас нерукотворный» XIII века, обнаруженную Марией Реформатской в церквушке маленького села, затерянного в Пошехонье, а на другую – Спасо-Преображенскую церковь в Полоцке, которую Владимир Сарабьянов оценивает как одно из главных открытий последних лет в области древнерусской живописи? Что прибавит к пониманию творчества Шагала уточнённая дата его первого приезда в Париж? Для настоящего исследователя такого вопроса не существует.

Первооткрывателями могут быть не только профессионалы, но и просвещённые любители, не отягчённые брендовым сознанием и кастовыми ограничениями: Юрий Носов в «Премьере коллекций» проводит чёткую грань между собирателем с тугой мошной и подлинным коллекционером, идущим непроторёнными тропами. Такие дороги нередко приводят туда, где ждут своего часа незаслуженно забытые шедевры. Русское храмовое монументальное искусство первой половины XIX века, о котором с искренней болью пишет Анна Павлова, давно обесцененное профанами от искусствоведения и чуть не уничтоженное революционными энтузиастами, всё ещё ждёт тех, кто сможет открыть миру его красоту и величие.

Второй номер «Русского искусства» можно считать своеобразным путеводителем в странствиях по обеим российским столицам, причём путеводителем, «переизданным» по просьбам читателей, что в журнальном деле большая редкость. В этом журнале собраны лучшие публикации из нескольких номеров прошлых лет, успевших стать библиографической редкостью, не только не утратившие своей актуальности, но и заигравшие новыми смыслами, как, скажем, «Санкт-Петербург. Формула красоты» Дмитрия Швыдковского или «Российская Голгофа» Евгении Кириченко о храме Спаса на Крови. Но делать номер исключительно «репринтным» не стали. К юбилею войны 1812 года был подготовлен материал о воине-художнике Альбрехте Адаме, прославленном баталисте, которому так и не привелось увековечить триумф французской армии.

Кстати, этот номер тоже построен на гармоничном сочетании великого и малого: с фундаментальными материалами соседствует крошечное эссе, посвящённое зеркалу из коллекции Государственного Эрмитажа. Истинного ценителя одна его роза восхищает не меньше, чем пышный букет.

Третий номер получил название «Россия и Запад». Из воистину безграничной темы авторы вычленили плоскость расширения смысловых и языковых возможностей искусства. Олег Кривцун исследует взаимосвязь открытий вне сферы искусства (систем Коперника, Дарвина, Фрейда) с процессами, происходящими внутри него, выстроив замысловатую траекторию от Брейгеля, через художников эпохи Просвещения, до Дали. Растущий объём информации притупляет восприятие, вынуждая художников искать всё более сильные средства воздействия на зрителя и оптимальные (если это вообще возможно) пропорции человеческого и «античеловеческого» в современном искусстве, которое от десятилетия к десятилетию становится всё жёстче и беспощаднее и к человеку, и к миру. Останется ли оно и в дальнейшем прибежищем в несчастьях – вопрос уже, пожалуй, из разряда риторических.

Принцип, по которому весьма разные по направленности и энергетике материалы собраны под одной обложкой, выявить не так-то просто. У читателя есть над чем поломать голову, вплетая в единый контекст материалы Натальи Автономовой и Любови Савинской, посвящённые формированию собрания ГМИИ, статью о добром гении Павловска Анатолии Михайловиче Кучумове и исследование Ирины Лейтес о художнике Левицком и русских розенкрейцерах. Одной настроенности на восприятие новой информации ему будет явно недостаточно. При всей своей академичности, «Русскому искусству» удаётся сбивать существующие в читательской голове шаблоны, свойственные журналам о серьёзном искусстве, что и обеспечивает ему необщее выражение лица в ряду себе подобных.

В.П.

ПРОЕКТ «ПРОВИНЦИЯ»

Новая жизнь «Новых Афин»

Как остановить бегство в города-миллионники

«Новыми Афинами» на рубеже XIX–XX вв. за обилие культурных и учебных заведений называли Пензу. И именно здесь родилась идея стряхнуть со слова «провинция» налёт некой второсортности, вернув ему смысл, заложенный Карамзиным, – опора всей страны. Россия всегда была сильна провинцией, да и пока, несмотря ни на что, эта формула абсолютно верна. Как же остановить бегство в столицу, как сделать жизнь в любом уголке нашей огромной страны комфортной, сытой и насыщенной?

Площадкой для поиска ответов на эти вопросы стала Пенза. По инициативе правительства области здесь в прошлом году прошёл первый Российский гуманитарный форум «Проект «Провинция». Опыт оказался удачным, и в октябре нынешнего года Пенза принимала участников и гостей уже второго гуманитарного форума. В новом корпусе областной библиотеки имени М.Ю. Лермонтова, открывшем свои двери в мае – в День библиотек, собралось более пятисот гостей: представители федеральных и региональных органов власти, предприниматели, эксперты в области архитектуры, образования и науки, известные деятели культуры, писатели, актёры, режиссёры и композиторы.

Кстати, и сама эта библиотека – яркое свидетельство серьёзности намерений областного руководства в повышении качества жизни и культуры. В то время, когда по всей стране библиотеки стонут от ветхости помещений и нехватки читателей, в Пензе строят 12-этажное здание площадью 25 тысяч квадратных метров. С книгохранилищем почти на два миллиона книг, с возможностью одновременного обслуживания 1350 читателей, просторными читальными и конференц-залами, виртуальным залом диссертаций, музеем книги, комнатами для индивидуальных и музыкальных занятий и художественной галереей.

Накануне открытия форума здесь состоялась церемония посвящения в профессию молодых врачей и медсестёр, а сельским врачам были вручены денежные сертификаты. 9 человек получили так называемые подъёмные – по 150 тысяч рублей за первый год работы, ещё 16 специалистов, поехавших работать в село, стали обладателями одного миллиона рублей каждый. В будущем году, рассказал журналистам губернатор области Василий Бочкарёв, в Пензе начнут строить два дома для медиков по 150 квартир.

Знакомство с Василием Кузьмичом у меня началось заочно, ещё в поезде. Соседки по купе обсуждали свою поездку в Израиль, на Мёртвое море. Поняв, что они из Пензы, моя коллега Наталья поинтересовалась: «А как вам ваш губернатор?» Дамы замялись. «Не нравится»?

– Да нет. Странный немножко. Смешной. Пензяками нас называет. Построил в каждом районе по физкультурно-оздоровительному комплексу, пять бассейнов...

– Разве это плохо? – искренне удивляюсь я. – Или дорого?

– Для кого как, – объясняет попутчица постарше. – В среднем 45 рублей, а в некоторых бассейнах и 100. Мой сын-то каждый день плавает, а вот его друг, увы. Зарплаты-то маленькие.

Средняя зарплата в области – 18 900. Не густо, конечно. Вообще наша современная жизнь полна парадоксов. Третья подруга попутчиц осталась в Москве, поехала на оптовый рынок закупать товар, и, как я поняла, они все зарабатывают на жизнь торговлей. Двое объездили уже полмира, а вот их покупатели – работники заводов, культуры, образования и здравоохранения – и 45 рублей на бассейн выделить не могут.

Впрочем, плавать можно и без денег. Для детей, занимающихся в спортивных секциях, рассказал Бочкарёв, занятия – бесплатны. Сам «странный» губернатор, охотно отвечающий даже на неудобные вопросы журналистов, приехавших освещать форум, очаровал. Похвастал: «У меня нет ни мигалки, ни охраны».

– Не боитесь? – спрашиваю.

– А чего бояться? У нас самая низкая преступность. Да я же отсюда, пензяк.

Василий Кузьмич родился в селе Ива Нижнеломовского района Пензенской области, окончил лесотехнический техникум, позже – политехнический институт. Работал помощником, а затем главным лесничим, руководил автотранспортным предприятием, был главой администрации одного из районов областного центра, в 1998 году был избран губернатором, и с тех пор бразды правления из своих рук не выпускает.

В девяностые, когда преступность в стране зашкаливала, начал завлекать подростков в спортивные секции. Строили и строят стадионы, бассейны, спортивные комплексы и площадки. Когда количество детей в школах резко уменьшилось и помещения стали пустовать, начали открывать и там физкультурно-оздоровительные комплексы. В шестидесяти шести образовательных учреждениях оборудовали медико-реабилитационные центры, и дети прямо в школе проходят обследование, получают назначения и процедуры. Девчонок, которые на волне всероссийского поклонения гламуру совершенно потеряли интерес к физическим упражнениям, завлекли в спортзалы аэробикой. А потом запустили проект «Танцующая школа», и девчонки чудесным образом от недомоганий избавились.

О школе много говорили и другие участники форума. Жаркие дебаты шли на сессии *«Педагогика массовой российской школы – инструмент социальной интеграции»*. Договаривались о набившем уже оскомину ЕГЭ не упоминать, но в работе сессии приняла участие руководитель Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки Любовь Глебова, один из главных сторонников этой формы экзамена, а среди приехавших гостей и пришедших на форум пензенских педагогов оказались, естественно, и ярые его противники.

Вернуть участников к заявленной теме разговора попытался директор московского Центра образования № 109, член-корреспондент РАО Евгений Ямбург, но тоже не удержался. Евгений Александрович, как и многие его коллеги, не против внешней проверки, но... за исключением нескольких «но». Вот не одарила природа какого-то ученика способностями к математике, например, однако учитель с ним бился, бился, ребёнок вовсю старался, старался, и вытянули они-таки предмет на твёрдую тройку. Раньше похвалили бы – молодцы. Теперь... Теперь проще такого ученика из школы выдавить. Рейтинги и учителя, и школы, и города, и губернатора зависят от результатов ЕГЭ. И сколько бы ни повесили камер видеонаблюдения, сколько бы общественных наблюдателей ни привели в аудиторию, гарантировать отсутствие нарушений трудно.

Разговор опять вернулся к ЕГЭ, подтасовкам и списыванию. Слово взял Иван Засурский, заведующий кафедрой новых медиа и теории коммуникации факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, и буквально взорвал зал, заявив, что система образования выпускает жуликов и воров. Неосторожная фраза, вырвавшаяся из-за царящего на сессии накала страстей, дискредитировала высказанную Засурским идею, хотя в ней, на мой взгляд, рациональное зерно, достойное, во всяком случае, обсуждения, было.

Иван Иванович предложил публиковать все курсовые, дипломы и диссертации в Интернете, прогоняя их через систему «антиплагиат». Уровень списывания, и не только в детской аудитории, благодаря распространению информационных технологий действительно стал уже неприличным, но обиженные запальчивым словом работники образования идею встретили в штыки. Звучали, впрочем, и разумные сомнения: как быть с исследованиями, содержащими коммерческие тайны, или государственные, военные? Наверное, можно было обсудить, что делать с этим сегментом, но измученные модернизациями педагоги переварить ещё одну реформу были не в состоянии. Да и школы, о которой в основном шла речь, она не очень касалась. Вряд ли четвероклассник, например, будет «передирать» докторскую диссертацию. Конечно, хорошо бы и все доклады и эссе прогнать через «антиплагиат», но пока это из области фантастики. Научить бы ребёнка правильно использовать Интернет.

Эта проблема в какой-то мере звучала и на сессии *«Новые медиа – новая общественная среда, новое правовое и нравственное поле»*. Друзей, врагов и единомышленников теперь не надо искать на улице, они все в твоём компьютере. Не выходя из дома можно сотворить маленькую революцию, организовать митинг или подбить толпу на совместную прогулку по бульварам. А можно собирать пожертвования на помощь многодетным семьям и одиноким матерям или на создание кризисных центров. Объединять желающих поучаствовать в дискуссиях, как это делает координатор пензенского Интеллектуального парка «Академия» Дарья Тришина, или провести акцию по очистке города от мусора по примеру её земляка, блогера Антона Купрюшина.

Блогеры приняли самое активное участие и в продвижении прошедшего в Пензе в мае Международного фестиваля Jazz May-2012. Фестиваль, видимо, удался, и молодые участники упоминали о нём на форуме не раз. Олег Шарипков, один из создателей в областном центре магазина интеллектуальной литературы «Вереплёте» (увы, даже интеллектуалы, следуя интернет-моде, игнорируют правила русского языка, убирая пробелы), предложил филармонии для привлечения слушателей вынести рояль из зала и устроить по примеру джазовых музыкантов концерт прямо на улице. Участникам сессии *«Культурная провинция как двигатель всестороннего развития России»* идея не понравилась. Хороший рояль слишком дорого стоит и небрежного отношения к себе не приемлет, а на плохом ни один уважающий себя исполнитель играть не станет.

Накануне в областном драматическом театре прошёл концерт участвующих в работе форума солистки Мариинского театра Марии Максаковой и Юрия Розума, заведующего кафедрой фортепиано Российской академии музыки им. Гнесиных. Прошёл с огромным успехом, и кто-то, когда речь зашла о проблеме привлечения зрителей и слушателей, выкрикнул с места: «Побольше бы к нам приезжало таких исполнителей, как Розум, тогда и проблем со зрителями не будет». Московский театральный критик Григорий Заславский восторгов пензенцев не разделил: «Да Розум вообще играть не умеет, он не исполнитель, а педагог».

Не знаю, как других, а меня эта безапелляционность покоробила. Заславский, будучи модератором, весьма жёстко прервал и композитора Григория Гладкова, пытавшегося ответить на вопрос, куда пропала детская песня, и директора пензенской областной филармонии Алексея Львова-Белова, чьё выступление было просто-таки криком души. Да, задачей форума был поиск выхода, а не плач о потерянном, но ведь где же, если не среди коллег, выплеснуть наболевшее? Сам Заславский предложил привезти в Пензу московский десант и поставить с его помощью в областном театре пьесу о реальных людях, но, надеюсь, не желание успеть озвучить свою идею, а исключительно забота о регламенте вынудила его так жёстко вести сессию.

В тот день работа форума началась с опозданием. Московских журналистов привезли вовремя, а вот столичные участники никак выбраться из гостиницы не могли. Поселили нас за городом, в красивейшем месте, в новой современной гостинице с родным для москвичей названием – «Чистые пруды». Но пробки нынче характерны не только для столиц, поэтому наездились вдоволь. Впрочем, в этом, как ни странно, был и положительный момент – несмотря на отсутствие экскурсий, увидели областной центр и в какой-то мере подготовились к работе сессии *«Архитектурно-градостроительная практика в городах России»*.

Выступая на открытии II российского гуманитарного форума «Проект «Провинция», губернатор Пензенской области Василий Бочкарёв пошутил: «Я бы почти всё снёс и построил заново». Голубая, но несбыточная мечта не только губернатора, но и всех архитекторов.

Целью архитектурной сессии форума была выработка стратегии, которая позволила бы, сохранив историческую среду, создать современный, динамически развивающийся город, благоприятный для жизни и инвестиций. Среди выработанных в ходе дискуссий специалистами (а в Пензу съехались архитекторы из Москвы, Ульяновска, Тамбова, Саранска и Рязани) рекомендаций – более тесное общение с жителями, расширение практики применения современных технологий, создание зелёных зон, совершенствование законодательства, изучение зарубежного опыта.

О зарубежном опыте рассказал Мирослав Мика, главный архитектор города Марианские Лазни. Ему понравилась центральная часть Пензы с сохранившимися историческими застройками, но удивило отсутствие единой политики в оформлении города. В Чехии и частный дом нельзя выкрасить, как вздумается, а у вас, сказал он, даже у зданий государственных учреждений нет единого стиля, и поэтому они выглядят немножко неопрятными.

Пенза – очень чистый город, но при этом, как ни парадоксально, действительно немножко неопрятный. И не столько, на мой взгляд, из-за окраски домов по вкусу коммунальщиков, сколько из-за обилия рекламы. Некоторые даже трёх-четырёхэтажные здания под крышу захламлены выкрашенными в несочетаемые цвета вывесками и рекламными щитами, и какой-то общественный договор о правилах содержания домов в городе, на мой взгляд, просто необходим.

Конечно, на вкус и цвет, как говорится, товарищей нет. Вот Мария Арбатова, также участвовавшая в работе форума, назвала в отчёте о поездке на своём сайте газоны у гостиницы «Чистые пруды» кладбищем искусства. Здесь в этом году прошли уже пятые по счёту международные скульптурные симпозиумы, и по условиям участия выполненные на них работы оставлены в Пензе.

Территория вокруг гостиницы действительно богата на скульптуры (среди авторов, помимо россиян, французы, немцы, японцы, американцы, корейцы, всех не перечесть), но кладбищем газоны всё-таки не кажутся. По мнению архитектора из Ульяновска, с которым мы пытались определить национальность деревянной семейной пары, установленной у входа в гостиницу и не обеспеченной табличкой с авторством, как раз Пенза пошла правильным путём – не пристраивала уже готовые работы в городской пейзаж, а превратила их в выставку. В Ульяновске тоже проходят подобные фестивали, но работы разбрасывают по улицам, и они чаще всего в городскую среду не вписываются.

Несовпадение мнений, впрочем, абсолютно естественно. Для того и собрались здесь специалисты и эксперты, чтобы поспорить, послушать и услышать друг друга и выработать общую точку зрения.

«Цель форума, – сказал его ведущий Александр Гордон, – создать в Пензе горизонтальную интегрированную площадку для регионов провинции, чтобы области могли общаться и перенимать проекты и удачные решения друг у друга». И выразил уверенность, что работа принесёт плоды. В качестве обоснованности своего убеждения продемонстрировал журнал, который появился в Пензе благодаря первому форуму. Тогда молодые ребята из общественной организации инвалидов попросили помочь им выпустить печатную версию их электронного издания, и вот вышел уже второй красочный номер их журнала.

Тогда форум дал путёвку в жизнь многим проектам. В частности, создан оргкомитет по подготовке и проведению в 2014 году празднования двухсотлетнего юбилея Михаила Лермонтова. Уже в будущем году планируется проведение фестиваля, посвящённого поэтическому и художественному творчеству Михаила Юрьевича, и на эти цели уже закладывается финансирование. Создана площадка для умельцев и ремесленников – открыт бизнес-инкубатор, названный в честь Владимира Татлина, учившегося в пензенском художественном училище в начале XX века.

Конечно, далеко не все озвученные на форуме проблемы можно решить только силами регионов. Многие требуют вмешательства федеральной исполнительной и законодательной власти, но если появится тенденция не ждать указаний сверху, а творить жизнь самим, это будет, пожалуй, главным достижением. Тогда и часто звучавшая на форуме поговорка «Где родился – там и пригодился» перестанет выглядеть анахронизмом, и слово «провинция» будет говорить лишь о географическом положении, а не о месте, из которого все бегут сломя голову.

Людмила МАЗУРОВА

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ

Мастера уступчивости

Роберт Чалдини.
Психология влияния. –
Изд-во «Питер», 2012. – 331 с. –
Тираж 4000 экз.

...Бедная пенсионерка выкладывает последние сбережения на покупку чудо-пылесоса. Зачем он бабушке-ветеранке? Разве тот, что верно служил ей многие годы, не справляется со своей задачей? Вроде справляется. Загадка... Ну ладно, бабушка старенькая, плохо соображает. А вот молодые и амбициозные представители пресловутого среднего класса. Они только что отвалили кучу совсем не лишних при их кредитах и ипотеке денег за то, чтобы их первоклассник Петенька ходил в особую, совершенно особую, школу, настолько особую, что они готовы возить его через весь город. Что же в ней особого, в этой школе, – таблица умножения другая преподаётся? Нет, конечно, но они убеждены, что сделали разумную покупку, пардон, инвестицию. Тоже загадка... А вот ювелирный киоск. Совсем загибался, бедолага: никто не брал в том киоске бижутерию. Спас случай. Начальница, уезжая куда-то, велела продавщице снизить в два раза цену на бирюзу. Та неправильно её поняла и повысила цену. Ровно в два раза. И – чудо чудное! – народ стал покупать. Выходит дело, для того чтобы успешнее продавать, надо не снизить, а *повысить* цену!

Этот последний пример из книги «Психология влияния» Роберта Чалдини. Автор, известный американский учёный-психолог, рассказывает о том, как достигают своих целей «мастера уступчивости», – те, кому удаётся добиться своего при любом взаимодействии с людьми. Причём добиться так, что им ещё и спасибо скажут, и будут уверены, что им сказочно повезло. Чаще всего этими мастерами оказываются продавцы прямых продаж, они же – главные герои книги. (Прямыми называются продажи, когда не покупатель идёт к продавцу, а продавец к покупателю.) В США это массовая профессия: в ней заняты 11% всех работающих, а, например, в Германии – всего 1%.

Но на самом деле продавцов гораздо больше. *Все мы – продавцы.* С большим или меньшим мастерством мы продаём свой товар – массовый или уникальный, дорогой или малобюджетный, престижный или не очень. Мы поступаем на работу и пытаемся продать себя в качестве ценного сотрудника. Даже скорее так: мы продаём нашему будущему работодателю идею улучшения положения в его организации, которое произойдёт, когда там появится такой ценный профи, как вы. Уф-ф-ф, какая длинная формула. Но она – верная. Убеждая друзей поехать на шашлык, мы продаём им идею прекрасного воскресенья на природе. Ну а *если вы – политик, то вы – не что иное, как профессиональный торговец светлым будущим.* Ничего не поделаешь, демократия – это рынок. Впрочем, все продавцы продают будущее: будущие улучшения, которые произойдут в результате обретения того блага, которое предлагает продавец.

Известно, что тов. Троцкий приезжал на своём легендарном бронепоезде, произносил речь и превращал толпу оборванцев и дезертиров в боеспособное подразделение. Он, отрицавший торговлю как буржуазное порождение, гениально продавал идею мировой революции.

Поэтому когда человек говорит: «Я не умею продавать», – он не прав. Сказать так – эквивалентно тому, что заявить: «Я не умею общаться с людьми». Так или иначе это делают все. Кто-то мастерски, кто-то коряво и неумело. Поэтому книжки вроде этой – полезны всем. Они показывают, как это устроено, – влияние человека на человека.

Автор рассказывает о разных методиках «размягчения» личности будущего клиента. Например, «тактика выбрасывания низкого мяча» – не говорить сразу об отрицательных сторонах предложения, а начинать с хорошего. Или приём «глупая последовательность»: согласившись на что-то, клиент втягивается в ситуацию и соглашается и на следующее.

Иногда продавец заставляет потенциального клиента принять на себя непроговариваемые обязательства. Как? Элементарно: предлагая небольшие и вроде бы не обязывающие подарки, угощение. И это действует!

Универсален «принцип социального доказательства»: человеку кажется верным то, что считают верным многие люди. Чем больше – тем лучше. Раз «тысячи домохозяек купили ЭТО» – значит, это хороший товар, куплю и я. Люди, хотя и считают себя уникальными личностями, на самом деле существа стадные. Автор рассказывает о крахе сингапурского банка, из которого клиенты вдруг стали забирать вклады. Причиной оказалась толпа на автобусной остановке рядом с банком: люди приняли её за клиентов, желающих забрать свои вклады. Такие истории, конечно, не укрепляют веру в человечество, но зато на их фоне никакие методики не представляются чересчур примитивными.

Впрочем, мне лично кажется, что, увлёкшись методиками, автор не говорит главного, что определяет успех продажи: надо предложить человеку то, чего ему не хватает, что ему по-настоящему надо. Не с вашей точки зрения, а с его. Более того, иногда *он не отдаёт себе отчёта в том, что именно этого ему не хватает*. Настоящий продавец тот, кто умеет это угадать. Дайте ему это – и он ваш. Именно так объясняется успех нелепых вроде бы товаров. Особенно ярко это проявляется в товарах нематериального свойства – книгах, фильмах и т.п. Чушь чушью, а вот угадал продавец потребность.

Универсальный «витамин души», которого людям не хватает, – это самооценка. Именно поэтому люди нередко стремятся купить не дешевле, а дороже (так объясняется парадоксальный на первый взгляд случай, рассказанный в начале, – про бирюзу). Есть специальные «дорогие дешёвые вещи», укрепляющие самооценку небогатых людей. Богатый бизнесмен купит любую зубную пасту – он самоутверждается на другой площадке, а небогатая домохозяйка – приобретёт дорогую, порой очень дорогую. Так она чувствует себя значительной.

Это манипуляция? О манипуляциях, борьбе с ними, защите от них сегодня говорят много. Что это такое вообще манипуляция? Достижение мошеннической цели с помощью психологического трюка. Это, конечно, плохо. Но сегодня манипуляцией часто объявляют и вполне невинные приёмы. «Никто лучше вас не выполнит эту работу», – говорит начальник, и служащий рад забыть о сне и отдыхе. Где тут манипуляция? Тут взаимный обмен приятностями: служащий повысил свою самооценку, а начальник получил быстро и качественно сделанную работу. (На меня в молодости, помню, безотказно действовал этот простой приём.)

Худшая манипуляция – это argumentum ad ignorantia – довод, рассчитанный на неосведомлённость. Как тут защититься? Когда-то мой инструктор по вождению автомобиля сформулировал лапидарное правило, которое верно не только в автодорожной сфере: хорошо вижу – еду быстро, плохо вижу – еду медленно, вовсе не вижу – не еду совсем. Никогда не давайте себя втянуть в то, чего вы не понимаете. Вы не понимаете, как устроен, положим, фондовый рынок, – ну и не участвуйте в нём. Вас будут вовлекать, а вы: «Спасибо, не хочу» – вот вам и вся защита. Никогда не участвуйте ни в каких «инвестициях»: почти наверняка – это способ отъёма денег у населения. Если чего-то не понимаете – не стесняйтесь спросить, посоветуйтесь со знающими людьми. Даже не с юристами, юристы – это второй этап. Посоветуйтесь с людьми, занятыми в деловой сфере. У каждого есть такие знакомые. Спросите их: возможно ли такое, что вам предлагают, велики ли риски? Возьмите тайм-аут. Если вам говорят, что действовать надо прямо сейчас и деньги сдавать сию минуту, – убирайтесь немедленно, придерживая по дороге карман: вас хотят надуть.

Вообще *наилучшая защита от манипуляций – это наличие ясной жизненной цели, высокая самооценка и, как следствие (а может, как причина), – высокая энергетика.* Неуверенного в себе, не имеющего цели (пресловутое «выжить» – не цель) – очень легко подловить на крючок манипуляции. Как-то раз я с общеобразовательными целями побывала на собрании клуба «инвесторов», с которых жулики собрали не один миллион долларов. Преобладающая публика – люди с обочины жизни, бедные, часто пожилые, замороченные, далёкие от всякого бизнеса, как от луны. Но они верили, что инвестируют деньги в высокодоходный бизнес, и прочим нелепостям, которые им втюхивали о светлом будущем, в котором они, «инвесторы», заживут жизнью состоятельных рантье. Верили и несли последние грошики. На выходе я попыталась объяснить двум старушкам, что их обманывают, – так меня чуть не побили.

Энергетика вообще универсальная вещь. Эзотерики говорят: деньги имеют свойство перетекать от того, у кого энергетика ниже, к тому, у кого она выше. Похоже, они правы.

Такие книжки, как «Психология влияния», раскладывают по полочкам подобные ситуации и показывают, на какие кнопки нажимают манипуляторы. Именно поэтому такие книжки сто́ит читать.

Татьяна ВОЕВОДИНА

«ЛГ», № 27

ДИСКУССИЯ: СПОСОБНА ЛИ РЕЛИГИЯ ОБЪЯСНИТЬ МИР?

Зло – иррационально

Вопросы, затронутые Ольгой Бугославской в статье «Любовь или Великая Пустота?» («ЛГ», № 27), очень непросты. И ожидать на них универсальные ответы, удовлетворяющие как христианина, так и человека неверующего, – дело бесполезное, поскольку вне христианского миропонимания таких ответов попросту нет.

Главный вопрос статьи (если «Бог есть любовь», то как объяснить присутствие в мире зла) или, иначе говоря, вопрос теодицеи (богооправдания – термин, введённый Лейбницем в 1710 г.) волновал христианских мыслителей во все века. Рассмотрим, что для христианина есть зло, откуда оно в мире? Ведь Бог как Творец мира зла не создавал.

Идеологии, основанные на рационалистическом понимании мира, рассматривают зло как некий недостаток, который можно, познав его сущность, уничтожить – победить нищету, голод, болезни, природные катаклизмы и предоставить каждому человеку возможность наиболее полно удовлетворять свои потребности – свободно избирать род жизни, труда, развлечений. Но в состоянии ли подобные идеологии объяснить, как победить страдания, которые причиняет неразделённая любовь, как победить ужас измены, терзания ревности, муки зависти? А ведь именно эти искушения являются источниками многих страшных грехов.

Из Библии известно, что первое появление зла в мире было связано отнюдь не с недостатком мироустройства – зло впервые проявилось в раю, в полноте блаженства и радости, когда первочеловек Адам восхотел жизни без Бога, жизни только для себя и с собой.

Для христианина зло иррационально, бессущностно, оно есть пустота, отсутствие Бога. В духовном смысле зло живёт только в глубине человеческой души, проявляясь в злой человеческой воле, греховных помыслах, которые на телесном уровне воплощаются в греховных поступках.

Первочеловек Адам в библейской истории выбирает зло, поскольку он свободен в своём выборе. И ожидать от Бога уничтожения зла бессмысленно, ведь Бог, создав человека свободным, Сам ограничил Своё всемогущество. Зло, возникнув, никогда не угасает самостоятельно, оно всегда порождает ещё большее зло, само становится источником зла. Оно неуничтожимо никакими мирскими усилиями – тюрьмами, исправительными работами, товарищескими судами, эти усилия могут только ограничить распространение зла в мире. Зло может быть вытеснено только добром, взращиваемым в душе (молитвой, покаянием, участием в церковных таинствах). Вспомним слова Серафима Саровского: «Стяжи мир в душе своей, и вокруг тебя спасутся тысячи».

Да, для христианина «Бог есть любовь», но эта формула отнюдь не означает, что в мире «нет отчаяния, нет одиночества, жизнь справедлива». К сожалению, «мир лежит во зле» (I Иоанн. 74:19), но Господь Иисус Христос берёт на Себя страдания человека, берёт на Себя всё зло мира и разрушает его Своей любовью.

Что же касается описываемых Ольгой Бугославской природных катаклизмов, в результате которых гибнут люди, то в рамках рационалистической идеологии это действительно не согласуется с тем, что «Бог есть любовь». Но разве для Бога важно, чтобы мы жили подольше, не болели, не страдали и чувствовали себя счастливыми от потребления мирских благ? Нет, для Бога важно, чтобы души наши, обременённые множеством грехов (разве никто из нас никогда не завидовал ближнему, не гневался напрасно, не желал в душе ближнему зла?), всё-таки спаслись. А для этого кто-то должен и пострадать, чтобы искупить свои грехи, а кто-то и погибнуть, дабы не совершить смертный грех.

Вот пример из нашей истории. Некий человек со товарищи занимался на Ладожском озере морским разбоем, грабил купеческие корабли, державшие путь вдоль южного побережья Ладоги. И была страшная буря, корабль разбойников начал тонуть. Этот человек взмолился к Богу всей душой, обещая изменить жизнь в случае спасения. И Господь спас его – он был выброшен на берег. Он построил монастырь и до конца жизни проводил дни в покаянии и молитве. После смерти он был канонизирован. Это – святой Киприан Стороженский. Да, товарищи его погибли в той буре, но сколько душ (может быть, и душ его товарищей) было спасено по молитвам этого святого.

Ещё один очень важный вопрос, прозвучавший в статье Ольги Бугославской, – вопрос о связи религии и нравственности. Действительно, сплошь и рядом можно встретить людей, которые исправно посещают церковь, но при этом ведут себя безнравственно в миру, и людей нравственных, но не церковных. Как же связаны религия и нравственность (если эта связь вообще существует)?

И богословская, и философская мысль (Кант, например) не подвергают сомнению тот факт, что человеку при творении был дан естественный нравственный закон, дано знание о Добре и Благе как часть образа Божия. Этот естественный нравственный закон проявляется в душе как голос совести, которая и говорит, что хорошо, а что худо. Вспомним, как Тома Сойера мучила совесть за утащенную грудинку и кукурузные лепёшки.

Возникает законный вопрос: а зачем мне тогда религия? Буду руководствоваться голосом совести и тем спасусь. Тем более что основная этическая заповедь в Евангелии (во всём поступайте с ближними так, как вы хотели бы, чтобы они поступали с вами) была известна задолго до Иисуса Христа – пятью веками ранее её высказал Гесиод. Это вопрос, на который нет единого универсального ответа. Может быть, кто-то и спасётся благодаря тому, что всю жизнь будет поступать по совести. У апостола Павла сказано, что люди, незнакомые с христианством, будут судимы по делам совести. Но в отношении себя я могу сказать точно: вне Православной церкви мне не спастись.

Поясню свою мысль на отвлечённом примере. Человек возвращается вечером домой, усталый и раздражённый от придирок начальника, давки в транспорте, невнимания продавцов в магазине, и незаслуженно обижает жену – накопившееся раздражение требует выхода. Знакомая картина, не правда ли? Остыв, он просит у жены прощения, но на следующий день всё повторяется – бес раздражительности не унимается. На исповеди в церкви человек кается в этом грехе, причащается святых Христовых тайн. И происходит чудо – бес раздражительности перестаёт терзать душу.

В этом и есть связь нравственности и христианской религии. В этом мире, полном страдания, злобы, ненависти, живёт образ Иисуса Христа, который помогает каждому обратившемуся к нему человеку побеждать зло любовью.

Да, среди церковных людей вы нередко встретите грешников, подобных описанным автором статьи, может быть, даже в процентном отношении их будет больше, чем среди людей нецерковных (ведь Иисус Христос пришёл призвать не праведников, но грешников к покаянию). Но среди нецерковных людей вы никогда не встретите праведников, подобных Серафиму Саровскому, Амвросию Оптинскому, Иоанну Кронштадтскому.

Пример же, приведённый Ольгой Бугославской (пример человека, который каждый день молится в увешанной иконами комнате, беседует со священником в церкви и при этом вымогает деньги у бывшей жены), не должен никого соблазнять. И фарисеи беседовали с Иисусом Христом, задавали Ему вопросы, выслушивали Его наставления, но при этом оставались людьми вне христианства.

Что же касается запретов и разрешений (читать или не читать Набокова и Булгакова, ходить или не ходить в театры), то оставим их на совести не по вере ревностных «церковных людей». Ни в посланиях апостолов, ни в трудах святых отцов нет и намёка на подобные запреты или разрешения. Напротив, апостол Павел наставлял свою паству не быть детьми умом, то есть обогащать свой ум плодами человеческих талантов.

И в заключение о симфонии Церкви и власти. Вспомним отечественную историю. Князь Дмитрий Донской, отправляясь в поход против войска Мамая, посещает Сергия Радонежского, дабы испросить у него благословения на битву. Это – симфония. К выборности власти это не имеет никакого отношения.

Юрий КОЧИНЕВ,
доктор экономических наук, профессор,
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

«ЛГ», № 35

Нам дарована свобода выбора

Религия – связь человека с Богом. Когда она, эта связь, работает и спасает? Когда мы живём *богоугодно*, то есть свято и чисто. Об этом свидетельствуют все мировые религии. Чистое (Бог) познаётся только чистым. И только в этом случае есть обратная связь.

Так что человек (*это я специально для Ольги Бугославской, одного из авторов статей в «ЛГ» на тему «Способно ли православие объяснить мир»*) – существо с изначально заложенной в него доброй нравственностью. Со временем через грехопадение и постоянно генерируемые из него грехи человечество утеряло связь с Богом, извратило понимание Его.

Все попытки восстановить эту связь выродились в квазирелигии и смутные верования, которые, появившись из помрачённого человеческого ума и духа, несли в себе лишь слабые тени и тусклые отблески истинного богопознания,

И только редкие люди, буквально единицы, предвозвещали рождение Совершенного Человека, который вернёт человечеству его былое достоинство, воскресит связь с Богом и навсегда исторгнет из человеческой среды жало греха и смерти.

Таким Богочеловеком стал Христос.

С приходом Христа в мире началась новая эра, и всё изменилось, абсолютно всё, и люди обрели величайший новый смысл: уподобиться идеалу человека – Христу.

Все слёзы, боль и смерти наших детей – на нас, на людях. На наших прямых или перекрёстных грехах, падениях, мерзостях, разврате и лжи. Человечество повязано друг с другом, это одна большая и, увы, больная семья, хотим ли мы признавать это или нет. И за грехи одних нередко расплачиваются другие. Но другие ведь тоже грешат. И получается, что все мы повально друг перед другом в ответе. А Бог тут ни при чём. И не надо свои грехи, маниакальные психозы и извращённые пакости списывать на Бога. Он дал нам только добро – волю, разум, любовь и свободу. Свободу выбора. А люди всё это извратили – вот пусть и спрашивают всё с самих себя! И – самосовершенствуются.

И все разговоры о том, почему Бог не сотворил человека, неспособного на грех и т.д. и т.п., отпадут сами собой как ненужные. Бог сотворил нас свободными – вот и всё. Именно по этой причине Он не стирает из матрицы памяти Ольги Бугославской и её убеждение в том, что введение курса ОПК (*основы православной культуры*) в школе – не нужно и вредно. Довольна ли она этим? Несомненно, и ещё как! Хотя лично мне её позиция кажется откровенно дикой. Но это моя точка зрения. Господь оберегает и её. Где же правда? В факторе времени. Время всех рассудит.

А быть святым и праведным вовсе не пресно и не скучно. Проблема здесь в том, что у нас просто нет возможности сравнения – мы не святы. И оттого мучаемся, страдаем, ненавидим, болеем и умираем – физически и духовно. А там, где святость, там подлинная жизнь, её идеал.

Люди праведные и чистые никого не предадут, не скажут гадость, не подловят злобно на слове, не извратят твои слова, не пристанут как банный лист с требованием однополого брака, не натравят детей на родителей, не украдут твои деньги, не присвоят квартиру пенсионера, не задушат налогом, не подожгут машину, не станут совокупляться в общественных местах, как это сделали прилюдно, в биологическом музее, новоявленные ниспровергатели нравов...

Протоиерей
Михаил ХОДАНОВ

КНИЖНЫЙ РЯД

Учебник совести

Елена Вяхякуопус.
Искры, летящие вверх: Размышления о людях с особыми умственными способностями и их родителях. – СПб.: ООО «Журнал «Звезда», 2012. – 128 с. – 500 экз.

Если не все, то уж наверняка многие из нас отгоняют от себя мысли о существовании где-то рядом каких-то других, непохожих на нас, которых называют аутистами, даунами, олигофренами и т.д. Многим, повторяю, и думать о них неприятно, тем более общаться или допускать их общение со своими близкими, особенно с нашими детьми. Нет уж, пусть лучше их держат где-то отдельно, в пансионатах, приютах, где-то в изоляции, подальше от нас. Чтоб мы их не видели и не было нужды думать о них. Книга «Искры, летящие вверх» – яростный протест против такого образа мыслей.

Елена Вяхякуопус – русская, давно переехавшая в Финляндию, психолог, организатор и реализатор нескольких международных проектов по правам инвалидов. Она разработала развивающие игры и реабилитационные программы для детей и взрослых с нарушениями развития и основала для них в Интернете сайт «Искра» (www.kipina.ru). Елена участвует и в международных конференциях, посвящённых проблемам «других людей», в которых, нелишне заметить, Россия – во всяком случае, пока – практически не принимает участия. Хотя и у нас эти проблемы, естественно, существуют. Разумеется, материальные возможности в Финляндии и у нас различны. Елена описывает свой визит в детдом для умственно отсталых детей в российской глубинке. В комнатах на голом полу сидело по двадцать-тридцать голых детей. «Почему, – спросила Елена, – здесь нет ни мебели, ни штор, ни игрушек? Почему дети не одеты?» – «Так ведь идиоты же, – ничтоже сумняшеся ответила санитарка, – рвут всё. Ломают. Никакой одёжи на них не напасёшься. Холодно – одеваем, а сейчас жара...» Девочка лет тринадцати попросила у гостей конфетку – она умела говорить. Елена спросила: «А в школу они ходят?» Санитарка изумилась: «Это ж дебилы, алигрены. Какая школа, что они понимают?»

Но не спешите противопоставлять нищую Россию и богатый Запад. Там подобных детей – да и не детей уже – ломают иначе, но ломают, и против этого восстаёт автор книги. Это о Западе она пишет: «Столетиями узаконенное обществом нарушение основных прав особых людей, научное разделение людей на более и менее ценных привели к тому, что существует «несуществующий народ», огромное число угнетённых людей, которых можно принудительно воспитывать, лечить, контролировать самые интимные сферы их жизни. Отданные произволу психиатров, спрятанные за железными решётками интернатов, они не имеют права на работу, любовь, семью, свободу передвижения...» Это там, где пансионаты комфортны (с нашей точки зрения), ни один взятый оттуда пациент не хотел бы вернуться обратно. Ни один.

Доброта и любовь и, конечно, помощь государства тем, кто даёт «другим людям» свою доброту и любовь, – вот каким видит Елена Вяхякуопус посильное решение проблемы, а не усовершенствование тюрем-интернатов. Это если очень коротко. Обозначить все грани проблемы просто невозможно. Все 128 страниц книги лишены пустот, они перенасыщены информацией, во многом новой и столь мучительной для нас. Потому что речь в ней идёт о самом болезненном – о человеческой совести.

Юрий БАРАНОВ

НРАВЫ

Мёртвая река

В самом начале лета, в невыразимо прекрасный час июньской зари, я сидел на берегу крохотной речки Киртелинки и плакал. Буквально плакал – так было горько мне за убитую реку...

Я знал её много лет. Начинаясь из лесного родника, постепенно набирала речка некую глубину, приветливо журчала на перекатах, кружилась в омутках и успокаивалась возле устроенных бобрами запруд... По берегам густо ершился тальник, обвитый диким хмелем; качались над водой вётлы, в камышовых зарослях покрякивали утки... Но самое главное: в этой небольшой речке, длиной-то всего в пятнадцать километров, водилось много рыбы. Водяной народец был разный: пескари, голавлики, караси, окунишки. Из-за невеликой «продуктивности» речку не истязали браконьеры: ну зачем они будут тратить время на ловлю пескарей и окунишек, когда в пяти километрах от Киртелинки широко разливается Волга, где есть ещё что ущучить сетями, электроудочками, а то и взрывчаткой?

Потому и притягивала меня, заядлого удильщика-поплавочника, по-домашнему уютная Киртелинка.

Как славно было приезжать сюда после половодья, когда скатывалась мутная вода, светлели омутки, в которых самодовольно-нагловато прогуливались стайки молоденьких голавликов, как бы дразня: «Вот мы здесь – попробуй поймай! Мы ведь тебя видим!»

И ведь вправду видели! Потому и дразнились.

Вот так и блаженствовала моя душа целых два года, радуясь тому, что ещё встречаются в сильно загаженном родном отечестве такие вот речушки, возле которых (как писал большой ценитель поплавковой удочки Сергей Аксаков) «...можно чувствовать полную, не оскорблённую людьми жизнь природы». И думалось мне, что ещё многие годы будет радовать мою душу – нет, не улов, совсем не в нём дело! – а вот то состояние, о котором так трепетно вспоминал всё тот, уже ослепший в старости Сергей Тимофеевич:

«...Туда же бежать от неугомонной, внешней деятельности, мелочных, своекорыстных хлопот, бесплодных, бесполезных, хотя и добросовестных мыслей, забот и попечений! На зелёном, цветущем берегу, над тёмной глубью реки или озера, в тени кустов, под шатром исполинского осокоря или кудрявой ольхи, тихо трепещущей своими листьями в светлом зеркале воды, на котором колеблются или неподвижно лежат наплавки ваши, – улягутся мнимые страсти, утихнут мнимые бури, рассыплются самолюбивые мечты, разлетятся несбыточные надежды! Природа вступит в вечные права свои, вы услышите её голос, заглушённый на время суетнёй, хлопотнёй, смехом, криком и всею пошлостью человеческой речи! Вместе с благовонным, свободным, освежительным воздухом вдохнёте вы в себя безмятежность мысли, кротость чувства, снисхождение к другим и даже к самому себе. Неприметно, малопомалу, рассеется это недовольство собою, эта презрительная недоверчивость к собственным силам, твёрдости воли и чистоте помышлений – эта эпидемия нашего века, эта чёрная немочь души, чуждая здоровой натуре русского человека, но заглядывающая и к нам за грехи наши...»

Я привожу эту длинную цитату, потому что в ней (как мне кажется) выражена вся сущность той незатейливой страсти, называемой «ужением рыбы». Нет, совсем не в рыбе тут дело – а в том душевном настрое, который возвышает нас, роднит с землёй – и (по большому счёту) является частью духовной жизни человека. Российского – в особенности.

Вот почему была так дорога мне речка Киртелинка. Вот почему думалось мне, что уж в таком глухом уголке родного Татарстана испоганить речку просто некому. Ну представьте: всего пятнадцать километров её длина; всего две деревушки расположились на её берегах. Одна, уж почти нежилая, с революционным именем Красный Восток, вторая – Киртели. Отсюда и название речки.

Снова сильно я ошибся в своих надеждах. Прибыв нынешним летом на речку, увидел я её мёртвой. Точнее, убитой. По Киртелинке плыли какие-то коричневые хлопья, оседая на тальниках. Рядом сидели два джентльмена с удочками. Один матерился:

– Убили речку! Даже лягушки вымерли.

– Кто убил-то? Вы же и убили! – взорвался другой. – Всего две деревни на речке! Ни химкомбината, ни городских стоков! А речку угробили!

Диалог стал мне интересен. Пояснение было таким:

– Видите свиноферму? Оттуда дерьмо сбросили. А вон там ремонтная мастерская. Мазута остатки, отработанное масло – в овраг. А оттуда – в речку. Вот и не стало её...

Призадуматься было над чем. Те, кто когда-то поселился на берегу Киртелинки, берегли речку столетиями. Сегодняшние «хозяева земли» угробили её за считаные дни. И не какими-то химическими производствами, а просто житейскими варварскими привычками...

Так я познакомился с сельским учителем Виктором Ильичом Сосниным. С ним мы пешком дошли до того места, где Киртелинка впадает в речку Кильну. На ней расположено несколько деревень, население которых тоже абсолютно всё валит в воду. Кильна так же мертва, как и прочие местные речушки... Это уже не животворные артерии природы, а просто канализация местного значения.

А ведь в этом районе тоже нет нефтехимических и прочих «вредоносных» производств! И реки мертвеют от привычек валить всё в овраги (а оттуда – в речки) и собственного разгильдяйства (навоз с ферм трактором – к речке).

И абсолютного отсутствия властного пригляда за состоянием своих же лугов, вод, лесов.

Вот так даже не промышленный экстремизм – а всего-навсего самое обыденное, самое привычное наше поведение губительно для природы.

И вот тут самое время поговорить о роли местных властей в деле сбережения родной природы (я уж не говорю о приумножении). Им, видимо, не приходит в голову, что забота о благополучии страны и её природы начинается прямо у их порога...

Как относятся к родной земле те, кто постоянно проживает возле наших лесов, речушек, озерцов и болотцев? То есть жители наших деревень, посёлков, маленьких городков. Да по-свински относятся.

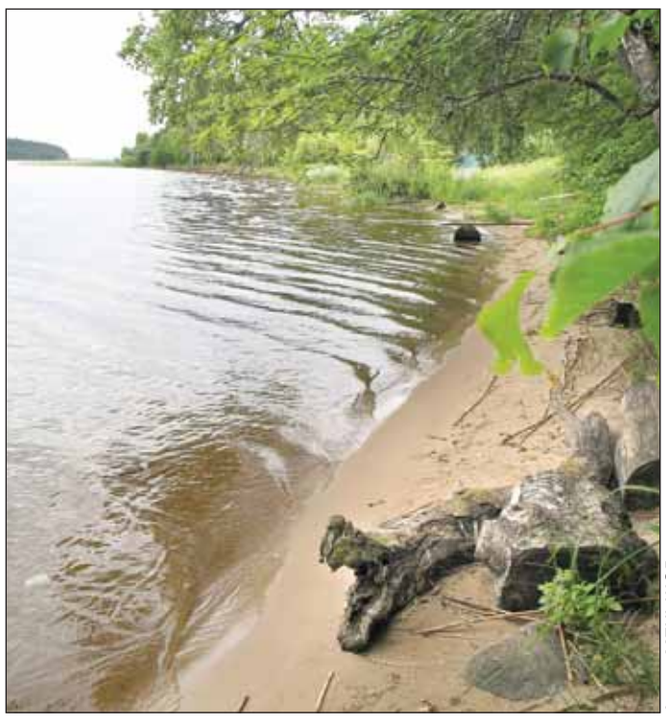
Ну скажите, какие подвиги нужны, чтобы речка Киртелинка жила и радовала народ? Да никаких! Нужно простое желание местного начальства и населения. Не с луны же свалились, не из Москвы прибыли её губители, здесь же и проживают. А на красоту и здоровье своего окружения наплевать. И повсеместно так. Скажем, в соседней с Киртелями деревне Кильдюшево даже сельскую свалку расположили прямёхонько на водостоке в ту же Киртелинку.

Заезженные в лоскут деревенские улицы, мусор, свалки на каждом шагу, неухоженность – это уже не отступление от нормы, это – норма. Какие уж тут пруды, парки, аллеи! И ведь самое непостижимое: почему это не скребёт душу, почему не вызывает желания убрать, почистить, навести опрятность?

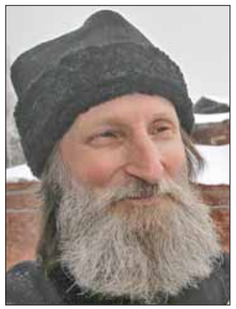
И в этой неистребимой патологии повинны все! Не желаем жить по-другому. Иначе мы не мостили бы улицы мусором, не загоняли бы стада в леса и речки. Не устраивали бы свалки возле кладбищ. Мы были бы способны понимать, что жизнь состоит не исключительно из пережёвывания и переваривания пищи; что красота если и не спасёт мир, то хотя бы поможет остаться каждому человеком; что посидеть с удочкой на берегу ласкового пруда куда лучше, чем тратить время на пьяную бестолковщину с собутыльниками...

Вот на какие мысли навела меня убитая речка Киртелинка.

Жан МИНДУБАЕВ,
собкор «ЛГ»,
РЕСПУБЛИКА ТАТАРСТАН



Антон МЕНЬШОВ



Николай БУЛГАКОВ

Николай Булгаков печатался на 16-й странице «ЛГ» в конце 60-х – начале 70-х годов, учась на факультете журналистики МГУ и работая одним из редакторов «Клуба 12 стульев». Член Союза писателей России с 1992 г. С 1995 г. – священник, в настоящее время настоятель храма Державной иконы Божией Матери под Москвой. Автор книг прозы для взрослых и детей, о позднем этапе творчества Н.В. Гоголя, православной публицистики.

Предлагаемый вам сатирический рассказ доносит до нас черты жизни того времени, когда напрямую сказать о евангельской правде в печати было невозможно.

Ближний

Господи, как же я тебя не люблю, ближний ты мой!..

Первый раз в глаза тебя вижу. Знать тебя не знаю. А какое во мне с первого взгляда страстное чувство нелюбви к тебе поднимается!

Именно из-за близости нашей. Регулярной физической близости по утрам в автобусе – между мной и тобой, который мне в ухо из своих сокровенных глубин колбасой любительской, сыром костромским и чаем грузинским от завтрака дышит и кому я в связи с этим неприметно из соображений высшей взаимности стыдливо углом портфеля мякоть уязвил.

Не могу уже тебя, не волнуясь, ощущать. Видеть, слышать. Ближе тебя нет у меня никого. Особенно когда ты на моей ноге едешь. Прижимаешься ко мне, как родной. Какой там родной, родственник даже самый ближайший до такого проявления нежности и близости не додумается. Как сынок, играясь. Наверно, на работу опаздываешь? Понимаю. Никогда ведь, конкретный мой, за полчаса до меня не выйдешь – обязательно в тот самый автобус, до которого и я еле добежал, надо втиснуться! Только бы нам одним воздухом дышать. Вот и не могу я уже чувства свои в себе таить. Хочется как-то показать своё к тебе отношение. Пушиночка моя. Постой на моей ноге, отдохни. Можешь даже на остановку больше – я тебе вовремя выйти-то не дам, не пропущу нестись, как заяц ошпаренный, как бы задумаюсь во сне. Нечего на работу опаздывать.

А вот, называется, он встал. Стоит, мешает выходу пассажиров! Надо тебя, расставаясь, в дверях эдак хорошо, кулачком, подзадеть, хоть и можно нормально мимо пройти, чтоб догадался ты: кое-кто, между прочим, на работу опаздывает, а тебе хоть бы хны – задумался во сне! Хочется, чтобы дошло до тебя, моё сердце, что нехорошо собой автобус переполнять. Помирать будешь – ты уж извини, палец о палец не ударю... Но зато на воспитание твоё, на это святое дело, – на то, чтобы понял ты, наконец, кто ты есть, то есть сколько тебя, гориллу этакую, бегемота такого, всё ещё, к сожалению, от человека отделяет – на это никогда сил никаких не пожалею: ни человеческих, ни ещё каких! Честное слово.

И что, спросят, я в тебе нашёл? Ниг де ведь на шаре земном – хоть на другой его край заглядывай! – второго такого не сыщется, которого бы я крепче тебя не любил, моего наиближайшего. Ничего вроде в тебе особенного-то и нет... А вот поди ж ты!

Хорошо им, тем, дальним говорить. Кто хоть на шаг от меня дальше, тех и я не пойму: чего это они из-за обыкновенных чужих людей так волнуются? А ты – один у меня такой! Лезешь, стоишь, идёшь ты всегда в одном месте: не там – то есть там же, где я в эту минуту стою и иду. Вон через пять этажей живёт душа-человек, трубач – его и не слышно! А ты, за стенкой, – то и дело: то ложкой о стакан заденет, то газетой зашуршит, труба иерихонская! Чем ты для меня ближе, тем ты для меня хуже.

Никто из людей во мне таких чувств горячих, как ты, не вызывает. Любить я, может, кого-нибудь и могу, предпочитать условно – подружку, временно единственную, вчера познакомился, – но, конечно, не так бескорыстно, как тебя не любить! Там – что, это ж только минутный порыв – в ресторане, в день получки. А тебя, ближний мой, я без перерыва на обед не обожаю.

Может, я и сделал бы тебе одолжение, проявил бы к тебе каплю равнодушия – да не могу. Каждую минуту всё вокруг мне о тебе напоминает. Всё у меня в жизни с тобой неразрывно как-то связано. Только мне понадобится хоть какой жизненной необходимости навстречу пойти: хоть кружку пива пропустить, хоть брюки в чистку отдать, хоть подругу на Таганку вывести – значит, о тебе мысль. Потому как и ты того же, моего, желаешь. Или уже тут, или через секунду за спиной моей прилепишься, будешь над душой стоять, ногами передвигая, о близости нашей заботясь.

Размеры даже все у тебя, моя радость, близнец ты мой неустановленный, такие же, как у меня. Ботинки приду в магазин себе присмотреть, чтоб ходить в них потом. Погляжу – ботиночек-то ничего... Вот его и померяю! Надел левый – ну в точности! Даже не верится. Попрыгал в нём выписывать, а меня возвращают за рукав:

– А эту пару гражданин уже меряет – вон, у него на ноге правый.

Глядь, и ты уже тут как тут – на твоей! То же самое тебе всё подавай: не несуразное, не неудобоваримое, не рыжее какое-нибудь, у нас и вкусы-то с тобой сходятся! Тут мы его оба и схватим! Ты – правый, я – левый. Ты – мерить, я – выписывать. Как же отношение моё к тебе, брат ты мой молочнокислый, в глубочайшее из чувств моих перерасти не могло?

А вечером, если надумаю это всей этой колготни дневной отойти, в ресторане посидеть, обмякнуть, – опять же с тобой мы и встретимся. Хоть созванивайся, хоть нет – прямо у входа, как штык. Давно не виделись! Снова, плечом к плечу прижавшись, в одну точку глядим – на швейцара, дальнего нашего, который за стеклом. Точнее, на его палец: когда же он им пошевелит, дверку приоткроет, разрешит с дождика в прихожую перейти ожидать, а то через полчасика и за столик сесть. Да не за этот, куда пошёл? – а вон за тот, чтобы рядышком, хоть и не захотим.

И опять нам с тобой первым делом близость нашу скушать. На глаза дружка дружке то и дело попадаться, на голодные, на невыразительные, разговоры стеснённые каждого со своей подружкой слушать... Я на подружку твою посмотрю – она мне нравится, как тебе. А она на меня посмотрела – я ей нравлюсь, как ты. Вот и глубже моё чувство к тебе, чем к ней. К ней – всё зыбко, к тебе – стойко.

Кого увидевши, я так сразу и чувствую, что, значит, обстоятельства своей жизни вот-вот ощущать придётся?

Да к тому ж при свидетеле... Кто, я знаю, меня всегда тут же и увидит – как я выгляжу, когда на ближнего своего зверею чисто по-человечески?

Ну так сам посуди: куда же тебе после этого от чувств моих деваться?!

У меня к тебе неподдельное, слепое, беззаветное чувство ненависти, ко появляющийся! Редко да метко. Мы с тобой друзья, не забываем. Лучшие способности друг друга бережно в памяти храним. Вспоминаем, когда нужно. Когда мне нужно, когда тебе нужно. У нас жёны где работают? А мы где работаем? Бери салатик.

На работе – опять же дело особое, там чувства тоже в сравнение не идут, там сотрудники. Там мы дружка дружку изо всех силёнок любим. С нажимом, с напряжением. Всё обожание, какое ещё завалялось, из себя выдавливаем. С утра здороваемся – никого бы не пропустить:

– Здравствуйте, Александр Иваныч?.. Не замечаете?..

– Здравствуйте, здравствуйте, Иван Алексаныч дорогой, здравствуйте ещё раз, это вы просто не расслышали, а я вам сразу «здравствуйте» сказал, ещё когда мы возле туалета встретились, помните, сразу и сказал! Здравствуйте...

С сотрудником – в обед пошутим, очередь ему займём, поинтересуемся, как дома ремонт, не озверели ли вконец соседи-изверги (ведь это же вряд ли вероятно – такое совпадение, чтобы мы эти самые соседи и были). А как же – это работа, тут наше общественное лицо, всё ведь важно, как каждый относится, из этого оно и складывается, и всё вытекающее: повышение потенциальное, ставочка, путёвочка. К тому же здесь физиономии, к сожалению, изо дня в день одни и те же, не говоря уже о самом производственном процессе. Тут страшно сказать, что будет, ежели всем дружно без передыху из кожи не лезть, естество своё в три силы внутрь загоняя, идиотничая, всё с юморком, чебурашкиным голосом, ни слова в простоте:

– А вы уж, Нина Дмитриевна, и не замечаете меня совсем после отпуска, изменили мне, видать!..

Но уж зато на улицу вышел – можно и послобонить маленько! Девять часов сдерживался – больше мочи нет... А тут и ты как раз, ближний! Всегда под горячей рукой. Чего над тобой трястись, ты мне квартиру дашь, зубы вставишь? Нет, у нас с тобой чистые отношения, искренние, мне с тобой всю душу можно отвести.

А уж домой пришёл – и говорить нечего. Кого я жарче всех вместе взятых ненавидеть способен? Самую ближайшую свою, с кем подушку делю. За то, может, и люблю-то её... Любой другой-то скажет мне: «Да пошёл ты!..» А она, избранница моя, – никогда, права не имеет. На то я её и избрал, на самый горячий участок послал – это её дело, раз так у меня в судьбе вышло, что надо мне кругом сдерживаться, пускай теперь послушает, а я поору. А после я её послушаю. Если, конечно, прежде не прибью.

Ну откуда это, а?.. И не хочу вообще-то кричать да толкаться, и устал я. И понимаю, что этак у меня нервов никаких скоро и на радости не останется. А что-то внутри меня уже не может... Что-то толкает, какое-то чувство непреклонное изнутри так и поджигает, какие-то залежи накопились – только спичку поднеси!..

Ну вот что ты, ближний, всё ждёшь-то от меня, что я на тебя полканом посмотрю, слово своё справедливое скажу? Как будто я иначе и не могу! На же вот, на!!

Да, не могу. Это легче всего – мимо пройти, равнодушие проявить. Нет, я на то же самое на всё право имею, что и ты! На одно и то же с тобой! А нас – двое...

Если бы я сам делал всё, что мне хочется, я бы, может, и на то, что ты делаешь, внимания не обращал. А тут я сам, что хочу, делать не желаю – но уж и тебе не дам!

А дальний – нет, не то, всё не то... Ему меня не видать, не слышать. И мне его не слышать, не видать. Он – вообще дело тёмное... Как он на выражение моё отзовётся, даже если и услышит, неизвестно. Это ты, ближний, раз ты здесь, близ меня вынужден цвести, значит, ты мне хуже, чем я тебе, ничего и не сделаешь. Я же тебя как самого себя знаю. Вся разница, что я волосы зачёсываю налево, а ты – направо. Как в зеркале. Недаром говорят: от любви до ненависти – один шаг. От любви моей ко мне до ненависти моей к тебе – один шаг. Тот, который между нами.

Ну посмотри ты на себя, ну как можно такого, как ты, всей душой не нелюбить? В автобусе едешь – в жалкой позе, весь изогнулся. Вроде меня. Ботинки у тебя невзрачные, ободранные. Как мои. Лицо противное, недобритое. Вроде моего. Сам ты злой, неприветливый. Как я. Поговорить-то с тобой не о чем, не больше моего и знаешь-то. Только и можешь, что в шашки со мной играть. Только на то и способен-то, что невозлюбить ближнего своего.

А ближнего-то, чтоб ты знал, любить надо! Небось, и не слыхал про такое?

Ну, а кто во мне никаких плохих чувств не вызывает? Кого я люблю и кто меня уважает? С кем мне всегда поговорить приятно и кто меня всегда выслушает до конца и правильно поймёт? Может, нет таких?

Есть. Это не ближний мой, а мой друг.

Собака – друг человека. Самый близкий его друг. Она настолько ему близкий, что он даже жить с ней может под одной крышей нормально. Она на него не рычит по всякому поводу. Она не смотрит на него волком в местах скопления пассажиров. Она не гавкает на него на работе, не строит ему козней. Не следит за каждым его шагом вне дома. Не готова переспать с его женой. Не учит, сколько воды в чайник наливать, на каком мероприятии дремать. Не готова вцепиться ему в горло при первой же возможности, чтобы занять его служебное кресло.

Если бы все люди кругом были собаки!..

И люди стали уже это понимать. Они стали заводить себе друзей человека.

Очевидно, скоро к собакам будет переходить всё больше человеческих функций. Уже давно известна собака-поводырь. Безусловно, собака-контролёр приветливее, чем контролёр-человек. Очень мила была бы собака-вахтёр. Собака-продавец. Собакам необходимо разрешить проезд в общественном транспорте с занятием отдельного места. Исходя из удобства пассажиров, из того, что чем большая часть их – собаки, тем меньше вероятность возникновения в салоне ссоры, скандала, грызни.

Ах, собачка милая! Слушай меня внимательно. Ты одна ведь знаешь, какой я на самом-то деле человек, в глубине-то своей души. Такой, каким я бываю с тобой. Ведь ты видишь тогда, что не злой я какой-нибудь там человек, а добрый я человек. Душевный я человек сам-то вообще-то, сердечный, правда? Правда.

Одна ты знаешь: как бы я хотел ни на кого ни разу не посмотреть гнусным взглядом, никогда не говорить никому ни одного мерзкого слова, право своё какое-никакое отстаивая. Ведь ты меня и так за высшее существо, за человека считаешь. Ведь правда, милая? Правда.

Тебе одной скажу, ты меня поймёшь: как мечтал я всю жизнь любить ближнего!..

Только, конечно, не такого, как этот. Как мой.

Вот вырасту, думал ещё с детства, выберу самого достойнейшего, обладающего всеми наипривлекательнейшими качествами и лишённого всех наиотвратительнейших черт ближнего – и уж как его полюблю!.. Буду даже форточку раскрывать или закрывать, если он попросит. А каким нехамским-то, неоглушительным каким голосом буду я отвечать на все его вопросы, даже, может, иногда и совершенно бестолковые – с каждым может случиться, я не буду придавать этому значения. И вот – где всё это, рожа его кривая, где? На кого я похож?!

Когда его поблизости нет, разве я такой? Значит, не во мне, а в нём дело!

Господи, как жаль, что Тебя нет!.. Не учили нас...

Может, потому и ближнего своего полюбить не можем?

1975 г.

Татьяна НАЗАРЕНКО: «Сегодня художнику, чтобы состояться, одного таланта мало»

С начала 70-х, когда о Татьяне Назаренко громко заговорили, и по сегодняшний день художница не перестаёт удивлять знатоков изобразительного искусства своей способностью меняться вместе со временем, находить новые формы, новый пластический язык, новые краски. Найденным и усвоенным Назаренко не удовлетворяется – для неё это лишь плацдарм для очередных открытий. При этом новизна, современность – не самоцель, а органика существования и самовыражения. Даже обращаясь к истории, художница умеет каким-то удивительным образом затрагивать сегодняшние болевые точки и находить новые изобразительные приёмы. Пример тому – последний цикл её работ, названный «Фамильный альбом». На полотна перенесены реальные семейные фотографии. Здесь и дед, расстрелянный в 37-м, и бабушка, в одиночку поднимавшая дочерей, другие родственники, оставшиеся там – в 20-х, 30-х, 40-х, их письма с фронта, из ссылок, лагерей… Эти работы уже видели посетители Киевского музея русского искусства и музеев нескольких российских городов. Выставка графических листов Татьяны Назаренко, открывшаяся недавно (4 октября) в галерее «Открытый клуб», – продолжение «Семейного альбома».

– Татьяна, художнику сегодня, чтобы выставиться, нужно похлопотать, или это всегда случайность, подарок судьбы?

– Думаю, бывает по-разному. Я лично никогда не хлопотала. Живу в этом смысле по принципу Булгакова – жду, когда придут и дадут. Например, предложение выставиться в Киеве я получила от галереи «Волга». Они связались с музеем, естественно, предложили спонсорство, без этого никак, и всё закрутилось. Киевляне были рады такой возможности, в их стенах я выставлялась 24 года назад! Самой главной проблемой оказалась перевозка картин. Безумно сложно было с оформлением работ для таможни – всё это фотографирование, документирование, распечатывание, подписывание!..

– Вот тебе и подарок судьбы…

– Нет-нет, если есть возможность сделать выставку, особенно за рубежом, надо преодолевать любые трудности. Потому что это важно не только для самого художника. На открытии директор Киевского музея русского искусства говорила: «Мы так хотим показывать российских мастеров, мы же музей русского искусства, но ничего не можем выставить – нет денег, нет площадей». У них действительно нет экспозиции, поэтому они не могут выставить даже то, что имеют. В запасниках лежит и моя работа, кажется, 1976 года, и работа, например, Саши Ситникова, который тоже ездил со мной на открытие. Впрочем, в российских музеях такая же ситуация – нет места для современного искусства. Даже не современного, в данном случае это не очень правильное слово: всё заканчивается 20-ми годами, а дальше – лакуна. Ни один наш музей не имеет достойной коллекции работ последних пяти-шести десятилетий. Ведь как у нас раньше происходило? Министерство культуры само приобретало какие-то картины и отдавало их музеям. Часто это было совсем не то, что могло бы стать частью хорошей коллекции и чему бы обрадовались музейщики. Это одна причина. Вторая: очень многие музеи, расположенные в церковных памятниках, лишились даже тех небольших площадей, что имели. Площади перешли, так сказать, к законным владельцам. Редко в каких городах у нас специально строились музеи. Знаю один в Туле – и всё. Кстати, там как раз есть маленькая экспозиция современного искусства. Но это редкость. А например, в замечательном городе Вологде музей находится на территории кремля. У меня там была выставка в Воскресенском соборе. Вот и думаю: будет ли где выставляться в следующий раз?

– А у представителей так называемого актуального искусства таких проблем, по-моему, нет…

– Да, это идёт новая генерация художников. Они ребята шустрые, и Министерство культуры их поддерживает – во многих городах созданы центры актуального искусства. Но музейщики далеко не все хотят приобщаться к этой современности. Объясню почему. Вот у меня была выставка в Рязани. Я им сначала предложила «Фамильный портрет», а они: «Нет, мы хотели бы видеть ваши более ранние работы». Понимаете, они не знают новых форм, поэтому тяготеют к старым, традиционным. И Назаренко им нужна прежняя, понятная – а тут видят, на Сурикова как-то совсем не похоже. Что уж говорить об актуальном искусстве! И традиционный музейный посетитель к нему тоже, разумеется, не подготовлен. Нельзя сразу делать такой перескок – через полувековой, а то и больший отрезок времени! Это одна сторона. Но есть и другая... Вот увидела я в Киеве, какая очередь, в основном из молодых, стоит в галерею актуального искусства Пинчука. Уверена: эти люди ни разу не были в местном Русском музее или, может, были один раз – и всё. А что туда ходить? Там ничего не меняется, разве найдёшь в тех стенах отклик на сегодняшние проблемы, сегодняшнюю жизнь? А у Пинчука найдёшь. Увидели на картине девушку среди трупиков на кладбище – о, вот оно, родное, то, что по ТВ показывают! И думают: это и есть искусство.

– По-вашему, актуальное искусство – не искусство?

– Нет, там много всякого разного. Но когда ты, например, оказываешься в дыму, как в парной бане, это не имеет никакого отношения к искусству. Во всяком случае, к изобразительному. Может, к театру – не знаю...

– А в странах дальних часто выставляетесь?

– Случается. Сравнительно недавно, скажем, у меня была выставка в галерее в Нью-Йорке. Но это совсем другое. Чисто коммерческое предприятие. Меньше работ. Я сама их вывозила, просто свернув в рулоны, там были заказаны подрамники... В общем, это самый простой и доступный способ организовать выставку.

Из цикла «Фамильный альбом»

– Молодому художнику, которому важно показать людям свои достижения, как я понимаю, без помощи Союза художников, Министерства культуры не обойтись. Помогают?

– Редко и, как правило, не лучшим. Увы, художник сейчас должен быть менеджером самому себе. Должен взять под мышку свой портфолио, а перед этим его составить, напечатать. Должен узнать, где и какие есть галереи, кто может заинтересоваться его работами. Если сделает, тогда что-то начнёт происходить. А если он стеснителен, скован – ничего не произойдёт. Он может быть семи пядей во лбу, но останется со своими картинами и пойдёт писать церкви или портреты за небольшую сумму. Художнику ведь тоже нужно на что-то жить. Хорошо если квартиру сдаст удачно, а сам на эти деньги в деревне будет писать пейзажи и складывать их, в расчёте на будущее. Были же примеры. Но не всем есть что сдавать. *(Смеётся.)* Знаете, у нас на Масловке *(на этой улице мастерская Татьяны Назаренко. –* **М.Б.***)* при советской власти, когда умирал художник, выбрасывали тонны картонок, картинок, набросков. А куда девать? Но едва началась перестройка – понаехали иностранцы. Раскупили на корню всё, что ещё не было выброшено, – и пейзажики, и этюдики с пионерами и пионерками, с бабками, с курицами – всё колхозное, советское. Всё раскупили! Значит, кто-то из старых художников дождался таким образом «светлого будущего»...

– Кстати, о старых художниках и современных. Как вы видите опытным глазом академика – новые мастера «поспевают»?

– Истинных мастеров всегда мало. А сейчас особенно. Мастера ведь нуждаются или в просвещённом правителе, или в господдержке, или в процветающем обществе, которое будет вкладывать деньги в искусство. Что далеко ходить? Откуда, скажем, взялись малые голландцы? Принято было тогда украшать дома пейзажами с кораблями, натюрмортами... Каждый сюжет имел значение, их все понимали: один сюжет сулил семье процветание, другой – любовь и согласие. А сейчас входишь в богатый дом – что его украшает? Цветы, обои, люстра, бордюр шикарный. Беда!.. А благодаря чему есть у человечества Леонардо, Караваджо, Микеланджело? Были умные правители, которые инвестировали, как сейчас говорят, в нетленное искусство. Король целовал Леонардо на смертном одре! Представь себе на минутку, что наш президент целует (конечно, в более радостных обстоятельствах) какого-нибудь художника? Ну разве что Никаса Сафронова поцелует *(смеётся)*. И то только за его выдающуюся внешность, а не за то, что он написал.

– Вы – профессор Суриковского института. Общение с молодёжью радует?

– Радует-то оно радует, но и в образовании всё трагично. Мы же работаем по старым канонам, учим так, как и нас когда-то учили. Говорим: нам нужна композиция, академический рисунок и всё такое прочее. Молодой человек оканчивает вуз с этими знаниями и умениями – красиво передавать цвет, движение, выражение лица – и куда идёт? Кому нужны большие картины, которые благодаря нам он теперь умеет писать? Это ведь уже анекдот, что художник через 30 или 40 лет после окончания института выставляет свою дипломную работу, потому что это лучшее в его творчестве!.. Меня студенты часто просят: а нельзя ли остаться в мастерских или поступить в аспирантуру? Хочется им ещё повариться, поучиться. Стать настоящим художником – это ведь ещё и сдать экзамен на взрослость. А у меня даже лучшие ученики порой говорят: а я не знаю, что писать. В 21 год они ещё незрелые! Ну будут в каких-то молодёжных выставках участвовать. Но там так всё однобоко! И уйдёт всё в песок...

– Вячеслав Пьецух на открытии вашей выставки в Киеве сказал, что «на Татьяне Назаренко заканчивается русское национальное искусство». Вы с этим согласны?

– Нет, конечно. Это было красное словцо в честь события. Но смешная вещь. Мои студенты прошлых лет, когда я их спрашивала: «Ребята, что вы проходите из современного искусства?», потупив глаза, отвечали: «А на вас, Татьяна Григорьевна, всё и заканчивается». А нынешние говорят, что у них теперь всё на «шестидесятниках» заканчивается, на «суровом стиле». То есть даже до Назаренко уже не доходят. Вот такой у нас прогресс в образовании.

– Среди ваших друзей немало писателей…

– Жизнь так сложилось. У Володи Салимона я оформляла несколько книжек. И не иллюстрировала, считаю, поэзию невозможно иллюстрировать, она только даёт импульс фантазиям. Это было такое вольное сотворчество. Идея объединить под одной обложкой писателей и художников принадлежала директору Манежа Станиславу Каракашу. Наша с Володей книжка «Опрокинутое небо» была одной из первых в этой серии. И мы решили отметить её выход скромным банкетом. Захватили небольшую стопочку свежеотпечатанных экземпляров на застолье, совсем немного, и раздали друзьям. А на следующий день сгорел Манеж и всё, что было в нём. В том числе чудесная книжка Николая Климонтовича и Ани Бирштейн, Жени Попова с каким-то художником, уже забыла с кем, ну и наш с Володей тираж, за исключением «стопочки». Кто сказал, что рукописи не горят, – горят!

– Вы довольно часто используете слово, тексты в своих картинах. Какая роль этому отведена?

– У меня тексты всегда играют важную роль. Когда «Декабристов» писала, то использовала стихи Рылеева, в которых он как бы обращается к потомкам. Хотела, чтобы каждый, кто увидит картину, мог их прочесть. И в «Фамильном альбоме» есть отрывки из писем, телеграммы... Саша Ситников сказал на открытии выставки в Киеве, что я уделяю тексту такое же большое внимание, как художники-концептуалисты. Так или иначе, но именно в «Фамильном альбоме» мне было важно, чтобы эти слова присутствовали.

Беседовала **Марина БОЙКОВА**

ЧИТАЛКА «КЛУБА ДС»

Теперь у нас есть что почитать — наш постоянный автор, лауреат премии «Золотой телёнок» молдавский писатель Сергей Евстратьев, презентовал редакции свежий, ещё пахнущий типографской краской трёхтомник своих сочинений (Кишинёв: Elan Inc, 2012). Три книги объединены общим заголовком — «Сочинения умного дурака». Разумеется, это всего лишь маска — глупый человек не назовёт себя дураком.

В изящно оформленный художником А. Смышляевым трёхтомник вошли наиболее яркие произведения Сергея Евстратьева, созданные за последние годы. В первом томе публикуются произведения малого формата — рассказы, в том числе документальные, эссе, афоризмы, пародии, эпиграммы и даже, не к ночи будь сказано, басни. Во второй том включены повести, они представляют собой отличные образцы иронической прозы. Третий том отдан драматургии.

Пьесы С. Евстратьева весьма оригинальны. Одна из них, «Сократ — чаша жизни», настолько понравилась администрации «Клуба ДС», что мы даже решили опубликовать отрывок из неё. В пародийной пьесе из жизни Древней Греции перемешаны мифологическая фактура и современные реалии, что само по себе вызывает комический эффект. Здесь действуют знакомые персонажи, в частности, бог торговли и коммерции Гермес, бог № 1, по совместительству глава АО «Олимпия» Зевс, и другие официальные и неофициальные лица.

Сократ – чаша жизни

16+

Небеса. Зал Счётной палаты. Бюрократ копается в бумагах, Гермес что-то считает, Клио подтачивает ногти, Сократ стоит.

БЮРОКРАТ (*листает бумаги*). Ну где он, где он?.. Не могу найти экземпляр с крупным шрифтом. Всемогущий при других не любит очки надевать... Фу, нашёл, слава Зевсу.

Входит Зевс.

ЗЕВС. Всем первобожественный привет!

ПРИСУТСТВУЮЩИЕ (*хором*). Приветствуем тебя, Великий!

ЗЕВС. Все есть?

БЮРОКРАТ. Эрот вот-вот будет.

ГЕРМЕС (*с ехидцей*). Сошлётся на встречный ветер.

ЗЕВС (*берёт бумагу*). Что в повестке?

БЮРОКРАТ. Два вопроса. Утверждение погоды для Олимпийских игр и итогов конкурса «Красавица Олимпии».

ЗЕВС. Замечания по повестке?

СОКРАТ. Предлагаю в формулировках слово «утверждение» заменить на слово «рассмотрение». Палата может не утвердить – будет протокольное нарушение.

БЮРОКРАТ (*обиженно*). На земле ничего не писал, а тут грамотным стал?

ЗЕВС. Не ревнуй, Бюрократ, лучше исправь! Других замечаний нет? Принимается. Проекты решения имеются. Решим так. Во время игр богу солнца Гелиосу не перегревать! Облакам изменить маршрут. Дождь только в конце забега на марафонскую дистанцию, для охлаждения бегунов. Бога ветров отправить в очередной отпуск.

БЮРОКРАТ. Без содержания.

ЗЕВС. Не жадничай. Как-никак Олимпийские игры. Гефесту на кузнице все игры не стучать, дабы земля не дрожала. Ясно?

ПРИСУТСТВУЮЩИЕ (*хором*). Да!

ЗЕВС. Бюрократ, передай Аполлону: собрать участниц соревнований на жертвенной поляне в мини-купальниках, лично отберу финалисток. На то же время назначь сбор борцов на стадионе и пригласи Геру. Понял?

БЮРОКРАТ. Будет, как ты сказал.

ЗЕВС. Второй вопрос.

БЮРОКРАТ. Громовержец, для подведения итогов конкурса всё организовали. Пьедестал установили, амфитеатр в зелени, колесница ждёт победителя. На сцене богини в бикини, над ними твой портрет. Пан играет на свирели, сатиры пляшут. Дионисий угощает зрителей вином, группы поддержки их будоражат. В финал, как ты и повелел, вышли Афина, Афродита и Гера. Для вручения твоего приза предоставили слово Парису, и – снова скандал! Тот вынес на подносе... три яблока.

ЗЕВС. Три яблока?

БЮРОКРАТ. Я неверно сказал. Не три яблока, а три дольки яблока.

ЗЕВС. Не понял, почему три дольки.

БЮРОКРАТ. Парис запутался в трёх богинях, как в трёх соснах. За победу Гера предложила ему власть, Афина – сделать самым храбрым героем, Афродита – подарить любовь самой красивой женщины. Парис пожадничал и захотел получить сразу всё обещанное. Уговорил Гефеста, и тот яблоко распилил.

ЗЕВС. Дожили, будущие цари взятки берут.

ГЕРМЕС. Чему удивляться? Он же из «семьи». У них двойные стандарты.

ЗЕВС. А участницы?

БЮРОКРАТ. Богини от возмущения заговорили в рифму.

ЗЕВС. Женская непредсказуемость.

БЮРОКРАТ. Каждая из них посчитала себя обделённой – и приза не взяли.

ЗЕВС. Парис – дубина!

БЮРОКРАТ. Так же заметила Афина.

ЗЕВС. А Гера?

БЮРОКРАТ. Сказала, что Париса ждёт галера.

ЗЕВС. А прекрасная Афродита?

БЮРОКРАТ. Цедила слова, как сито, и заявила свысока, что у неё украли два куска.

ЗЕВС. Ты, я вижу, сам рифмовать стал. Парис как объясняет?

БЮРОКРАТ. Говорит, я же выбирал не из кого-нибудь, а из богинь. У них всё прекрасно. И лицо, и фигура, и воспитание, и образование, и звание твоих родственниц. Одна ни в чём не уступает другой. А от тебя, Громовержец, он не получил конкретных указаний, кого из трёх наградить. И не имел права подвести великого Зевса.

ГЕРМЕС. Хитрец этот Парис.

ЗЕВС. Ты не меньше... Советуй, Сократ!

СОКРАТ. Великий, поручи Персею найти три самых красивых персика. Гефест пусть сделает из разрезанных частей амулеты. На каждом написать: «Изготовлен по заказу Зевса в одном экземпляре». Поставить на них твою печать громовержца.

ЗЕВС. Бюрократ, лично вручи амулет вместе с персиком и лавровой ветвью каждой в отдельности.

БЮРОКРАТ. Для меня это особая честь.

Сергей ЕВСТРАТЬЕВ

ПОДРАЖАНИЯ

Веники в цвету

45+

И веник у них не цветёт,
А наш — посмотри! — расцветает...
Любимая, я — идиот,
Европа стихи не читает

Владимир ШЕМШУЧЕНКО

Родная, побудем втроём.
Нет-нет, не ошибся твой шизик.
Две личности в теле моём:
Я сразу и лирик, и физик.

В слезах я смотрю на бурьян,
Репей и осот с повиликой.
И я красотой этой пьян,
И горд я Россией великой.

Крапива и чертополох.
Взгляни! Что за прелесть! А запах?!
Всем сердцем славян любит Бог.
Не то что расхристанный Запад.

У них не растут лопухи,
И веник там не расцветает.
Мои золотые стихи
Европа, увы, не читает.

Талант мой у них не в цене.
Пропащие, жалкие души...
А премию Нобеля мне
Пускай не дают — им же хуже.

Александр БЫВШЕВ,
п. КРОМЫ Орловской обл.

ВНИМАНИЕ!
Цифры возле заголовков показывают, с какого возраста можно читать это произведение.

Ироническая поэзия

Привыкание

31+

Оправившись от первого испуга,
встречаем хлебом-солью (не впервой!),
как старого проверенного друга,
объятия раскрыв, испуг второй.

Водяра повседневного разлива
острее и желанней под экстрим.
«Ты третьим будешь?» —
подмигнув игриво,
мы третьему испугу говорим.

Четвёртый, пятый, сотый,
миллиардный,
тем паче триллионный next испуг,
не то чтоб встретить с помпою
парадной —
увы, заметить даже недосуг.

Пусть бают про коллайдеры, кометы,
про майевские хит-календари,
пугают без конца концами света...
Всё тру-ля-ля, хип-хоп и ай-люли!

Кто виноват?

8+

Почему у Стрекозы и Муравья
не сложилась поздней осенью семья?
Виноват Медведь, живущий в том краю
и на ухо наступивший Муравью.

Александр ШУРАЛЁВ,
с. КУШНАРЕНКОВО, Башкортостан

ФУТБОЛЬНЫЕ СТРАСТИ «КЛУБА ДС»

Станислав АШМАРИН

Василий АЛЕКСАНДРОВ

ДРАМЫ «КЛУБА ДС»

Лермонтоведы

48+

Начался обычный урок литературы.

– Ну, Сидоренко, расскажи нам о поэме Лермонтова, которая называется... – сделал многозначительную паузу учитель.

– Мцыркуль! – блеснул эрудицией тот.

– Короче! – невозмутимо уточнил педагог.

– Мцырк! – предположил Сидоренко.

– Мцыри, – прервал полёт фантазии учитель.

– Точно, Мцыри! – оперативно согласился ученик. – Племя такое... Ну, как чероки...

– Про чероки откуда знаешь? – удивился учитель.

– От джипа! – признался Сидоренко. – У отца джип Чероки...

– Где джип и где Мцыри! – не выдержал учитель.

– Может, про джип рассказать, Сергей Петрович? – предложил ученик.

– Не трави душу бюджетника! – не поддался на провокацию педагог.

Сидоренко вздохнул и начал с надеждой всматриваться в ряды одноклассников. Наконец, расшифровав жестикуляционный посыл, добавил:

– Крыша у мцырей поехала!

Класс зашумел.

– Горы, горы... – прошуршало из глубины.

– Альпинистами были эти Мцыри! – радостно сообщил допрашиваемый.

– В горах Кавказа жили монахи! – поправил Сергей Петрович.

– Монахи-альпинисты! – развил наводку ученик.

– Откуда в кавказском монастыре альпинисты? – поинтересовался учитель.

– А откуда в Шаолиньском монастыре каратисты? – поделился ассоциацией Сидоренко.

– А откуда у твоего отца джип Чероки? – задал наводящий вопрос педагог.

– Я позвоню, узнаю!

– Узнай лучше про Мцыри!

Сидоренко поймал очередной посыл из класса:

– Мцыри – тинейджер!

– И что этот тинейджер делал?

– Играл в хоккей с «Ак-Барсом»!

– И кто победил?

– «Барс» – чемпион! – выкрикнул Сидоренко.

– Мцыри победил! – сказал учитель.

– Сергей Петрович, вам бы на спортивном тотализаторе играть! – посоветовал ученик.

– А я что делаю?.. Кстати, чем кончается поэма?

– А она кончается? – удивился Сидоренко. – Я думал, что ещё будет продолжение.

«Эх, влепить бы ему двойку, – вздохнув, подумал учитель. – Да его отец обещал мне помочь с джипом!»

Урок литературы продолжался.

Свою информацию о достопримечательностях Кавказских гор выдавал Петрушин. Он утверждал, что описанный Лермонтовым монастырь находился между курицей и «Араратом».

– Курой и Арагви! – хотел поправить педагог, но, вспомнив, что Петрушин-старший накануне презентовал ему бутылочку коньяка «Арарат», промолчал.

Анатолий КОЛОМЕЙСКИЙ,
ЧЕЛЯБИНСК

ВЕРОЯТНОЕ-НЕОЧЕВИДНОЕ

БОЛОГОЕ

29+

(Из цикла «Великие города мира»)

Город Бологое является самым таинственным городом на нашей планете. Он по праву занял своё место рядом с такими загадочными явлениями, как рисунки в пустыне Наска, падение Тунгусского метеорита, посадка НЛО во дворе наркологической больницы города Хабаровска и беременность замужней женщины из Брянска от снежного человека. Дело в том, что город Бологое никто никогда не видел при дневном свете. Российские учёные опросили свыше десяти тысяч человек на Московском вокзале в Санкт-Петербурге и на Ленинградском в Москве. Полученные результаты поражают воображение. 10% опрошенных заявили, что город Бологое бывает только ночью. Оставшиеся 90% не поняли вопрос и просили пива. Были опрошены также проводники поездов, курсирующих между двумя столицами. Никто из проводников не видел Бологое днём. Мало того, никто из них никогда не встречал людей, сходящих на этой станции.

После многочисленных обращений учёных в администрацию президента судьбой города заинтересовались ЦИК, ФСБ и завод по производству фонариков. И вот что им удалось выяснить. Город Бологое существует. Он состоит из здания вокзала и нескольких ларьков, торгующих пирожками, сигаретами и ещё чем-то, что разглядеть не удалось. В городе живут шесть человек, из них четверо – полицейские. Дальше, по словам членов специальной комиссии, начался лес, и вагон-ресторан закрылся. Главное, что удалось рассмотреть, – в Бологом действительно была ночь, в то время как через три часа в Санкт-Петербурге – день. Обратный путь члены комиссии решили проделать на самолёте, но их постигла неудача – все места у окошек оказались заняты и наблюдения сорваны.

Деньги на вторую экспедицию выделены не были. Между тем от некоторых членов комиссии довелось услышать предположение, что, скорее всего, Бологое является международной столицей вампиров, которые, как известно, боятся солнечного света. Они появляются по ночам и сосут кровь у пассажиров проходящих поездов, поэтому у них, у пассажиров, всегда с утра очень плохой вид. Но вампиры вампирами, а неужели правительству России, депутатам, другим ответственным лицам безразлична судьба российского города? Ведь под покровом ночи в Бологом могут совершаться серьёзные правонарушения, такие, как уход от уплаты налогов или торговля контрафактными петардами. Также совершенно непонятно, как там осуществляются призыв в Вооружённые силы и регистрация браков, работают ли в Бологом ячейка «Единой России» и зоопарк, какова ситуация с нарушителями правил дорожного движения – кто их штрафует, на сколько и где деньги.

Между тем к Бологому уже проявляют интерес различные международные организации. Недавно, например, на границе Московской области были остановлены шесть «Газелей», в которых находились граждане Китая. Учёные, как они представились, направлялись в Бологое с целью проведения эксперимента по продаже итальянских джинсов отличного качества. Пока полицейские совещались, учёные исчезли вместе с «Газелями», а на границе Московской области появился рынок джинсовой одежды, на котором торгуют исключительно жёны полицейских. Куда пропала научная экспедиция из Китая? Откуда у жён полицейских появились джинсы? Что происходит в Бологом днём? Как проходит там реформа ЖКХ? На эти вопросы ответов пока нет. Город Бологое продолжает хранить свои тайны, будоража умы искателей приключений со всего света...

Илья КРИШТУЛ

Напоминаем, что чувство юмора авторов далеко не всегда совпадает с чувством юмора редакции

ТУРИЗМ

Французская красота

Всё-таки из всех последних путешествий самым незабываемым стала для меня Франция, круиз по Роне.

Сама форма путешествия давно уже выбрана мной как наиболее предпочтительная. Сочетание ярких путевых впечатлений с комфортным отдыхом, возможность после экскурсии побывать в сауне и в бассейне, «вкусно» посидеть в ресторане и в баре, много других удобств на много лет определили любимый способ проведения отпусков.

Круиз же по Роне показал мне такую доподлинную Францию, какой я никогда не знала.

На Эйфелевой ли башне или на прогулочном пароходике по Сене ты встречаешься... лишь с туристами, даже Лувр или Д'Орсе, скорее, туристические объекты, чем часть жизни французов. Чего грешить, для любого путешественника – всё ново и интересно за рубежом. Но если хочется понять жизнь страны, её особенности, то лично мне такую возможность дал речной круиз на теплоходе с компанией «Тартус-тур» по Роне.

Открытия начались с аэропорта Сент-Экзюпери в Лионе, куда к месту начала круиза нас доставили самолётом. Воистину аэропорт – достойный памятник знаменитому земляку-лётчику, совмещающий огромные размеры с уютом, величием и комфортом. Одна только движущаяся лента эскалатора через всё здание, экономящая твои силы, чего стоит! В городе тоже есть памятник Антуану де Сент-Экзюпери и его Маленькому принцу. Французы стараются бережно сохранить все культурные наслоения минувших веков, оставить живые следы присутствия своих великих сынов и в нынешней жизни. Хозяин кафе в центре Арля до сих пор сохраняет в интерьере сочетание синего с жёлтым цветов, как было при Ван Гоге, который любил здесь посидеть... А рядом – лечебница, где он лежал с отрезанным ухом. Литографии его картин, где жёлтое с синим... его звёздное небо... его подсолнухи... вы сможете тут же купить, в городе, который он так любил, совсем недорого, за 10–12 евро. Вам предоставят возможность побывать и в его последнем обиталище, старинном монастыре в глубине Прованса, где до сих пор больница для душевнобольных и где мирно соседствуют теперь уже только скульптурный памятник гениальному художнику с палатами сегодняшних больных, с храмом, где молился тот и нынешние...

Всё как есть, как накопилось и осталось в веках, прошлое и настоящее, вместе, воедино.

Вот дом в Сан-Ремо, где родился Нострадамус, обыкновенный еврейский врач, придумавший лекарство от чумы... Вот его могила. Среди оливковых рощ и лавандовых полей стоит мельница, которую Альфонс Доде считал одним из действующих лиц всех своих произведений, в том числе самого известного – «Тартарен из Тараскона». Развалины замка Бо, до них ещё надо добраться, где, по легенде, устраивали шабаш ведьмы...

Старинный театр в Лионе, памятник классицизму, а над ним стеклянный купол, сегодняшняя надстройка. На площади рядом современные скульптурные абстракции, если тебе не скажут про что они (любовь... мир...), ни за что не догадаешься. Хоть вроде бы всё несоединимо, по-французски логично, причудливо и... красиво.

В Провансе, древней французской земле, где во времена Римской империи строили амфитеатры, бани, арки, ты увидишь их останки в Лионе, в Арле, во Вьенне, где бродили в Средние века и слагали свои песни трубадуры, вокруг тебя простираются лоскутные одеяла прованских долин с голубыми холмами, терракотовыми крышами домов, серыми громадами крепостей

TARTUS TOUR

Москва,
2-я Тверская-Ямская, 18,
оф. 201. Тел.: (495) 545-46-51,
(499) 251-19-93.
Ст. м. «Маяковская»
cruise@tartustour.ru
www.tartustour.ru

на холмах. А ещё аккуратно разлинованные поля с рядами высаженной лаванды, оливковые рощи, виноградники с длинными и короткими лозами, которые в урожай превратятся в разные французские вина.

Слышала, что «божоле» считается не лучшим, не изысканным из вин, скорее, массовым, демократическим. Но я вернулась с Роны убеждённой поклонницей именно «божоле», мягкого, сохраняющего вкус винограда и запаха Прованса.

А знаменитая французская кухня, если ты пробуешь её не в составе туристической группы с коллективно накрытым столом, а имеешь возможность, никуда не торопясь, просто посидеть с друзьями в лионском «бушоне», в маленьком ресторанчике, куда ходят французы, и попробовать не только знаменитые сыры, а народное блюдо с названием «мозги ткача», творожок с луком, опять же «божоле»! Для француза вообще вопрос: «Где мы будем обедать?» всегда полон особого смысла. Именно в Провансе проходил известный с древности треугольник чёрной магии, здесь хранятся, по преданию, архивы Нострадамуса, документы масонов... Где-то здесь скрыты сокровища тамплиеров... В Провансе увидишь то, чего нигде больше не встретишь. Дома из «золотых» камней, конечно, они не золотые, но здешний известняк с примесями окиси железа создаёт эффект золота. Именно здесь родился французский кукольный театр «Гиньоль» по имени его создателя.

Лион – известный мятежный город, он не признал якобинской диктатуры, в годы Второй мировой войны с фашистами был оплотом Сопротивления, солдат и партизан армии генерала де Голля, им очень помогали проходные подъезды домов. Это тоже лионская достопримечательность, теперь и я проходила через эти запутанные дворы и ходы. Недаром ещё до Парижа Лион когда-то был первой французской столицей. Даже своя уменьшенная копия Эйфелевой башни у них есть. Полтора миллиона жителей... Центр Рено-Пежо, четыре университета... Город знаменитых лионских ткачей и шёлкоткачества. Прошлое и настоящее города одинаково интересны. А весь Прованс полон легенд и загадок...

Вот гора, оказывается, созданная Гаргантюа: гулял, проголодался, хотел закусить каштанами, набрал камней. Высыпал...

Причудливый дворец, построенный простым почтальоном. Когда он жил, ещё не знали сюрреализма, не было наивного искусства. Но то, что он один, сам построил за свою жизнь, никаким канонам, определениям не подлежит. Дворец – не дворец, памятник – не памятник, то, как ему представлялась мировая история в материалах, которые у него были... Такое мог сотворить только француз, человек-фантазёр с врождённым чувством красоты.

А пещеры Шоранжа с причудливыми сталактитами под землёй?! Нет, одной фантазии французов на такое не хватило бы, здесь сам Создатель порезвился.

Поколесили мы и по горному серпантину, побывали в гостях в разных замках... Здесь понимаешь, что именно в этих местах могли родиться великие французские писатели, художники, артисты.

Каждый год в июле Авиньон принимает традиционный Международный театральный фестиваль. Сюда съезжаются коллективы со всего мира, и изо дня в день играются разные спектакли. Самый дорогой сегодня у меня в доме сувенир – это несколько оливковых засохших веточек, сорванных в Провансе, я не могла сорвать там лаванду, была зима, зато сухую лаванду в мешочке, лавандовое мыло я, конечно же, привезла оттуда.

...Нигде больше не увидишь такого вознесённого над городом собора, а издалека с моря видна фигура Богоматери, покровительницы моряков, как в Марселе.

Всё-таки французская красота – это нечто особенное, её надо увидеть и почувствовать.

Анна КУЗНЕЦОВА

Книги, присланные в редакцию

Андрей Дементьев. **Пока я боль чужую чувствую...** – М.: Астрель, 2012.

А.В. Кучина. **Михаил Семёнович Щепкин. Феномен личности.** – М.: Русскій Міръ, 2012. (Большая Московская Библиотека).

Искусство или мистификация: восемь эссе=Art ou mystification. – М.: Русскій Міръ, 2012. (Pro patria: историко-политологическая библиотека).

Антон Васильев-Макаренко. **Милая Марина, дорогой Иван:** Повесть, рассказы. – М.: Русскій Міръ, 2012. (Русский мир прозы).

А.Д. Чертков. **Журнал моего путешествия по Австрии, Италии, Сицилии, Швейцарии и прч. в 1823–1825 годах.** – М.: Русскій Міръ, 2012. (Большая Московская Библиотека).

Татьяна Петерс. **С полей сражений 1812–1815 гг.:** трофейные письма маршалов, генералов, чинов Великой армии императора Наполеона I и переписка генерал-лейтенанта князя Д.В. Голицына. – М.: Русскій Міръ, 2012. (Большая Московская Библиотека).

Софья Нуриджанова (Хордикайнен). **Одна любовь:** Роман в письмах. – М.: Русскій Міръ, 2012. (Русский мир прозы).

Василий Поленов. **Евангельский круг. Из жизни Христа:** Рассказы для детей о земной жизни Спасителя и Господа Бога нашего Иисуса Христа – в составлении А.Н. Бахметевой – М.: Русскій Міръ, Московские учебники, 2011. (Золотой дар).

Юрий Коваленко. **Русская палитра Парижа:** Беседы с художниками. – М.: Русскій Міръ, 2012.

М.А. Крючкова, В.Г. Парушева. **Русский Версаль. Усадьбы князей Голицыных Архангельское и Никольское-Урюпино.** – М.: Русскій Міръ, 2012.

Валентин Лукьянин. **Обыкновенная история, XX век.** Документальная повесть об отце. – Екатеринбург: ООО «Издательство УМЦ УПИ», 2012.

Пётр Лукьянин. **Чёрная тетрадь:** Стихи. Документальная повесть об отце. – Екатеринбург: ООО «Издательство УМЦ УПИ», 2012.

Непотерянное поколение. – Ульяновск, УлГТУ, 2012.

«ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА»
распространяется на бортах авиакомпаний

AEROFLOT Russian Airlines · BRITISH AIRWAYS · ТРАНСАЭРО АВИАКОМПАНИЯ · JAL JAPAN AIR LINES

Официальный распространитель периодических изданий на территории Белоруссии ООО «Юнисервиспресс», ООО «Росчерк». Розничное распространение за рубежом: в Европе и Сев. Америке – W.E. Saarbach GmbH P.O.Box 1562 D-50332 Huert Teal. 02233 7996; в Израиле – Издательский дом «Новости недели».